

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Семененко А.А.</i> Интерпретация Ригведы Хрисанфом (В.Н. Ретивцевым).....	7
<i>Шарабарина С.Г.</i> Зооморфные образы в культуре финно-угорских народов Костромского края	11

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

<i>Никитина А.Д.</i> Договор купли-продажи и его юридические последствия в старовавилонском праве первой половины II тыс. до н.д.	16
<i>Николаева Н.А.</i> Кубано-терская культура: хронология начального периода.....	22

Новая и Новейшая История

<i>Печаткин Т.С.</i> Первые шаги советской дипломатии на арабийском направлении (1922-1926 гг.)	29
<i>Зайцев А.В.</i> Внешняя политика ФРГ: поиск баланса между европейской интеграцией и национальными интересами	34
<i>Иванов П.А.</i> Информационное обеспечение военного вмешательства НАТО во внутренние дела Ливии	44

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Кричевский Б.В.</i> Политическая борьба в процессе возведения новгородского митрополита Ни- кона на патриаршую кафедру.....	52
<i>Балдин П.П.</i> Причины возникновения штундизма в России во второй половине XIX в.....	58
<i>Шарипов А.М.</i> Социокультурный фактор кризиса российской цивилизации в научно- философском дискурсе начала XX в.	64
<i>Зозуля О.А.</i> Правовое регулирование традиционных форм организации производства в России в условиях рыночной трансформации экономики начала XX в.....	70

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Багдасарян С.Д.</i> Феномен крестьянского курорта в Советской России 1920-х гг.	79
<i>Панкова-Козочкина Т.В.</i> Воздействие на менталитет сельского населения юга России внешнеполитических событий 1927 г.	86
<i>Красноженова Е.Е.</i> Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья)	91
<i>Игнатов К.А.</i> Особенности введения карточной системы в Москве. Июнь 1941 – март 1942 г. 97	
<i>Колокольчикова Р.С.</i> «Младший брат» vs «идеологический противник»: опыт взаимодействия на интернациональных стройках индустриальных городов Европейского севера России в 1970-е – середине 1980-х гг.	103
<i>Малкова И.Г.</i> Трансформация культурного пространства городов Урала.....	109

Минаков С.В. Православные россияне в контексте социально-экономического развития: исторические перемены второй половины XX в. и культурные установки граждан современной России (на примере Пермского края).....	115
---	-----

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Растимешина Т.В. Охрана культурного наследия в контексте государственной политики XVIII века.....	120
Летуновский П.В. Проблемы подготовки молодёжи к защите отечества в Смоленской области России: политический исторический опыт и современность	127
Розина В.А. СМИ как катализатор консьюмеризации политического процесса.....	133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маслов Д.В. Рецензия на кн.: Коваленко С.Г. «20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке?»	137
Диссертационный совет Д 212.155.14 по политическим наукам при МГОУ в 2011 г.	141

НАШИ АВТОРЫ	143
--------------------------	-----

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

- A. Semenenko.** The interpretation of Rigveda by Chrsanf (V.N. Retivtzev) 7
S. Sharabarina. Zoomorphic imagery in Finno-Ugric people culture of the Kostroma region 11

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

- A. Nikitina.** Sale and purchase agreement and its legal implications in Babylonian law of the first half of the Second Millennium BC 16
N. Nikolaeva. The Kuban-Terek culture: the initial period chronology 22

Contemporary history

- T. Pechatkin.** The first steps of Soviet diplomacy in Arabian direction (1922-1926) 29
A. Zaytsev. German foreign policy: searching balance between European integration and national interests 34
P. Ivanov. Mass media support of NATO's military intervention in Libya's internal affairs 44

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

- B. Krichevsky.** Political struggle during Novgorod metropolitan Nikon's Patriarchal enthronement 52
P. Baldin. The reasons of emerging shtundizm in Russia in the second half of the 19th century 58
A. Sharipov. Socio-cultural factor of Russian civilization crisis in the early 20th century scientific and philosophical discourse 64
O. Zozulya. The legal framework of industrial conventional forms in Russia under market modernization in the early 20th century 70

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

- S. Bagdasarian.** The phenomenon of peasant resort in Soviet Russia of the 1920-s 79
T. Pankova-Kozotchkina. 1927 foreign policy events impact on Southern Russia rural population mentality 86
E. Krasnozhenova. Social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War 1941-1945 (based on materials of the lower Volga region) 91
K. Ignatov. Features of June 1941 – March 1942 rationing system introduction in Moscow 97
R. Kolokolchikova. “Younger brother” vs “Ideological opponent”: experience of interaction at building sites of North Russia industrial cities in 1970s – mid 1980s 103
I. Malkova. Cultural space transformation of the Ural cities 109
S. Minakov. Orthodox Russians in the context of socio-economic development: historical changes of the second half of the 20th century and modern Russia citizens' cultural attitudes (by example of the Perm region) 115

SECTION V. POLITOLOGY

T. Rastimeshina. Cultural heritage conservation in the 18 th century state policy context.....	120
P. Letunovsky. Problems of youth training for patriotic duty in Smolensk region: historical perspective and the present.....	127
V. Rozina. Mass media as a catalyzing factor for political consumerism	133

SCIENTIFIC LIFE

Maslow D. Review by: S.G. Kovalenko. «20 years of the Soviet reforms: did the modernization take place in the Far East?»	137
Dissertational council D 212.155.14 (Political science) at MSRU in 2011	141
OUR AUTHORS	143

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930

Семененко А.А.

Воронежский государственный университет

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИГВЕДЫ ХРИСАНФОМ (В.Н. РЕТИВЦЕВЫМ)

A. Semenenko

Voronezh State University

THE INTERPRETATION OF RIGVEDA BY CHRISANF (V.N. RETIVTZEV)

Аннотация. В статье анализируется истолкование истории древнеиндийской религии ригведийской эпохи дореволюционным отечественным религиоведом и богословом Хрисанфом (В.Н. Ретивцевым). Учёный считал, что для авторов Ригведы был характерен объективный натурализм, т. е. обожествление природных явлений; они так и не смогли перейти к субъективному натурализму, т. е. к деификации психических явлений. В соответствии с библейским историософским преданием Хрисанф прослеживает в ригведийской религии переход от монотеизма к политеизму. Богослов являлся сторонником теории арийского вторжения в Индию и расово-профессиональной интерпретации варнового деления общества.

Ключевые слова: дореволюционная российская ведология, Ригведа, христианская интерпретация, субъективный натурализм, объективный натурализм.

Abstract. The paper analyzes the conception of the history of ancient Indian religion of Rigvedic epoch by pre-revolutionary Russian theologian Chrisanf (V.N. Retivtzev). The scholar thought that the authors of Rigveda were objective naturalists, i.e. they worshiped divinized physical phenomena, and not subjective naturalists, i.e. they did not deify psychic phenomena. In accordance with Biblical historiosophic tradition Chrisanf traced the passing from monotheism to polytheism in the Rigvedic religion. The theologian was an advocate of Aryan Invasion Theory and racial and professional understanding of Varna social division.

Key words: pre-revolutionary Russian vedology, Rigveda, Christian interpretation, subjective naturalism, objective naturalism.

В 1873 г. вышел первый том написанного ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии Хрисанфом (в миру В.Н. Ретивцевым) (1832–1883) сочинения по истории языческих религий Древнего Востока, в который входил и разбор ригведийского вероучения (за это многотомное сочинение он вскоре получил степень доктора богословских наук). Архимандрит совершенно не скрывал своей конфессиональной пристрастности. Особенную радость у богослова вызывал тот факт, что современные ему ведологи зарубежной Европы (Хрисанф несколько раз ссылается на имя Макса Мюллера) в своих выводах приближаются к библейско-христианским представлениям об оценке характера и роли язычества [1, 2-3 и 6].

Приступая к изложению своего видения древневосточных религий, Хрисанф подчёркивает, что «язычество в целом есть религия натурализма в широком значении этого слова» [1, 12]. Богослов уточняет, что из-за неразличения и смешения внутреннего и внешнего наряду с одушевлением процессов и явлений физической природы древний человек точно так же отделял от себя, объективизировал и обожествлял элементы своего внутреннего мира — «его собственные представления, его внутренние, психические состояния, — его скорбь и радость, его восторги и неудовольствия... кажутся ему не его самостоятельностью, а внешними посторонними силами, — богами радости и плача, скорби и любви» [1, 13]. По Хрисанфу, язычники обожествляли весь спектр феноменов «конечного бытия — ... от явлений, принадлежащих к области минералогии, до явлений психических». Поэтому исследователь подразделяет весь натурализм древневосточных религий на объективный (поклонение природным силам) и субъективный (деификация психических состояний внутреннего мира). Богослов указывает, что первая разновидность была намного более развита по сравнению со второй и намного чаще встречается [1, 15]. Объективный натурализм, по мнению Хрисанфа, мог принимать формы фетишизма (почитание отдельных природных объектов и (искусственно созданных) вещей, поклонения силам природы (их демонам и духам) и душе природы в целом [1, 15-24]. Субъективный натурализм характеризуется антропоморфизмом, т. е. деификацией «психических внутренних свойств и проявлений... божеством становится сущность человека, его собственное сознание, его разум». По мнению Хрисанфа, Божества как Такового, над миром, вне макрокосма природы и микрокосма человека язычество не знало [1, 25, 27].

Таким образом, Хрисанф закладывает в основу своего исследования религиозной жизни Древнего Востока очень широкие методологические основания, по сути дела, органично совмещающие натуралистическую и психологическую парадигмы интерпре-

тации религии и мифологии. В этом смысле Хрисанф (а не Д.Н. Овсяннико-Куликовский [2; 3]) мог бы быть назван родоначальником натуралистическо-психологической парадигмы дореволюционной отечественной ведологии, если бы не одно очень существенное обстоятельство — он не использовал сформулированные им же методологические принципы при изучении ригведийских гимнов, в его понимании религиозного процесса в Древней Индии они оказались неприменимыми.

Как христианский богослов Хрисанф настаивает на существовании первобытного монотеизма, затем забытого и искажённого языческим политеизмом, вначале очень простым и похожим на единобожие [1, 49-51, 60; 7, 528-529, 559]. Также богослов указывает на «в высшей степени замечательное» сообщение Ригведы, содержащее, по его словам, воспоминание о существовании единого верховного небесного Божества до творения мира и богов (Х.129.6-7) [1, 52]. Однако это и другие аналогичные упоминания из разных культур, трактуемые Хрисанфом как остатки изначального монотеизма [1, 51-60], можно понять и как доказательства существования единобожия у многих народов древности в различных регионах мира.

В соответствии с библейским преданием о падении человека Хрисанф говорит о том, что язычество стало продуктом деградации истинной монотеистической религии, «отпадения человеческого духа от божества в мир природы» [1, 71].

Переходя к истории ведической Индии, Хрисанф указывает, что прародиной всех индоевропейцев были верховья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, откуда индоарии переселились в Семиречье, образуемое долинами Инда Пятиречье (Панджаб) и Сарасвати-Гхаггара. Они вели кочевой образ жизни, делились на племена и управлялись патриархами-родоначальниками (царями), затем у них возникли государство и касты (варны). Сначала общество разделилось на расово-этнические разряды белокожих ариев и порабождённых ими темнокожих аборигенов (шудр), позднее

в высшем разряде выделились профессиональные группы воинов и царей (кшатриев), земледельцев и скотоводов (вайшьев), жрецов (брахманов) [1, 168, 170 и 274-276].

Ригведическую религию богослов характеризует как натуралистический политеизм, поклонение силам неба (Дьяуса) и атмосферы (Девам) – Агни (огню, свету и теплу неба и земли), Адити (животворящей силе природы) и Адитьям (различным олицетворениям Солнца, созданным разными племенами ариев – Сурье, Савитару, Бхаге, Пушану, Митре, Арьяману), Апсарам (лучам зари), Ашвинам (первым утренним и последним вечерним лучам), Варуне (небесному пространству, небосводу, взятому отдельно от световых явлений и Солнца, ночному небу и солнцу), Гандхарвам (солнечному свету в облаках или бьющим из облаков молниям), Индре (небесному свету, небосводу, светлостному дню, громовержцу, дневному солнцу), Марутам и Рудрам (ветрам, богам надземного пространства и лесов), Соме (Луне, её свету и собираемому в лунную ночь растению с наркотическим соком) и Ушас (утренней заре) [1, 183-197, 200, 303]. Остатками древнего фетишизма Хрисанф называет ригведические культы моря, рек, гор и долин [1, 197]. Благодетельным божествам противостоят тёмные облачные (Асуры) и ночные (Ракшасы) демоны [1, 198]. Особняком стоят культы мёртвых (Питри) и (бога) смерти (Ямы) [1, 198-199 и 340-341]. Отдельно обожествляются молитва (Брихаспати) и вся жертвенная утварь [1, 202, 206].

Свидетельствами начавшейся трансформации ригведического политеизма в пантеизм Хрисанф считает отождествления богов друг с другом, а также выделение верховных божеств – Индры, Агни и Варуны [1, 184-185, 203]. В нехристианской герменевтике РВ эти данные трактуются как свидетельства монотеизма или перехода от политеизма к монотеизму [6].

Итак, максимум, чего авторы РВ смогли, по мнению богослова и в его схеме, достичь – это высшая ступень объективного натурализма; они так и не смогли перейти к субъек-

тивному натурализму, т. е. к обожествлению психических явлений. Этот ошибочный и опровергаемый данными памятника вывод Хрисанфа, несомненно, был произведён из-за довлевших над его сознанием натуралистических и христианских парадигмальных представлений и отсутствия собственного филологического опыта работы с ригведическими гимнами.

Уже в начале 1880-х гг. в результате непосредственного изучения текста РВ первым из европейских ведологов Нового времени Д.Н. Овсяннико-Куликовский пришёл к выводу о том, что авторы памятника находились на той стадии развития религиозного сознания, когда «человек обоготворял свои собственные душевные и телесные состояния, когда, напр., болезнь, гнев, радость и пр. он понимал как особого рода существа, в него вселившиеся. Так же точно смотрел он и на различные экстатические состояния» [5, 220-221]. Д.Н. Овсяннико-Куликовский выступил против односторонне-натуралистического истолкования ригведической религиозно-мифологической системы: «Древние далеко не были до такой степени астрономы и метеорологи, как это думает современная сравнительно-мифологическая школа. Конечно, явления небесные и метеорологические обращали на себя их внимание и вызывали в них усиленную мифо-слагательную деятельность. Но за всем этим они не оставались глухи и слепы ко всему... психологическому... Таинственный мир душевных движений привлекал к себе внимание и пылливость древних не меньше» [3, 28-29]. В другом месте Д.Н. Овсяннико-Куликовский добавлял, что ««молитвы» понимались как нечто объективное, независимое от молящегося человека; это отнюдь не просто функция души человеческой, это – как бы самостоятельные и к тому же одарённые сверхъестественной силою существа... эти «богини речи»... «молитвы» и гимны были объективированы и обоготворены» [4, 673, 685]. Эти выводы Д.Н. Овсяннико-Куликовского основывались на тщательном изучении текста РВ. Так, например, только после подробного разбора 40 обнаруженных им в

источнике эпитетов, доказывающих экстазическую природу образа Сомы, он пришёл к выводу о том, что «Сома – это прежде всего и по преимуществу божество экстаза» [3, 26-28].

Разрабатывая методологию натуралистическо-психологической интерпретации ригведийских гимнов, Д.Н. Овсянко-Куликовский по сути в других терминах формулировал теорию объективного и субъективного натурализма древневосточных религий, предложенную за десять лет до него Хрисанфом, но так и не использованную богословом в силу его парадигмальной и конфессиональной предвзятости при работе с данными Ригведы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архимандрит Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. Историческое исследование. Т. 1 (Религии Востока). СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1873. 639 с.
2. Овсянко-Куликовский Д.Н. Разбор ведийского мифа о соколе, принёсшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза (извлечение из исследования “Культ Сомы в Риг-Веде”. Pro venia legendi) М.: Тип. А. Иванова (б. Миллера), 1882. 69 с.
3. Овсянко-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Одесса: Тип. И.А. Зелёного, 1883. 240 с.
4. Овсянко-Куликовский Д.Н. Религия индусов в эпоху Вед // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 662-694.
5. Овсянко-Куликовский Д.Н. Религия индусов в эпоху Вед // Вестник Европы. 1892. № 5. С. 217-242.
6. Семененко А.А. Ригведийская религия – политеизм или монотеизм? / А.А. Семененко // Белгородский диалог–2011. Проблемы российской и всеобщей истории, г. Белгород, 15–16 апреля 2011 г.: сб. избранных науч. тр. междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов / [редкол.: С.Н. Прокопенко (отв. ред.) и др.]. Белгород: ГИК, 2011. С. 13-15.
7. Mueller M. A history of ancient Sanskrit literature / M. Mueller. L.: Williams and Norgate, 1859. 607 p.

УДК 801.316.3

Шарабарина С.Г.

Костромской государственный технологический университет

ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

S. Sharabarina

Kostroma State Engineering University

ZOOMORPHIC IMAGERY IN FINNO-UGRIC PEOPLE CULTURE OF THE KOSTROMA REGION

Аннотация. В статье анализируются культы водоплавающей птицы и коня, являющиеся общими для всех финно-угорских народов. Следы поклонения данным тотемным животным прочитываются в финно-угорской культуре Костромского Поволжья, где до X в. проживало племя меря, ассимилированное позднее славянскими переселенцами. Выявляются элементы тотемических представлений, выраженных в зооморфных фигурках водоплавающей птицы и коня, обнаруженных в ходе археологических раскопок. Доказательства опираются на мифологические сведения. Прослеживается отражение культов в фольклоре, этнографии, различных артефактах культуры. Дается сравнение с отражением данных культов в культуре других финно-угорских народов: мордвы, коми. Анализ многочисленных и многообразных источников позволяют сделать вывод, что образы водоплавающей птицы и коня доминируют в мифологической картине мира финно-угорских народов. Косвенным подтверждением этого является и тот факт, что данные образы встречаются и в обрядности современных финно-угров.

Ключевые слова: финно-угорские народы, тотемические представления, культ коня, культ водоплавающей птицы, зооморфные фигурки, фольклорные источники.

Abstract. The article examines the waterfowl and horse cults which are common to all Finno-Ugric tribes. The totemic worship to these animals is traced in Finno-Ugric culture of the Kostroma Volga region where the tribe Merya had lived up to the 10th century before assimilating with Slavic settlers. The elements of totemic beliefs have been revealed expressed in zoomorphic figurines of waterfowl and horse discovered during archaeological excavations. The proofs are based on mythological information. The reflection of worship in folklore, ethnography, and artifacts of different cultures is traced. The author provides a comparison with other Finno-Ugric tribe cultures such as Mordovians and Komi. The analysis of numerous and diverse sources suggests that the images of waterfowl and horse dominated the mythological world picture of Finno-Ugric tribes. The fact that these images are also found in the rituals of modern Finno-Ugric tribes is an indirect confirmation of the hypothesis.

Key words: Finno-Ugric tribes, totemic beliefs, cult of the horse, cult of the waterfowl, Finno-Ugric world picture; zoomorphic figures, folk sources.

На территории Костромского края с первого тысячелетия нашей эры проживали финно-угорские племена: меря, чудь, черемисы, марийцы. По данным археологов можно судить о присутствии в культуре меря стойких тотемических представлений: в качестве оберега чаще всего использовались фигуры коня и водоплавающие птицы. Древнейшие изображения водоплавающих птиц связаны с промысловой охотничьей магией. Чаще всего их находят на местах, где происходили общинные мольбища [2, 13].

Так, подвески в виде фигурок водоплавающих птиц с висящими на кольцах перепончатыми лапками были широко распространены на мерянской территории, являвшейся, по мнению Горюновой Е.И., Алексеева С.И. и Рябина Е.А., одним из центров производства этих вещей. Отсюда путем торговли они распространялись в очень отдаленные края – Южное Приладожье, Новгород, Прибалтийские страны [3, 142]. Большая часть подвесок (150

штук) в виде фигурок водоплавающих птиц найдена в Костромском Поволжье в могильниках XI–XIII вв., что составляет около 20% всех древнерусских зооморфных украшений. На других русских территориях известны находки десятков подвесок «костромских» типов. Среди них встречаются плоские литые и полые объемные фигурки одно- и двуглавые [1, 185].

Подвески-уточки найдены и при раскопках Поповского городища (Мантуровский район Костромской области) среди других украшений унженского поселения VI – VII вв. В коллекции из раскопок этого городища (ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника») представлено несколько предметов с утино-гусиной символикой: шумящая подвеска, бронзовая в виде прямоугольного щитка с 6-ю отверстиями ушками и 5-ю привесками-цепочками с утиными лапками¹; подвеска бронзовая шумящая в виде одностороннего витого стержня-пронизки с 3-мя кольцами и продетыми в них 3-мя гусиными лапками²; подвеска серебряная в виде уточки с 2-мя петлями и 1-м звеном сплетённых колец с одной лапкой привеской³; привеска бронзовая в виде утиной лапки⁴; подвеска бронзовая в виде утиной лапки с ушком⁵; фрагмент лапки – привески бронзовой⁶; привеска лапка бронзовая⁷.

В экспозиции Красносельского музея (Костромская обл.) ювелирного и народно-прикладного искусства хранятся разнообразные выразительные украшения женского

костюма в виде литых плоских уточек с привешенными перепончатыми лапками (IX–X вв.), найденные во время раскопок мерянских захоронений в 1899 г. археологом Ф.Д. Нефедовым⁸. Могильники расположены на берегах реки Волги недалеко от села Красное (с. Коробово, с. Яковлевское, д. Чернецово). Интересны и многообразны «уточки», изображенные на концах полотенец (XVIII–XIX вв.) из коллекции ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника»⁹. Их отличает обязательное наличие внутри «плода», которое можно соотнести с яйцом. В этом изображении общий рисунок птиц обильно наполнен водной символикой, особенно крылья и хвост, волнистая внешняя линия которых традиционно связывается с водной стихией.

В эпоху производящего хозяйства, когда возросло значение коневодства у скотоводческо-земледельческих племен лесной зоны, появился культ коня. В подтверждение тому найдены конские фигурки во многих могильниках первой половины I тыс. н. э.: Воробьевском, Айшинском, Вичмарском, Атамановы кости [3, 139]. В эпоху раннего железного века в Волго-Окском междуречье, на Верхней Оке, в Верхнем Поволжье и Прикамье конь в составе стада занимал уже ведущее место. С появлением и развитием пашенного земледелия конь занял важное место в космогонических представлениях скотоводов и земледельцев. По мнению Б.А. Рыбакова, уже в бронзовом веке среди степных скотоводов зародилось представление о связи коня с дневным путем Солнца. «Утром на заре солнце выезжает на колеснице, влекомой чудными златогривыми конями; вечером солнце продолжает свой путь под землей, по воде» [6, 504].

На территориях расселения Центрально-

¹ Коллекция ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника». КОК37808 №375 ПОП-84.

² Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 №20 КВАГ ГЛ-68.

³ Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 №108 ПЛ I KB3 ГЛ-24.

⁴ Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 № 85 ПОП 81.

⁵ Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 №243 постр.V ПОП-82.

⁶ Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 №306 ПОП-83 ПЛ VI постр XII.

⁷ Коллекция ГУК К ГИАХМЗ. КОК37808 №344 постр.XII.

⁸ Из коллекции предметов курганов археологических раскопок на территории Красносельской волости, проведенных 1899 г. Ф.Д. Нефедовым. Коллекция принадлежит ГУК К ГИАХМЗ.

⁹ Коллекция полотенец и предметов домашней утвари ГУК К ГИАХМЗ.

Поволжской мери многочисленны археологические находки с изображением головы, фигуры коня, двуглавых коней, самой древней из них (эпоха бронзы) являются лошади на рукояти кинжала из Сейминского могильника. В западном Поволжье наиболее ранние изображения коня мы находим на керамике Минского городища под Костромой.

В качестве личных оберегов-амулетов население мери использовало зооморфные подвески в виде изображения коня, иногда это были плоские литые подвески, прикреплявшиеся к одежде, часто встречались шумящие височные подвески в виде коня с прикрепленными на колечках копытцами. Фигурки эти настолько типичны, что получили в археологической литературе название коньков «владимирского», а точнее «мерянского» типа. По мнению Рыбакова Б.А., область их распространения позволяет предполагать, что местом изготовления подобных предметов был пункт близкий к Ростовскому озеру, откуда они расходились в ближайшей «мерянской» округе. Возможно, этим пунктом было Сарское городище [1, 166]. В курганах Красносельского района Костромской области, в том числе Дурасовского городища, расположенных на территории поселения мери, в ходе раскопок, проведенных Ф.Д. Нефедовым в 1899 г., были обнаружены изготовленные из бронзы и серебра в технике литья фигурки с изображением коня: шумящая подвеска в виде коня с гривой, на колечках подвешены копыта с геометрическим орнаментом; плоская подвеска в виде коня с отверстиями для подвешивания; плоская подвеска в виде двуглавого коня (кони смотрят в разные стороны)¹. Парные конские фигурки позднее встречаются на конских гребнях. В Костромской области на деревянных ковшах изображалась композиция из парных конских головок, стилистически напоминающих металлические изображения. Эта композиция воспроизводится и на орнаменте выши-

вок на женских рубашках Ветлужской мари, культура которых особенно близка культуре соседней мери [3, 140].

Культ водоплавающей птицы и коня нашел отражение в легендах о кладах, записанных в Костромской области. По народным поверьям Галичского, Нерехтского, Межевского районов, «если кладу время вышло, то на счастливого выходит в виде коня» (из анкеты Костромского научного общества по изучению местного края. Рукописный архив Костромского музея)². В дневнике секретаря Костромской архивной комиссии И.Д. Преображенского³ излагается легенда: «В с. Минском Костромского уезда около пруда, на месте где были дома старых попов, в земле существует клад, который является в виде утки или человека». В этнографических очерках, записанных В.И. Смирновым в 1926 г., «Паны, клады и разбойники» [7, 5], большинство легенд опираются на мифологическое представление о культе животных. В указанных легендах неоднократно упоминаются рассказы о кладах, которые зарыты под большими камнями. Громадные камни, около которых «чудилось», являются маркерами мерянской территории. Часто камень обозначал место древнего капища. Интересно, что в Костромском уезде лежало несколько камней, на которых было высечено изображение гусиной лапы. Об этом упоминает Е.И. Горюнова: «знак гусиной лапы стоит как таинственный страж, на камне, охраняющем зарытые в землю сокровища». Она приводит сведения о том, что подобного рода камень был найден на Бараньих горах в 7 км от с. Черное Заводь б. Костромского уезда [3, 142]. В легендах описывается камень в местности «Гусыня» около села Пушкино Костромского уезда: «в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию

¹ Из коллекции предметов курганов археологических раскопок на территории Красносельской волости, проведенных 1899 г. Ф.Д. Нефедовым. Коллекция принадлежит ГУК К ГИАХМЗ

² ГУК К ГИАХМЗ. Коллекционная опись. Культ и народное сельское хозяйство. Народные верования. Хулиганство. 1924 г. Инв. №339, папка №2.

³ ГУК К ГИАХМЗ. Рукопись Преображенского И.Д. Клады и паны (легенды и предания Костромского края) 23 июня 1890год. Из старых поступлений КНО. Археология. КОК 49349. Инв. № 628. 6 л.

под камнем зарыто невесть сколько денег. На «бараньих горах» лежал большой, сажени в 1,5, белый камень, на нем знак гусиной лапы. Под камнем большой сундук с деньгами». Про камень этот еще рассказывали следующее: «Ванька Каин да Васька Гусь клич кликали, что под «Кобылой» клад они зарыли, а на камне гусиную лапу вырезали. Как камень увезли, рыли на этом месте, но клад кто-то уже раньше взял» (рассказ П.В. Шувалова, 12 июля 1920 г.) [7, 5]. В.И. Смирнов отмечает, что знак гусиной лапы встречался в рассказах из разных мест и о разных пунктах. Во всех указанных случаях гусиная лапа воспринималась как тотем-оберег.

Можно выделить несколько легенд, где в качестве мифологического животного фигурирует лошадь (или конь). Клад либо является в виде коня, тогда он охраняет его, либо лошадь участвует в волшебных действиях, связанных с добычей клада. Житель д. Вязовка Ковернинского уезда А. Балдин рассказывает легенду: «Кулига* есть у нас – «Олешино». Поехал раз туда дядя Павел на лошади. Как въехал на кулигу, поднялся сильный ветер, лошадь зафыркала, катится на них клад клубом огненным. Лошадь бросилась, чуть его не убила, так домой и убежала». В данном случае можно предположить, что лошадь-участник волшебных действий. Близ д. Ломово Юрьевоцкого уезда в болоте «Плаксино» клад показывается крестьянам лошастью. В д. Собакино, Кинешемского уезда, было такое предание о кладе: «Егор Петров из д. Собакино, говорят, что он однажды ночью осенью ходил на Опариху копать клад. Он ощупал ломом уже подземелье, но оттуда выскочила ободранная лошадь и побежала за ним. Егор Петров без памяти и без языка прибежал домой» (записано священником Белоруковым, 1899 г.). В данном случае лошадь охраняет клад. По рассказам местных жителей Галичского уезда клад часто является в виде жеребенка, неказистого, паршивого, ободранного, жалкого. Увяжется такой жеребенок за телегой, его прогоняют, а он бежит и бежит и жалобно так ржет. Клад, так сказать, своим видом отталкивает от себя

счастье. Из рассказов видно, что животное часто бывает необычного, особого вида, что подчеркивает его принадлежность к потустороннему миру [7, 5].

Обращаясь к фольклорным источникам, также можно выявить символ коня. На территории Костромской области известен праздник, посвященный поклонению коню. В архиве областного Дома Народного творчества сохранились записи воспоминаний жительницы Макарьевского района, граничащего с территорией Мордовии, Каретниковой Манефы Федоровны. «Ой, дак в народе-те праздник-от называли «Конным» праздником. В энтот день лошадей-ти кормить во полную сыть, ни в коем разе на них не работают, упаси господь, ангел мой, а то миленькая падёж будет. Лошадей-ти, в энтот день купали, да хвост-от и гриву в ленты завивали, да святой водичкой матушка кропили. Да в энтот же день пекли в печурке особенные колобушки, а на колобушке-то ровно как копыто выпекали, вотэ экиэто колобушки и несли в церкву, да отдавали священнику. Вот эдак всё было, миленькая, вот эдак паря»¹.

В Костромской области и сейчас можно увидеть на крышах деревенских домов в Солигаличском, Галичском, Буйском районах деревянные коньки, венчающие передние концы верхних слег. До настоящего времени сохранился обычай на свадьбе подавать испеченных из теста гуся или утку, или пирог с изображением птицы, которая должна охранять новобрачных и приносить им счастье. Вероятно, в рамках свадебного обряда этот символ напоминает о зарождении новой жизни.

Очевидно, что культ водоплавающей птицы и коня, выявленный у мерянского населения Костромского края распространен у многих финно-угорских народов, занимавшихся охотой и рыболовством. В мифах почти всех финно-угорских народов утка

---

¹ Костромской областной дом народного творчества. Информатор: Каретникова Манефа Федоровна 1910 г. рождения, уроженка дер. Ильинское Макарьевского района Костромской области.

участвует в сотворении мира. По космогонической легенде, записанной у коми, мордвы и карелов, из яиц утки образовались небесные сферы, солнце, луна, а из тела возникла первородная земля [5, 64]. В мифологии финно-угров конь – это священное животное солнца, поэтому он часто изображается вместе с солярными знаками. У народа манси был записан миф о том, как на Земле, оказавшейся во власти сыновей Нуми-Торума, начались великие распри. Сам творец спустился на Землю, чтобы установить порядок, и сказал сыновьям, что править ими и людьми будет тот, кто первым на рассвете подъедет к его дворцу и привяжет коня к серебряному столбу-коновязи. Им оказался младший сын бога – всадник Мир-сусне-хум. Он и стал покровителем людей. А конь становится главным священным животным. Обские угры заимствовали подобный сюжет у индоиранцев, как и коневодческие термины [5, 28]. В фольклоре коми есть легенды о необычном народе-чуди. К чуди прямо с неба упали серебряные кони и золотые сани, которые служили этому народу, пока он не ушел. Коней же и сани чудь спрятала, и никто не может найти этого клада, хотя и показывают урочище, где он якобы зарыт [5, 210].

О существовании культа водоплавающей птицы у финно-угорских народов севера Восточной Европы и Западной Сибири можно судить по широкому распространению уток, воспроизводимых в качестве орнамента на глиняной посуде эпохи неолита и бронзы от Екатеринбурга до Прибалтики и от Мурома до Архангельска, по многочисленным находкам миниатюрных скульптурных фигурок водоплавающих птиц из кости, глины, кремня, дерева, а также по наскальным изображениям в Карелии [3, 140]. До настоящего времени сохранилась символика коня у разных финно-угорских народов. У удмуртов в легендах конь выступает как прекрас-

ное лучезарное крылатое существо «бурдо вал», связанное с солнцем. Отождествление коня желтой (слоновой) масти с солнцем наблюдалось у марийцев. В честь «солнечного коня» устраивались аграрные праздники: «гузор» (весенняя трава) – у удмуртов, где солнце олицетворял юноша в белой одежде на белом коне, «сюрэм» – у марийцев, «тундонь ильтямо» – у мордвы [4, 8]. Образ коня-солнца есть в Калевале. У марийцев во время погребального обряда, устраиваемого по особому завещанию покойного, приносили в жертву любимую лошадь покойного. Лошадь для жертвы выбиралась покойным еще при жизни. Мясо жертвенной лошади съедалось посторонними гостями (не родственниками), кости закапывались в обрядовой постройке «кудо».

Таким образом, анализ археологического, этнографического и фольклорного материала позволяет сделать вывод о том, что образы водоплавающей птицы и коня устойчиво присутствовали в культуре финно-угорского населения Костромского края, и они были созвучны тотемическим образам других финно-угорских народов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев С.И. Археология Костромского края. Кострома, 1997. 276 с.
2. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. 1-59. М.: Наука, 1979. 113 с.
3. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА Вып. 94. М.: А.Н. СССР, 1961. 285 с.
4. Ломшина Е. Н. Праздничная культура мордвы // Регионоведение, 2008. № 2. С. 8-10.
5. Петрухин В. Мифы финно-угров. М.: Астрель АСТ Транзиткнига, 2005. 465 с.
6. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
7. Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества. Вып. XXVI. Кострома, 1921. 48 с.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94(3)(340.152)

Никитина А.Д.

Московский институт экономических преобразований

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ И ЕГО ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В СТАРОВАВИЛОНСКОМ ПРАВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н.Э.

A. Nikitina

Moscow Institute of Economic Reforms

SALE AND PURCHASE AGREEMENT AND ITS LEGAL IMPLICATIONS IN BABYLONIAN LAW OF THE FIRST HALF OF THE SECOND MILLENNIUM BC

Аннотация. В статье рассматривается специфика таких источников материального и процессуального права, как договоры купли-продажи и судебные документы первой половины II тыс. до н.э. из старовавилонского царства. При исследовании недвижимости как объекта права в содержании документов не всегда наблюдается существенная разница между полным и частичным отчуждением имущества. Большая часть судебных документов близка по структуре и содержанию к виндикационным искам.

Ключевые слова: источники материального права, судебные документы, виндикационные иски, царские указы о «справедливости».

Abstract. The article considers the features of such sources of substantive and procedural law as Babylonian sale contracts and judicial documents of the first half of the second millennium BC. The structure of the contracts dating back to the beginning of this period is fully-formed. However, the study of documents on real estates as objects of rights does not always reveal a significant difference between full and partial alienation of property. Most of judicial documents are similar in structure and content to the replevins of classical Roman Law.

Key words: sources of substantive law, judicial documents, replevins, royal decrees of "justice".

Современные юристы, изучая историю материального права древности, всегда обращают большое внимание на документы, фиксирующие правоотношения купли-продажи в рамках римского классического права. Однако древневосточные источники, предшествующие появлению таких договоров и оказавшие огромное влияние на оформление структуры древнеримских документов, источники, без которых развитие как материального, так и процессуального права не достигло бы тех вершин, которые мы можем наблюдать сейчас, до сих пор остаются мало изученными.

Мы надеемся восполнить имеющийся пробел, исследовав в рамках материального и процессуального права старовавилонского царства сделки купли-продажи недвижимости.

Для всестороннего изучения правоотношений купли-продажи мы также привлечем данные хронологически близких нормативных источников – законов соседнего со старовавилонским царством государства Эшнунна (конец XIX – начало XVIII вв. до н.э.) и законов знаменитого вавилонского царя Хаммурапи (40-е гг. XVIII в. до н.э.).

Большая часть подобных сделок оформлялась устно, при свидетелях. Однако если речь идет о недвижимости, то мы сталкиваемся с необходимостью четкого определения объекта договора, его местоположения, размеров, истории перехода прав на интересующие активы и т. д. Таким образом, обязательной фиксации подвергались сделки с такими объектами права, как различные категории земель, сады, дома и другие постройки.

Договор должен был состоять из трех пунктов: обязательные или существенные условия, предписываемые условия или правовые последствия акцепта, информирующие, что сделка завершена, а также инициативные условия и описание возможных правовых последствий при признании ничтожности сделки [11, 400-403].

В заключении следует список свидетелей заключения договора и дата его составления.

К существенным условиям относятся: описание объекта продажи, указание контрагентов сделки (продавец, покупатель), заявление о совершении оплаты в полном объеме (X полных сиклей серебра).

Самая сложная часть – предписываемые условия. Она состоит, в свою очередь, из трех пунктов: правовая формула «переход (имущества к другому собственнику) может быть завершен»; вторая ритуальная формула «сердце его (её) удовлетворено» и последняя, ритуально-правовая формула «он вызван для проведения жезлом (с передачей прав)» [7, 66-68].

К инициативным условиям могут относиться различные правовые прецеденты. К примеру, если сумма в серебре не была выплачена вовремя и в полном объеме, что привело к задержкам при переходе объекта права в руки покупателя.

В некоторых случаях к договору прилагалась ещё расписка в предоставлении кредита на покупку указанной недвижимости (табличка № 65), что также можно отнести к непредвиденным положениям [7, 98-99].

Обратимся к нормативной базе таких договоров. В законах Эшнунны мы находим несколько статей, посвященных купле-продаже. В статье 15 ростовщику и шинкарке запрещается приобретать какое-либо имущество у рабов. Необходимость такого запрета объясняется тем, что раб не является субъектом права (он может быть только объектом), и, кроме того, имущество может быть ворованным. Статья 38 предоставляет приоритетное право в покупке недвижимости компаньону по торговому сообществу или брату продавца. В следующей статье 39 такое право приобретает бывший владелец недвижимости, если новый собственник решит её продать. И, наконец, знаменитая статья 40, где вещь считается проданной только в том случае, если продавец может указать человека, у которого он её купил [6, 1997, 61, 65].

В законах Хаммурапи купле-продаже посвящены статьи 7, 10-13, 35-37, 39, 40, С, 278-281 [6, 82-84, 88, 94-95, 103].

Недвижимость фигурирует из них в статьях 7, 36, 37, 39, 40 и «С». В первой из них содержится запрет на приобретение какого-либо имущества у сына человека (малолетнего) или раба, без свидетелей и договора купли-продажи. Санкцией за нарушение запрета является смерть, т. к. подобные действия квалифицируются как воровство (санкция, как мы видим, очень существенна, что может свидетельствовать о размере объекта воровства). Статьи 36 и 37 рассматривают подобный запрет на приобретение недвижимости у царских служащих и арендаторов. Такие сделки признавались ничтожными (документы, их фиксирующие, должны быть разбиты). В 39 статье

речь идет о возможности таким царским служащим приобретать землю в собственность в частном порядке и передавать её в наследство своим родственникам. Последняя из перечисленных статей разрешает продажу домов, садов и участков, принадлежащих жрицам-naditum, купцам и ростовщикам-tamkârum, получивших их за службу. Покупатель за получение этих активов должен исполнять соответствующие обязанности, связанные с их профессиональной деятельностью.

Однако эта статья очень неоднозначна, т. к., если объектом продажи является именно недвижимость, полученная от храма или дворца (а не наследственная собственность контрагентов), то в данном случае жрицы или ростовщики не могли быть полноправными собственниками и не могли от своего имени продавать эти активы. Собственниками в этом случае всегда будут храмовая администрация, и только она сможет распоряжаться такими объектами. Поэтому вместо купли-продажи здесь мы видим своеобразную констатацию необходимости заключения договора аренды.

В статье «С», из фрагментарно сохранившейся части законов, указано, что дом можно купить у свободного человека только в том случае, если его предоставление не связано с несением какой-либо повинности в пользу царя. В этом случае, как и в статьях 36 и 37, дом считается собственностью дворца и, естественно, не может быть продан. Если же недвижимость находится в собственности у продавца, то он может продать её за серебро, зерно или другое имущество.

Таким образом, мы можем отметить, что нормативные источники правоотношения купли-продажи рассматривают очень фрагментарно. Вероятно, начиная с дописьменного периода, они относились к сфере прецедентного, материального и процессуального права.

Закон, если перед нами не воровство, защищает исключительно царскую (дворцовую) собственность.

Вернёмся к рассмотрению текстов договоров. Перед именами свидетелей и произне-

сением клятв во всех подобных документах присутствует ещё одна правовая формула «в будущем (контрагенты) не будут возвращаться (к этому делу) и (продавец и его наследники по поводу этого имущества) не будут вчинять иски (к покупателю и его детям)» [9, 130-132].

Как мы знаем из текстов, нарушение такой формулы имело и сугубо конкретные последствия (обычно санкцией за такое правонарушение был штраф) [9, 142-143].

Самым интересным из таких договоров, в целом довольно стандартных по своей структуре, нам представляется документ № 285 из Урука, где один из купцов, купивший участок под застройку (Цилли-Иштар, сын Или-Суккалума), построил на своей части земли дом, пригласил туда судей города (в качестве свидетелей) и произвел все необходимые ритуальные действия для признания его в качестве законного полноправного собственника постройки. Его коллега по торговому сообществу Син-Имгуранни напомнил суду, что он является не единственным собственником участка. Однако этот торговец уже вчинял иск к Цилли-Иштару по поводу указанной территории, поэтому суд не принял к сведению его показания. Судьи убедились, что Цилли-Иштар не претендует на долю своего сособственника Ибку-Сина (35 кв. метров), и, вероятно, признали за ним права собственности на дом. Так мудрый купец избежал очередного судебного иска, подрывающего его деловую репутацию [9, 1913, 407-408].

Рассматривая специфику объектов права, мы можем отметить, что собственники ревностно относились к недвижимости, которую они приобретают. Сады в документах не имеют классификаций. Однако иногда мы можем обнаружить уточнения, связанные с тем, что растёт в саду (к примеру, «финиковый сад», как в документе № 274) [9, 380-381]. Дома делятся на простые, недостроенные, подсобные постройки и торговые лавки. Стоимость домов указывается редко, а определить её довольно сложно, т.к. мы должны знать не только размер дома, но и качество

материалов, из которых он построен, степень его износа и т. д.

В редких случаях также в источниках фиксируется просто поле, которое можно определить как необработанное (от 2 сиклей серебра (около 17 гр.) за 60 кв. метров). Далее по стоимости шло «обработанное поле» (от 4 сиклей). Кроме двух указанных категорий участков существовали ещё семь.

Если мы исследуем участок земли как посевную площадь, то выше по цене будут стоять: «поле для выращивания фуража», «земля в лугах, или великих равнинах» (от 5 до 8) и «плодородная земля» (до 18 сиклей).

Если же нас интересуют участки под застройку, то здесь будут представлены следующие категории (по увеличению стоимости, от 4 сиклей до 30 сиклей): «пустырь с котлованом под застройку», «незастроенный участок», «частично застроенный участок», «застроенный участок» [9, 136-448]. Отдельным и очень важным активом может быть выход к источнику воды.

Объектом права в договорах купли-продажи иногда является даже стена, которая разделяет участки соседей.

В некоторых случаях для покупки домов и участков брались кредиты (как в документе № 65) [9, 98-99].

Как сообщают источники, недвижимость могла служить также обеспечением возвращения кредита, выданного как на личные цели (как в документе № 62), так и в рамках деятельности торгового сообщества (как в табличке № 92 из коллекции Британского музея) [9, 83].

Кроме того жрицы, как доверенные лица храма, могли быть посредниками в осуществлении договоров купли-продажи земли в собственность храму. Часть такой земли храмовая администрация могла, к примеру, сдать в аренду обычным арендаторам, часть – передать, в качестве поощрения, в её пользование. Если она покинет свою службу, то вся используемая ею земля перейдет лицу, занявшему её место в храме, но она получит компенсацию в виде реальной цены своих активов.

Перейдем к документам судебных процессов. Среди указанных источников самыми многочисленными являются обычные иски, близкие по своей структуре к виндикационным искам классического римского права, в т. ч. те из них, которые содержат требования со стороны продавцов перемерить объект продажи (в связи с возможным мошенничеством со стороны покупателей, присвоивших себе часть не принадлежащей им земли), или вернуть недостающую сумму по оплате собственности.

Второй тип исков связан с довольно распространенной во все времена подделкой документов и других доказанных видах мошенничества. Третий тип содержит правовые последствия изменения имущественных обстоятельств продавца, в связи с провозглашением царских указов о «справедливости»-*midârum*. И, наконец, последний тип демонстрирует имущественные споры, связанные с возможной эксплуатацией храмовой собственности. Не только храм может предоставлять своим служащим в пользование землю и другие объекты права, но и храм мог пользоваться личной собственностью своих служащих.

Наиболее интересным для исследователя является третий тип документов, который мы рассмотрим подробнее.

Прежде чем перейти к непосредственному исследованию документов, кратко познакомимся с такими указами (*šimdat*- или *dinât šarri*).

Каждый вавилонский царь, когда всходил на престол как ставленник богов и сакральный лидер страны, провозглашал возвращение к «справедливости». Такие указы повторялись каждые 7-8, в редких случаях 17 лет. Документы носили как сакральный, так и правовой (практический) характер.

До нас дошли два подобных указа. Один из них – указ царя Аммицадуки, датируемый 1646 г. до н.э., сохранился практически полностью. Другой документ – указ Самсуилуны, датируемый 1749 г. до н.э., – только фрагментарно [4, 117-346; 2, 17-20; 5, 1965, 56-71; 3, 61-79].

Указ царя Аммицадуки относится к более поздней правовой традиции, которая лишь частично затрагивала имущественные интересы обогатившихся глав общин и царской (и храмовой) администрации.

Указы содержат распоряжения об освобождении бывших свободных общинников, отданных в долговое рабство, прощение долгов (за различные сроки задолженностей) царских арендаторов, пастухов и других категорий работников, торговых сообществ и свободных общинников (перед теми же торговыми сообществами).

В подобных указах более ранней правовой традиции (известных нам по упоминаниям в источниках и из старовавилонского царства, и из соседнего государства Ларсы), кроме личной свободы общинникам возвращалась и та собственность, которая была утрачена ими за долги. Последствия применения таких указов мы и обнаруживаем в исследуемых процессуальных документах [1, 67-72].

В документе № 259 из Урука приемный сын бывшего собственника Син-Магира, который продал дом с садом за долги некому Мар-Амурриму, подаёт виндикационный иск на последнего, ссылаясь на соответствующий указ царя Хаммурапи, освобождающий объект наследования от долгов. Приемный сын Син-Магира Аннум-Бани доказал свои права на наследство его отца, поклявшись в воротах Нинмар. Однако встречный иск подал родной сын Син-Магира Син-Мубаллит. Он и его контрагент Аннум-Бани пришли к судьям, которые привлекли данные местных судей поселений (где, вероятно, и находились объекты собственности) и показания представителей городской администрации. Истец и ответчик произнесли целый ряд различных клятв и произвели множество ритуальных действий в воротах Мардука, у эмблемы Нанара и у изображения богини Нинмар. Судьи Урука оставили свой приговор без изменения. Сад и дом перешли в собственность Аннум-Бани [9, 355-357].

В табличке № 306 из Дильбата Имгур-Син хотел купить поле у Ахам-Уты. Однако последний стал владельцем этой земли, при-

обретая её за долги у Мардук-Нацира. После провозглашения царского указа (царя Аби-эш) потенциальный покупатель обратился к судьям для разъяснений по правовому казусу. После того как Ахам-Ута и Мардук-Нацир поклялись перед богом, судьи приняли решение. Четверть поля (около 200 кв. метров), которая может быть продана Имгур-Сину, они оставили в собственности у Ахам-Уты. Остальное возвращается Мардук-Нациру [9, 440-443]. При этом, в строках с 21 по 26 отдельно оговаривается, что если Мардук-Нацир будет вчинять иски к Ахам-Уте с требованиями получить оставшуюся у него часть участка, то он потеряет ту часть, которую ему присудили (её отдадут обратно Ахам-Уте).

Далее мы рассмотрим табличку № 47, датируемую правлением царя Самсуилуны, где «начальник солдат» Тарибатум, ссылаясь на то, что царем (Самсуилуной) была установлена справедливость перед богом Шамашем для Сиппара и Вавилона, требует правильного решения и по его делу. Судьи Сиппара и Вавилона пересмотрели дела о покупке земель и домов и аннулировали те из них, которые не соответствовали указу. Однако, по мнению истца, его дело не попадало под юрисдикцию этого указа, но его табличка также была разбита. И поэтому он вызывает к справедливости бога и его наместника царя, требуя у судьи восстановления документа [8, 91-92].

Также интересна табличка № 149 (TIM I 8 149), где один из друзей, Иддин-Амурру рассказывает другому, Нур-Сину, что его отец более десяти лет назад приобрел дом с садом, который был получен продавцом ростовщиком Убар-Шамашем за долги у Икун-пи-Иштара. После того, как недвижимость была приобретена отцом Иддин-Амурру, был провозглашен царский указ о «справедливости». В настоящее время Икун-пи-Иштар пришел к нему и стал требовать свою недвижимость назад, намереваясь вчинить к Иддин-Амурру виндикационный иск. Адресат советует своему другу, если есть возможность, продать активы как можно быстрее [10, 124-125].

В другом документе № 46 соседи, Аммуру-Шеми и Ватар-Пиши, не поделили участок пустоши рядом со своими землями. Истец, вероятно, отдал его за долги своему соседу, но, когда был провозглашен соответствующий указ царя Аммидитаны, потребовал такой же участок назад или попросил возместить его стоимость в серебре. В имеющей плохую сохранность заключительной части документа сообщается о том, что стороны пошли на мировую [8, 90-91].

А в табличке № 39, которая датирована правлением царя Аммицадуки, некий Мардук-Кашид подал иск о возвращении ему части земли, ссылаясь на соответствующий указ по поводу этого. Но земля, которая перешла за долги новому владельцу, уже была продана Авил-Мишаруму, и, как постановил суд, не может быть возвращена первоначальному владельцу [8, 81].

Этот документ отражает изменение в сформировавшейся правовой традиции, связанное с ухудшением экономической ситуации в стране и активно растущим расслоением в обществе, что формирует предпосылки для появления новой правовой традиции.

Похожий прецедент рассматривается в табличке № 35, также относящийся к правлению предпоследнего из правителей старовавилонского царства, царя Аммицадуки.

Вавилонянин Ибби-Сумукан в письме к своему другу Яхгунуму сообщает о своем желании подать иск на Этель-пи-Мардука, который приобрел у него участок по заниженной цене (в связи с долгами продавца) три года назад. Царь провозгласил указ о «справедливости», и формально автор письма вправе это сделать. Но он просит совета у друга, так как вырученную сумму он вложил в какое-то предприятие (вероятно, в торговое сообщество). Яхгунум советует ему не подавать подобного иска, т. к., по его мнению, судьи оставят его без удовлетворения. При опросе покупателя они увидят табличку со сделкой, где Ибби-Сумукан поклялся не вчинять иски Этель-пи-Мардуку именем царя и не станут предпринимать никаких действий, поскольку

дело не затрагивает личную свободу продавца [8, 77].

В заключение рассмотрения договоров купли-продажи и процессуальных документов, с ними связанных, мы можем отметить, что такие источники имели очень большое значение в развитии древневосточной правовой культуры. Структура текстов материального права оформляется ещё в рамках более ранней шумерской правовой традиции. Спецификой подобных источников можно считать отсутствие существенного разделения между собственностью и временным пользованием, по закону, – как в случае со жрицами, наследующими часть имущества своих отцов, но только пожизненно, – или по договору пожизненной или временной аренды у храма.

Храм (и дворец), как отдельный собственник, не только передавал в аренду свои земли, но и мог использовать недвижимость, находящуюся в собственности у своих служащих на правах временной ренты.

Среди процессуальных документов наиболее распространёнными являются расследования различных видов мошенничеств, в том числе и характерная для современного права подделка документов.

Отдельный оригинальный вид источников представляют собой иски, содержащие имущественные последствия провозглашения царских указов о «справедливости», одним из положений которых было возвращение бывшему владельцу собственности, проданной за долги. Если при характерной для них более ранней правовой традиции (до начала XVII в. до н.э.) такие дела всегда решались в пользу бывшего собственника (в полном объеме или частично), то в более поздний период правовая традиция претерпевает изменения, и суды перестают удовлетворять такие иски.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козырева Н.В. Древняя Ларса. М., 1988. 204 с.
2. Никитина А.Д. Первая в мире налоговая амнистия. Указ о «справедливости» (mīḫarum) царя Аммицадуки и его влияние на частноправовые документы в Вавилонии первой половины II

- тыс. до н.э. // История государства и права. 2011. № 11. 119 с.
3. Finkelstein J. J. Ammišaduqa's Edict and the Babylonian «Law Codes» Journal of cuneiform studies. 1961. Vol. 15. № 2. 412 S.
  4. Kraus F. R. Ein Edikt des Königs Ammišaduqa von Babylon. Leiden, 1958. 487 s.
  5. Kraus F. R. Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon // Studies in honor of Benno Landsberger on his seventy-fifth birthday. University of Chicago, 1965. 617 p.
  6. Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M. T. Roth). Atlanta, 1997. 712 p.
  7. Maffs Y., Levine B. A. Studies in the Aramic legal papyri from Elephantine. Leiden-Boston, 2002. 534 p.
  8. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millénaires avant J.-C.)), PUV, Saint-Denis, 2000. 263 p.
  9. Schorr M. Urkunden des altbabylonischen zivil- und prozessrechts. Leipzig, 1913. 618 s.
  10. Ungnad A. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie. Leipzig, 1915. 519 s.
  11. Westbrook R. A history of ancient near eastern law. V. I-II. V. II. Leiden-Boston, 2003. 876 p.

УДК 94.(32).04

Николаева Н.А.

Московский государственный областной университет

КУБАНО-ТЕРСКАЯ КУЛЬТУРА: ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА

N. Nikolaeva

Moscow State Regional University

THE KUBAN-TEREK CULTURE: THE INITIAL PERIOD CHRONOLOGY

Аннотация. Рассматривается взаимодействие кубано-терской и поздней куро-аракской культуры в Северной Осетии; обосновывается синхронизация первых двух этапов кубано-терской культуры и дольменов Новосвободной с заключительным этапом раннебронзового века Закавказья, датирующегося 22-21 вв. до н.э. Выявлен местный компонент кубано-терской культуры, (локальный вариант куро-аракской культуры Раннебронзового III в Северной Осетии и в Чечне), лингвистическая атрибуция которого устанавливается как «северокавказская» для региона Чечня (Бамут) и «картвельская» для региона Северная Осетия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, бронзовый век, периодизация, хронология, кубано-терская культура, курганы, Сачхере, Дзуарикау, Новосвободная, бронзовые топоры, Т-образные булавки, сосуды.

Abstract. The author examines the interaction between the Kuban-Terek culture and the final stage of the Kuro-Araks culture in the Northern Caucasus and comes to a conclusion about simultaneous existence of such monuments as Novosvobodnaya dolmens, the burials of the Kuban-Terek culture (Dzuarikau 1/19, Dzuarikau 1/15 in the Northern Ossetia) and Sachkhere kurgan burials in Imeretia (Georgia) on the base of similarity of the lances, the axes which were found in these monuments. The horizon of these burials dates from 22-21 BC.

Key words: Bronze Age, Northern Caucasus, chronology, Kuban-Terek culture, Sachkhere in Georgia, Dzuarikau in Ossetia, Novosvobodnaya, kurgan burials, bronze axes, T-headed pins, pots on the legs, two-handled amphorae.

Многоязычность населения Северного Кавказа складывалась в течение веков, но появление в этом регионе групп населения, говорящих на языках индоевропейской языковой семьи, обозначилось уже в III тыс. до н.э., что следует из присутствия древнейших индоевропейцев в картвельских языках [6; 21, 207-213]. Хотя данные лингвистики не определяют сосу-

ществование индоевропейцев и носителей севернокавказских языков с этого периода, данные археологии могут внести некоторую ясность в этот вопрос, и этому посвящена данная работа.

Термин «Северный Кавказ» имеет не только историческое, но и географическое наполнение, которое объясняет разные пути развития степей и предгорий Кавказа в древности. Согласно физико-географическому районированию, Северный Кавказ (среднегорья, предгорья и наклонные равнины) отделяется от Предкавказья по линии прогибов, рву тектонического происхождения от низовьев Кубани до низовьев Терека. Только Прикубанская наклонная равнина является продолжением Западного Предкавказья, ничем не отделяется от него [28], что обусловило единство культурно-исторического процесса на этих территориях в древности. Напротив, Кубано-Терское междуречье, включающее Минераловодский район, Кабардинскую, Северо-Осетинскую наклонные равнины, отделены от Среднего Предкавказья хребтами и густой речной сетью [28; 21]. Это создает определенную изоляцию региона, что обусловило в разной степени взаимовлияние культуры степей и гор в регионе в разные исторические периоды. Северо-Восточный Кавказ развивался изолированно как от степей, так и от западной и центральной части Северного Кавказа, в значительной степени сохраняя в процессе эволюции куро-аракские традиции [3; 10, 327].

В конце III тыс. до н.э. этнокультурная карта Западного Предкавказья и центральной части Северного Кавказа меняется кардинально: исчезают майкопские памятники, сменяясь памятниками кубано-днепровской культуры с повозками в Прикубанье [4; 19; 27] и памятниками кубано-терской культуры (в дальнейшем – КТК) в Кубано-Терском междуречье. На Северо-Восточном Кавказе, напротив, продолжается эволюция куро-аракской культурной традиции, отраженная в курганных памятниках бассейна р. Фортанги (погребения с сосудами на ножках и топором сачхерского типа в курганах Бамутского

могильника [11], погребения Саади-Катар у с. Комсомольское в Чечне), сопоставляемых с алазано-беденской культурой северо-востока Грузии [12, рис.2, 3; 10].

В 1987 г. КТК была выделена как система памятников постмайкопского и докатакомбного времени, обладающая неизменной частью во всех категориях погребального обряда, т. е. ядром культуры, и более прочными внутренними связями между комплексами, чем внешними [14; 15; 17]. КТК представлялась нам гомогенной культурой с двумя вариантами – степным и предгорным, хотя подчеркивалось, что степной вариант слабо связан с предгорным. Последующий анализ показал, что только памятники предгорий Осетии, Кабарды и Верхнего (или Юго-Восточного) Прикубанья образуют гомогенную культуру, которая, наряду с памятниками степного варианта, и является частью северокавказской культурно-исторической общности [9; 10], если под этим термином понимать памятники постмайкопского времени западной и центральной части Северного Кавказа, имеющие генетическое родство с памятниками Восточной и Центральной Европы [21].

В процессе раскопок курганов Северной Осетии в 1976 г. было сделано важное заключение о существовании общего этапа развития в Северном Закавказье, на территории Кабардинской, Северо-Осетинской, Чеченской наклонных равнин – Раннебронзовый III, – соответствующего заключительному этапу куро-аракской культуры или горизонту памятников Сачхере – Бедени [7; 12]. Этот факт позволяет проследить начальный этап формирования кубано-терской культуры и более конкретно определить ее местный компонент.

Кубано-терская культура известна только по погребальным памятникам – курганам, поэтому основой периодизации этой культуры является курганная стратиграфия. Надежные данные стратиграфии в курганах Северной Осетии обусловили выбор этой территории в качестве базового региона как для выделения кубано-терской культуры, так

и для разработки ее периодизации [22; 21].

Периодизация кубано-терской культуры [15; 21] отличается от «последовательности стратиграфических горизонтов» тем, что период культуры может включать несколько стратиграфических горизонтов, если между этими горизонтами существует небольшой хронологический разрыв. Каждый период существования археологической культуры сопровождается появлением нового качества (в инвентаре, обряде погребения и т. д.).

Древнейшие погребения в курганах Северной Осетии, как и везде на Северо-Западном Кавказе относятся к майкопской культуре (Дзуарикау 1/20, 1/8: 2/5; 8/ц) [22; 21]. Подкурганые гробницы и дольмены типа Новосвободной, сменяющие майкопские памятники в Закубанье, занимают достаточно ограниченный ареал в Среднегорье [31]. В Пятигорье и Кабардино-Балкарии распространены их хронологические эквиваленты в виде каменных гробниц смешанного майкопско-новосвободненского типа [1; 29]. Они обозначены нами как Раннебронзовый II а [25; 21]. **В Северной Осетии нет новосвободненских памятников, но их место занимают древнейшие погребения кубано-терской культуры** (обряд – скорченно на боку, руки перед лицом) в квадратных ямах, перекрытых плитой с наброской булыжника на ней, под каменно-земляными курганами.

Такой далеко идущий вывод можно сделать на основании нахождения в этих погребениях бронзовых проушных топоров типа Новосвободной или типа «Банья Бюкк» [30, рис.1]. Этот горизонт обозначен как Раннебронзовый II b, исходя из более развитого варианта этого типа проушного топора в древнейших погребениях КТК сравнительно с найденными в гробницах Новосвободной (Дзуарикау 1/19, Дзуарикау 7/4) [21; 22, рис.2]. Керамический комплекс I этапа КТК включает амфоры и амфоровидные сосуды нескольких типов, различающиеся наличием или отсутствием ручек, размещением их на сосуде; двуручные сосуды и сосуды на ножках. Все сосуды, кроме последних, входят в ядро кубано-терской культуры.

По данным стратиграфии, погребения I этапа КТК непосредственно сменяются погребениями в прямоугольных ямах с закругленными углами, с трубчато-обушными топорами типа Сачхере, относящимися к финалу куро-аракской культуры в Закавказье [7; 13]. Хотя погребения с новосвободненским и сачхерским топорами находятся в разных стратиграфических горизонтах (Дзуарикау 1/19 с новосвободненским топором – в горизонте РБ IIb, относимым к I этапу, а Дзуарикау 1/15 – в горизонте РБ III, относимым нами ко II этапу КТК), их связывает типологически тождественный керамический комплекс (сосуды на ножках, двуручные сосуды типа «кратера» и корчаги с ручками на середине диаметра) [22, рис. 4], а следовательно, они близки по времени, если не одновременны.

Кроме того, погребения горизонта РБ III трудно отнести к проявлениям чисто куро-аракской традиции, несмотря на присутствие куро-аракских признаков (сачхерского топора в Дзуарикау 1/15, желто-розового ангоба на внутренней поверхности сосудов при черной внешней поверхности в Дзуарикау 2/2), поскольку куро-аракские элементы встречены с чисто кубано-терскими, двуручными сосудами, орнаментированными «шнуром» (Дзуарикау 1/15) и топором кабардино-пятигорского типа (Дзуарикау 2/2) [22, рис.7]. Вот почему мы назвали их в публикации материалов могильника [22; 21] памятниками смешанной КТК/КАРК традиции.

Но смешанные памятники могут образоваться, если существуют отдельно каждая из смешиваемых культурных традиций в непосредственной близости. Такой территорией является среднегорье Северной Осетии, предгорья и среднегорья Чечни, которые находятся в 70 км от Дзуарикау [12]. Следовательно, проявления в чистом виде куро-аракской традиции заключительного этапа должны быть синхронны горизонту РБ II b и I этапу КТК. При этих условиях синкретичные погребения КТК/КАРК были отнесены к РБ III и II этапу КТК.

Совстречаемость сачхерских топоров со штыковыми копьями, несущими надписи

имен аккадского правителя Маништусу (22 в. до н.э.) и эламского правителя Пузур Шушинака, определяет дату топоров и погребальных памятников, где они встречены, 22-21 в. до н.э., хотя тип штыковых копий надо датировать в более широком интервале: конец Раннединастического III (некрополь Ура) – конец Аккадского периода [7].

Раннебронзовый III на Северном Кавказе, таким образом, получил соответствие в поздних куро-аракских памятниках III этапа раннебронзового века Закавказья [8, 62].

Памятники новосвободненской культуры [31] и комплексы КТК I-II этапов [22] объединяются на основе импортов из куро-аракских центров, принадлежащих одному и тому же хронологическому горизонту в Закавказье. Это – листовидные копия с черенковым насадом в дольмене Новосвободной и топор «сачхерского» типа в погребении Дзуарикау 1/15, зафиксированные в Закавказье в одних комплексах со штыковыми копьями, Т-образными булавками с катушечной головкой и булавками с двуволютным навершием, с кинжалами с цельнолитой рукоятью [7, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII; 8, 116, рис. 26, 41, 42]. Если исходить из даты куро-аракских импортов в этих северокавказских памятниках (копья и топоры), датирующихся одними тем же периодом, хронологический промежуток между I этапом КТК и дольменами Новосвободной должен быть незначителен. Значит, все эти памятники (дольмены и гробницы Новосвободной; I и II этапы КТК) существовали в течение III этапа куро-аракской культуры Закавказья (=Раннебронзовый III Закавказья).

Поскольку новосвободненских памятников не обнаружено в Северной Осетии, и они исчезают быстро и на Западном Кавказе, такая категория инвентаря, как проушной топор в Дзуарикау 1/19, общая для двух культур, новосвободненской и кубано-терской, и указывающая на незначительный разрыв во времени двух культур, могла проявиться в начальной стадии КТК (Дзуарикау 1/19, Скачки к/п) не только как наследие новосвободненского металлокомплекса, но и как прямой

импорт или из Центральной Европы, или из Закавказья. Этот топор мог быть принесен мигрантами КТК со своей прародины в Центрально-Восточной Европе, где «тип Банья Бюкк» характеризует памятники Нижнего Подунавья конца III тыс. до н.э. [30, 14, рис. 1]. **Незначительный промежуток времени, отделяющий погребения I этапа от II этапа КТК, позволяет датировать оба этапа КТК в пределах хронологического отрезка – РБ III Закавказья.**

Топоры следующего стратиграфического горизонта РБ III, трубчато-обушные топоры, по Б.А. Куфтину, аналогичные Дзуарикау 1/15, найдены в Закавказье и на поселении Караз [8, рис. 24:24; 13, 39, рис. 12], и в курганных погребениях Сачхере [7; 8, рис. 48:6-9], которые датируются узким хронологическим интервалом, финальным периодом РБ III в Закавказье, учитывая их быструю эволюцию. Аналогичные медные проушные топоры найдены в Балановском могильнике, что свидетельствует или об общности их происхождения, или о контактах Кавказа со Средним Поволжьем. Исходным центром таких топоров в равной мере может быть и Центральная Европа, и Закавказье. Однако анализ топоров из Балановского могильника указывает на центральноевропейское происхождение металла, зафиксированного и в позднетрипольском металлокомплексе, и в металлокомплексе среднеднепровской культуры [2, 178, рис. 115].

В подкурганных погребениях Сачхерского района (Корети, Начеркезеви, Царцис-гора) такие топоры находят в комплексе с Т-образными булавками, с двуволютными булавками, с пастовыми длинно-цилиндрическими бусами, с бронзовыми кольцевидными и спиралевидными подвесками, со штыковыми копьями и листовидными с черенковым насадом копьями [7, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII]. Кроме погребений в курганах Сачхере, комплекс таких предметов находят в слоях поселений Амиранисгора, в верхних слоях Караза, в Хизанаантгора «В» и Квацхелеби «В», т. е. в памятниках РБ III Закавказья, что в абсолютных датах соответствует 2300-2000

гг. до н.э. [13, 18]. Сходство рассматриваемых памятников не ограничивается только бронзовыми артефактами. На поселении Квацхелеби «В», помимо металла, найдены двуручные, как в Дзуарикау 2/6, большие «кратеры» и кружки. В Хизанаантгора «В» – Квацхелеби «В» найдены кувшины с геометрическим орнаментом [8, рис. 26], аналогичным орнаменту на кувшинах в Дзуарикау 7/1-3 [22; 21].

Список куро-аракских импортов в курганах центральной части Северного Кавказа включает, кроме упомянутых топоров, Т-образные булавки с катушечной головкой, булавки с волютным навершием. Все эти предметы встречаются в Закавказье в одном комплексе с топорами сачхерского типа и датируются 21 в. до н.э. [по штыковым копьям с надписью времени правления Пузур Шушинака – 7, 72-74, табл. LX]. Эти куро-аракские импорты не сосредоточены в каком-либо одном раннем комплексе КТК, но образуют горизонт памятников, синхронность которых может быть доказана.

В отличие от трубчато-обушных топоров, которые встречены в Северной Осетии, Кабарде и Чечне, другая яркая черта куро-аракского комплекса последнего этапа – Т-образные булавки с катушечной головкой – отмечена в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Эти булавки зафиксированы в погребении «Кабардинский парк (КБП) 4/1», которое синхронизируется с погребением «Кабардинский парк (КБП) 2/1» по тождественным двуручным сосудам [5, рис. 13, 15, 16, 28] С.Н. Корневский привел также 13 экз. Т-образных булавок вне комплекса, а В.Л. Ростунов раскопал Т-образную булавку в комплексе с браслетами в погребении 7 в могильнике Загли I в среднегорье Северной Осетии [23, 28, 29].

Сводный комплекс двух погребений КБП 4/1 и КБП 2/1 включает, кроме Т-образных булавок, двуручные сосуды, небольшие амфоры с двумя выступами, кубки, миски, топоры кабардино-пятигорского типа I стадии, по В.А. Сафронову [25; 26]; двуволютные булавки. Подобные двуручные сосуды с «жемчужинами» на линии наибольшего

диаметра находят аналогию в курганах 8 и 9 в Дзуарикау [21]. Погребения КБП 4/1 и КБП 2/1 являются основными в курганах и совершены в ямах с булыжниковой наброской. Однако обряд этих погребений не дает ясного представления о положении скелета: в погребении КБП 4/1 он не ясен, а обряд КБП 2/1 (сильно скорченно на левом боку) требует подтверждения. Впускными в КБП к. 2 являются скорченные погребения, а в кургане КБП 4 впускными являются вытянутые погребения. Уточнить обряд захоронений КБП 4/1 и 2/1 позволяет погребение 9/3 в Чегеме I с Т-образной булавкой и двуручным сосудом, содержащее скелет на левом боку в умеренно согнутом положении [1, 12, рис. 28:3, рис. 25:8].

Параллельно появлению закавказских импортов на Северном Кавказе отмечены пока никем не объяснимые инновации в погребальном обряде населения позднего этапа куро-аракской культуры на территории Имеретии-Южной Осетии, выразившиеся в появлении в погребальной практике курганов. На основании сказанного мы приходим к выводу, что в области Южной Осетии, в Шида Картли и Кахетии зафиксирован курганный погребальный обряд [13], совпадающий во многих деталях с обрядом подкурганных погребений РБ III в Дзуарикау Северной Осетии, подкурганных погребений на территории Кабардино-Балкарии [1; 29] и Чечне [11;12], что можно рассматривать либо как результат контактов населения Северного Кавказа и Закавказья, или как уход части «курганного» населения Северного Кавказа в Закавказье.

Горизонт погребений КТК/КАРК, включающий КБП 2/1, 4/1 [5], комплексы курганов «в садках» Нальчика № I-V из поступлений 1929 г. с Т-образными и двуволютными булавками [5, 233, рис. 34, 37, 40] дополняет и расширяет содержание I этапа КТК (Дзуарикау 1/19, 1/15, 2/2) на основании идентичных сосудов (двуручные сосуды IX типа, по классификации керамики Дзуарикау – [22; 21]).

Появление памятников горизонта РБ III на Северном Кавказе связывается с куро-

аракской культурой последнего этапа раннебронзового века Закавказья, которая была распространена не только в Закавказье, но и на Северо-Восточном Кавказе [11; 12; 13, 194-195] и в горных районах Северной Осетии [23; 24].

Таким образом, по данным археологии наблюдается глубокое взаимопроникновение элементов материальной культуры Северного Кавказа (КТК) и Закавказья (КАРК) в последний период существования КАРК [16], что не могло не найти отражения в лексических заимствованиях в языках контактирующих этносов [6]. Анализ индоевропеизмов в картвельских и осетинском языке показывает, что в III тыс. до н.э. на Северный Кавказ приходят древнеевропейцы – предки исторических кельтов, италиков, иллирийцев, балтов, германцев, славян (эквивалент – кубано-терская археологическая культура) [20; 21]. Местный компонент, представленный куро-аракской культурой, в своих локальных вариантах соответствует картвельскому и северокавказскому субстрату, который зафиксирован на Северном Кавказе (на территории Северной Осетии, Ингушетии и частично Чечни).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик. 1984. С. 7-88.
2. Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963. 370 с.
3. Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Дагестана. № 5. Махачкала. 1974. 175 с.
4. Гей А.Н. Новотитаровская культура. М., 2000. 233 с.
5. Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии. М.-Л., 1941. № 3. С. 213-317.
6. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.
7. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1949. 229 с.
8. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. 192 с.
9. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Материалы и исследования по археологии. № 93. М., 1960. 150 с.
10. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология СССР, 20-томное издание под общей редакцией Б.А. Рыбакова. М., 1994. 383 с.
11. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии. М., 1961. № 100. 167 с.
12. Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27-39.
13. Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. Ранняя бронза Кавказа. М., С. 5-58.
14. Николаева Н.А. Выделение КТК ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета. 1980. С. 97-120.
15. Николаева Н.А. Периодизация КТК. Исторические судьбы КТК // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1981. С. 77-100.
16. Николаева Н.А. О пракартвело-индоевропейских контактах по археологическим данным // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. Тез. и докл. конф. Института востоковедения АН СССР. М., 1984. С. 73-76.
17. Николаева Н.А. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация КТК): Автореф. канд. дисс. Л., 1987. 17 с.
18. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». № 1. М., 2006. С. 3-12.
19. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия История и политические науки. № 1. М., 2007. С. 3-26.
20. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 223. М., 2010. С. 121-143.
21. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 536 с.
22. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный мо-

- гильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1980. С. 18-81.
23. Ростунов В.Л. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III-II тыс. до н.э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1986. С. 24-45.
24. Ростунов. В.Л. К вопросу о соотношении энеолитической, майкопской и куро-аракской культур в горной зоне Центрального Кавказа // XVIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Кисловодск, 1994. С. 17-18.
25. Сафронов В.А. Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии // VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 71-74.
26. Сафронов В.А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979. С. 10-12.
27. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1983. С. 43-83.
28. Физическая география СССР / Алпагьев А. М., Архангельский А. М., Подоплелов Н.Я. М.: Высшая школа, 1973, 1976 (две части).
29. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Т. I. Памятники эпохи бронзы III–II тыс. до н.э. Нальчик, 1984. С. 164-254.
30. Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967. 280 с.
31. Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkavkazien. Rahden/Westf, 2000. 78 с.

Новая и Новейшая история

УДК 94

Печаткин Т.С.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА АРАВИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (1922-1926 гг.)

T. Pechatkin

People's Friendship University of Russia, Moscow

THE FIRST STEPS OF SOVIET DIPLOMACY IN ARABIAN DIRECTION (1922-1926)

Аннотация. В статье рассматривается процесс установления первых дипломатических контактов Советской России с Королевством Хиджаза. Сбалансированная линия советской дипломатии в сложных политических условиях на Аравийском полуострове заложила прочную основу для будущих советско-саудовских отношений. Советский Союз стал первой страной, которая официально признало государство Ибн Сауда – Королевство Хиджаза, султаната Неджда и присоединенных областей в 1926 г., которое с 1932 г. получило официальное название – Королевство Саудовская Аравия.

Ключевые слова: Внешняя политика СССР, Ближний Восток, Аравийский полуостров, Хиджаз, Саудовская Аравия, советско-саудовские дипломатические отношения, Г. Чичерин, К. Хакимов, король Хусейн, Ибн Сауд.

Abstract. The article studies the process of establishing the first diplomatic contacts between the Soviet Russia and the Kingdom of Hijaz. The Soviet Diplomacy balanced political line under complicated political circumstances on the Arabian Peninsula provided a solid basis for the future Soviet-Saudi relations. The Soviet Union was the first country that officially recognized Ibn Saud State – the Kingdom of Hijaz, Sultanate of Najd and allied territories in 1926, officially named the Kingdom of Saudi Arabia in September 1932.

Key words: The USSR foreign policy, the Middle East, the Arabian Peninsula, Hijaz, Saudi Arabia, the Soviet-Saudi diplomatic relations, G. Chicherin, K. Hakimov, King Hussain, Ibn Saud.

Россия стала проявлять интерес к аравийскому региону еще на рубеже XIX-XX вв., что было обусловлено ростом значимости Аравии в системе международных отношений и стремлением Москвы реализовать здесь свои военно-политические и торгово-экономические интересы. Естественно, одним из существенных факторов такого интереса было наличие исламских святынь в Мекке и Медине, куда ежегодно направлялись паломники. Еще в 1890 г. в Джидде открылось российское консульство, которое функционировало вплоть до начала Первой мировой войны.

Укрепление позиций в качестве нового субъекта международных отношений стало одной из приоритетных задач советского государства в начале 1920-х гг. В условиях дипломатической изоляции немаловажная роль для достижения этой цели отводилась расширению зарубежных контактов на восточном направлении. В начале 1921 г. были заключены двусторон-

ние договоры советской России с Ираном, Афганистаном и Турцией.

В начале 1920-х гг. на территории Аравийского полуострова существовало несколько разрозненных государственных образований под контролем Османской империи, в том числе два наиболее влиятельных объединения, которые, так или иначе, находились в сфере влияния Великобритании – Королевство Хиджаз во главе с шерифом Мекки Хусейном и Эмират Неджд Ибн Сауда. Шериф Хусейн, в условиях напряженных отношений с Великобританией и жесткого соперничества в Аравии с Ибн Саудом, прилагал активные усилия для укрепления собственных позиций как внутри страны, так и за рубежом. Этими соображениями была мотивирована его инициатива по обмену дипломатическими миссиями с Советским Союзом, обсуждение которой началось в ходе прямых советско-хиджазских контактов, установленных в ходе Лозаннской конференции в декабре 1922 г.

О содержании состоявшейся беседы с представителем короля Хиджаза Х. Лутфаллой Г.В. Чичерин написал в Москву сообщение, информируя, что разговор шел об открытии советского консульства в Джидде. При этом Г.В. Чичерин подчеркивал, что, так как Джидда находится неподалеку от Мекки, то советский консул будет в самом центре мусульманского мира, и, таким образом, «очень многие совершающиеся в мусульманстве политические движения, которые теперь от нас ускользают, будут происходить перед глазами нашего консула» [3, 37].

Как пишет А.Н. Хейфец, самую активную роль в установлении контактов с арабскими странами в ходе Лозаннской конференции сыграл В.В. Воровский [12, 311]. «Создавшаяся у него близость с восточными народами и организациями, – отмечал Г.В. Чичерин, – принесла нам величайшую пользу в Лозанне, где нам приходилось сталкиваться с массой делегаций представительств всевозможных восточных национальных организаций» [4, 30]. Уезжая из Лозанны, Г.В. Чичерин поручил В.В. Воровскому продолжить контакты с представителями восточных государств.

После трагической гибели В.В. Воровского этот процесс существенно затормозился. Переговоры об установлении отношений между советской Россией и Хиджазом велись более двух лет.

В конце 1923 г. по линии советского постоянного представительства в Риме были налажены регулярные прямые контакты с Х. Лутфаллой, прибывшим в Италию в качестве посланника Королевства Хиджаз в Италию. В декабре 1923 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил докладную записку секретарю ЦК РКП И.В. Сталину, в которой информировал его, что в период Лозаннской конференции Политбюро было принято принципиальное решение «о желательности восстановления сношений с Хиджазом», при этом в качестве основного довода Г.В. Чичерин указывал на то, что проникновение в Мекку, являющуюся «идейным сосредоточением мусульманского мира», чрезвычайно усилило бы влияние Советского Союза «не в одной только Аравии» [9]. Нарком выразил мнение, что целесообразно согласиться на инициативу короля Хиджаза о взаимном обмене представителями, пусть и на неравноправной основе. Предлагая направить своего представителя в Москву, Хусейн соглашался на открытие в Джидде лишь консульского советского учреждения. Король Хиджаза опасался, что открытие постоянного представительства Советского Союза может вызвать негативную реакцию Великобритании. Г.В. Чичерин в упомянутом документе разъясняет, что такая диспропорция носит лишь формальный характер и предлагает подыскать подходящую кандидатуру полпреда-мусульманина.

3 апреля 1924 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в письме полпреду СССР в Италии К.К. Юреневу характеризует шерифа Хусейна как «наиболее крупного и влиятельного из независимых арабских владетельных князей». Оценивая внешнюю политику Хиджазского королевства, Г.В. Чичерин упоминает о состоянии враждебности между Хиджазом и Турцией, а также о двойственном характере отношений Хусейна с Великобри-

танией. Как пишет Г.В. Чичерин, находясь в фарватере британской политики в регионе, шериф Мекки, где это возможно, пытается проводить свою независимую линию.

Нарком иностранных дел в упомянутом документе сообщил о принятом в Москве решении назначить генеральным консулом СССР в Хиджазе К.А. Хакимова. Чичерин Г.В. писал по этому поводу: «Решение о вступлении в дипломатические отношения с Хиджазом было принято авторитетнейшим учреждением еще в бытность мою в Лозанне... Это постановление было выполнено... В Хиджазе СССР, так же как и все другие государства, будет иметь генерального консула, а Хиджаз будет иметь в Москве посланника... Для нас в высшей степени важно попасть в Мекку. Мы именно поэтому назначаем генеральным консулом мусульманина, чтобы он мог находиться в Мекке... Тов. Хакимов уже привык к нашей политике, так как много лет занимал у нас посты. Мы решили, что в ближайшем будущем т. Хакимов выедет отсюда в Хиджаз» [3, 38].

Карим Абдрауфович Хакимов стал первым представителем СССР в Хиджазе. За короткий период своего пребывания в Аравии первый советский представитель внес большой личный вклад в развитие зарождающихся советско-саудовских отношений. Он возглавил консульство в сложный момент, когда позиции короля Хусейна уже были довольно неустойчивыми, сумев, тем не менее, спрогнозировать тенденцию появления нового центра силы на Аравийском полуострове в лице Ибн Сауда, в результате чего Советский Союз стал первым государством, официально признавшим молодое саудовское государство. Трудно переоценить и роль К.А. Хакимова в установлении личных доброжелательных отношений с саудовским монархом, что также пошло на пользу развитию советско-саудовских связей. В этой связи представляется целесообразным более подробно рассмотреть фигуру первого представителя СССР в Хиджазе.

К.А. Хакимов родился в 1890 г. в Уфимской губернии. В апреле 1918 г. вступил в

ряды РКП (б). Отправной точкой его политической деятельности стал пост народного комиссара по просвещению в Оренбургской губернии. Свою военно-политическую карьеру К.А. Хакимов начал в крупнейшем городе Южного Урала, «где формировалось ядро находившихся под покровительством М.В. Фрунзе «мусульманских» коммунистов» [1, 45], которые были призваны сыграть важную роль в советизации Средней Азии. В феврале 1920 г. К.А. Хакимова назначают заместителем начальника политуправления Туркестанского фронта и переводят в Ташкент. Через некоторое время К.А. Хакимов становится полномочным представителем РСФСР в Бухарской Народной Республике. В.В. Куйбышев давал ему такую характеристику: «Знаю по 19-20 гг. в Туркестане. Из работников мусульман он был наиболее коммунистически выдержан и чужд националистических уклонов... Считаю т. Хакимова добросовестным членом партии. По происхождению он пролетарий» [5].

Позднее К.А. Хакимова направляют на дипломатическую работу в Иран – генеральным консулом в г. Мешхеде (1921 г.), г. Реште (1923), после чего К.А. Хакимов работает в качестве первого советского представителя в Хиджазе (с 1924 по 1928 г.). С 1929 по 1931 гг. К.А. Хакимов работает в Йемене в должности генерального представителя «Ближневостгосторга». После возвращения из Йемена он вернулся в Москву, где трудился с 1932 по 1936 гг. В 1936 г. его вновь направляют в Саудовскую Аравию в должности генерального консула СССР. Однако уже в 1937 г. его отзывают на родину. К.А. Хакимов пал жертвой сталинских репрессий и в январе 1938 г. был расстрелян. В 1956 г. его реабилитировали.

Как пишет исследователь его биографии В.А. Кузьмин, «несмотря на полную реабилитацию Хакимова решением военной коллегии Верховного Суда СССР в 1956 г. его имя затем снова надолго почти перестало упоминаться в печати, научной литературе... Биография Хакимова и некоторые детали его дипломатической работы в странах Востока в 20-30-х гг. плохо известны даже среди вос-

токоведов и историков-международников» [8, 50].

Следует отметить, что в последнее время незаслуженно забытое имя человека, внесшего неоценимый вклад в развитие отношений СССР со странами арабо-мусульманского мира, находится на слуху и все чаще приводится в качестве примера доблестного служения отечеству. Бывший посол СССР в Йеменской Арабской Республике В.В. Попов, характеризуя дипломатическую деятельность К.А. Хакимова, писал: «То, что сделал этот человек как дипломат, как представитель нашей страны трудно переоценить. Именно в результате в значительной степени его личного вклада был заложен фундамент отношений молодого советского государства с арабским миром» [11, 70].

В то время как в Москве кандидатура советского консула была окончательно утверждена, в Хиджазе с нетерпением ожидали его приезда. В телеграмме министра иностранных дел Хиджаза, полученной в Москве 24 апреля 1924 г., подтверждалось желание установить официальные отношения с СССР. «Мы ожидаем прибытия Вашего представителя, назначенного по Вашему усмотрению», – писал министр Хиджаза [6, 162]. В тот же день Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин подписал верительные грамоты, в соответствии с которыми К.А. Хакимов назначался дипломатическим агентом и генеральным консулом СССР в Хиджазе [2, 60].

В июле 1924 г. К.А. Хакимов выехал в Рим для установления непосредственного контакта с представителями Хиджаза. В конце июля 1924 г. Хакимов прибыл в Джидду. Советскому представителю как мусульманину было разрешено вручить верительные грамоты королю Хусейну в Мекке. Официальная церемония вручения верительных грамот состоялась 9 августа 1924 г.

Х. Лутфалла в качестве делегата Королевства Хиджаз в октябре 1924 г. прибыл в Москву, где был принят Председателем ЦИК М.И. Калининым и провел переговоры в НКВД СССР. Однако в Москве уже понимали, что позиции короля Хусейна в условиях значи-

тельного усиления Ибн Сауда становятся все более шаткими и делать ставку лишь на короля Хиджаза было бы нецелесообразно.

Советская дипломатия готовилась к различным сценариям развития ситуации в Аравии, проводя сбалансированную политическую линию. Так, в очередном письме Чичерина на имя К.А. Хакимова в ноябре 1924 г. говорится о необходимости сохранения дружественных отношений с Хиджазом, но одновременно и о задачах по установлению контактов с новой силой Аравии – Ибн Саудом. Г.В. Чичерин писал: «Наши интересы в арабском вопросе сводятся к объединению арабских земель в одно государственное целое. Если Ибн Сауд будет вести политику объединения арабов – это будет соответствовать нашим интересам, и мы должны будем также попытаться сблизиться с ним...» [3, 43].

Большой интерес представляют оценки руководства НКВД взаимоотношений Ибн Сауда с Великобританией. Так, в беседе с генеральным секретарем МИД Франции Бертело Чичерин не соглашался с собеседником, который заявлял, что Ибн Сауд, дескать, находится под полным контролем Лондона. Глава НКВД в ответ на это утверждение указывал, что Англия имеет в Аравии «пять одновременных политик» и поддерживает как Ибн Сауда, так и всех его соперников. Природу взаимоотношений Ибн Сауда и Англии Г.В. Чичерин оценивал как «двойственную», отмечая, что в его лице во главе организованной и объединенной Аравии появляется новая «неблагоприятная для Лондона» сила, с которой Лондон просто вынужден считаться [7].

Руководство НКВД продолжало проводить взвешенную политическую линию, нацеленную на то, чтобы советское представительство продолжало свою работу в Джидде при любых сценариях развития политической ситуации в Хиджазе. Осенью 1924 г. по поручению НКВД К.А. Хакимов завязал тайную переписку с Ибн Саудом. В апреле 1925 г. советский представитель совместно с персидским и голландским консулами совер-

шил поездку в Мекку, где встретился с Ибн Саудом. Ему удалось договориться о том, что министр иностранных дел Хиджаза Ф. Аль-Хатыб прибудет в Мекку для проведения переговоров.

В инструкции К.А. Хакимову в марте 1925 г. Г.В. Чичерин призывает советского консула соблюдать максимальную осторожность до тех пор, пока политическая ситуация не прояснится окончательно. «В близких, кажется, к развязке хиджазских событиях нам нужно прежде всего строить нашу тактику так, чтобы сохранить наше агентство и генеральное консульство в «святой земле». Если Джидда не будет взята ваххабитами, придется продолжать играть роль друзей хашимитов и поддерживать дипломатические сношения с хиджазским правительством... Если же события повернутся иначе и ваххабиты возьмут Джидду и изгонят из «святой земли» хашимитов, тогда нам придется оформить Ваше пребывание в Хиджазе на новом титуле» [3, 40].

Руководство НКВД, по всей видимости, на тот момент пока еще не выработало однозначной позиции, на какую из двух противоборствующих сторон в Аравии следует сделать ставку, и поэтому самым внимательным образом отслеживало развитие ситуации и стремилось не портить отношений ни с Хусейном, ни с Ибн Саудом. В своем докладе по внешнеполитическим вопросам на III сессии ЦИК СССР в Тифлисе Г.В. Чичерин выделил ситуацию в Аравии в качестве отдельного пункта. Нарком отмечал, что положение в Хиджазе «довольно неясное», подчеркивая, что «в настоящее время Аравия стала центром чрезвычайно интересного движения, в котором играют роль, в сущности, более остальные элементы» [13, 363]. Вместе с тем, как подчеркивал Г.В. Чичерин, интересно то обстоятельство, что эти элементы также организуются для борьбы против «наступления и вмешательства западного империализма». Резюмируя, нарком иностранных дел делает акцент на важности тщательного наблюдения за развитием событий в Аравии. Как говорится в докладе, советский представитель

находится в Хиджазе для проведения необходимых контактов, однако, сложно сказать, какие дальнейшие формы примут эти контакты с развивающимися там новыми «чрезвычайно любопытными явлениями».

В декабре 1925 г. король Хиджаза Али покинул страну, перебравшись при помощи англичан во владения своего брата Абдаллы в Акабу. 23 декабря 1925 г. войска Ибн Сауда занимают Джидду, а сам он вскоре принимает титул «короля Хиджаза, султаната Неджда и присоединенных областей».

Советское руководство поспешило оперативно отреагировать на сложившиеся реалии: 16 февраля 1926 г. генеральный консул СССР в Джидде К. Хакимов вручил Ибн Сауду письмо, в котором говорилось о признании его «королем Хиджаза, султаната Неджда и присоединенных областей» [10, 61]. В ответном письме на имя Хакимова от 19 февраля 1926 г. саудовский монарх выразил «полную готовность к отношениям с правительством СССР и его гражданами, какие присущи дружественным державам» [10, 61]. В результате состоявшегося обмена письмами между странами были установлены дипломатические отношения. СССР стал первым государством, признавшим «Королевство Хиджаза, султаната Неджда и присоединенных областей», которое с сентября 1932 г. получило официальное название – Королевство Саудовская Аравия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ат-Турки Маджид. Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1926-2004 гг.). М., 2005. 413 с.
2. Верительная грамота агента и генерального консула СССР в Хиджазе // СССР и арабские страны 1917-1960 гг. М., 1961. 856 с.
3. Вестник МИД СССР. 1990. № 21. С. 37.
4. Воровский В.В. Статьи и материалы по внешней политики. М., 1959. 254 с.
5. Гадилов Л.З., Гумеров Ф.Х. Революционер – дипломат. Уфа, 1977. 126 с.
6. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 7. М., 1963. 740 с.
7. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 10. М., 1965. 687 с.
8. Кузьмин В.А. Страницы дипломатической де-

- тельности К.А. Хакимова // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 50-57.
9. Наумкин В.В. Советская дипломатия в Хиджазе: первый прорыв в Аравию (1923–1926 гг.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). М., 1997 // [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока [http:// iimes.ru] URL: http://www.iimes.ru/rus/1997/r97reg_p2.htm (дата обращения 28.10.2011).
10. Обмен письмами об установлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией (королевством Хиджаза, султанатом Неджда и присоединенных областей) // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. М., 1961. 856 с.
11. Попов В.В. На самом юге Аравийского полуострова // Международная жизнь. 1990. № 6. С. 70-79.
12. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927. М., 1968. 327 с.
13. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. 516 с.

УДК 94

Зайцев А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

A. Zaytsev

Lomonosov Moscow State University

GERMAN FOREIGN POLICY: SEARCHING BALANCE BETWEEN EUROPEAN INTEGRATION AND NATIONAL INTERESTS

Аннотация. Поражение во Второй мировой войне привело к пересмотру Германией своих внешнеполитических концепций и трансформации немецкого самосознания. Попытки достижения гегемонии на континенте сменились «культурой сдержанности» и стремлением к интеграции в западное сообщество государств, а место национальной идеи заняла европейская идентичность. Однако после объединения ФРГ и ГДР Германия вновь вышла на первые роли в Европе и стала проводить независимую внешнюю политику, во главу угла которой были поставлены национальные интересы. В данной статье рассматривается эволюция германской внешней политики и общественного сознания во второй половине XX – начале XXI в. Особое внимание уделяется позиционированию ФРГ в рамках Европейского союза, проблеме расширения ЕС и стратегии Германии на восточном направлении.

Ключевые слова: ФРГ, Евросоюз, внешняя политика Германии, европейская интеграция, расширение ЕС, международные отношения, национальные интересы, постсоветское пространство.

Abstract. The defeat of Germany in World War II resulted in its reconsidering the foreign policy concepts and transforming national self-consciousness. The attempts to achieve the hegemony on the continent were replaced by a “culture of restraint” and aspiration to integrate into the Western states community, while the European identity ousted the national idea. However after the reunification Germany has anew taken the leading place in Europe and started to conduct an independent foreign policy lead by the national interests. This paper considers the evolution of the German foreign policy and public consciousness in the period from the second half of the 20th century to the early 21st century. A special focus is made on Germany’s role in the European Union, the problem of EU expansion and German eastward strategy.

Key words: Germany, the European Union, German foreign policy, the European integration, EU expansion, international affairs, national interests, post-Soviet states.

Геополитические трансформации конца XX – начала XXI вв. и становление нового мирового порядка побудили ведущих мировых игроков к пересмотру прежних внешнеполитических концепций и поиску новых ролей в меняющейся системе международных отношений. В этом плане представляет безусловный интерес рассмотрение эволюции внешнеполитического курса Германии в 1990-х – 2000-х гг. – страны, обладающей третьей по объёму ВВП экономикой в мире и утвердившей за собой в последние годы место европейского регионального лидера.

Крах национал-социализма в 1945 г. имел для Германии радикальные внутри- и внешнеполитические последствия. Из Второй мировой войны страна вышла разделенной на два независимых государства и утратившей национальное единство. Включившая в себя пять восточных земель ГДР дистанцировалась от исторического прошлого и заняла свою нишу в качестве одной из стран Восточного блока, не претендуя на роль значимого самостоятельного актора в системе международных отношений. В то же время ФРГ, ставшая частью западного сообщества государств и сохранившая историческую, ментальную и политическую преемственность по отношению к догитлеровской Германии, также столкнулась с необходимостью переосмыслить свою историю и задуматься о своей роли в Европе и мире. В итоге образ действий ФРГ на международной арене стали определять три взаимосвязанных тенденции.

Во-первых, в послевоенные годы иной характер, нежели во времена Веймарской республики и кайзеровской империи, приобрели внешнеполитические установки Германии. Исторически сложившаяся идея достижения гегемонии в Европе ушла в прошлое. ФРГ всячески пыталась отгородиться от роли особо значимого субъекта внешней политики. По замечанию исследователей, от безрассудного ослепления силой маятник качнулся в другую крайность, в сторону добровольного бессилия и самоустранения, и активное

участие в мировой политике сменилось приспособлением к основным ее направлениям [17, 21; 27, 107]. Поэтому важнейшей чертой внешней политики Германии стала обусловленная «исторической ответственностью» и чувством вины «культура сдержанности», а в роли ключевых внешнеполитических интересов на первый план вышли общие гуманистические ценности и закрепленная в Основном законе идея о «служении делу мира во всем мире» [8, 1; 36, 92]. По выражению К.-Х. Борера и Т. Зоммера, ФРГ совершила «побег из глобальной политики в сказочный лес, где ее никто больше не найдет, кроме доброй феи, которая расскажет, что на планете разразился всеобщий мир» [18].

Во-вторых, важным моментом послевоенного существования ФРГ стало развитие в рамках западноевропейских и евроатлантических структур. Во многом это было связано с продиктованными странами-победительницами условиями мира, ограничивавшими ее суверенитет. В данных обстоятельствах Германия могла самореализоваться на международной арене только путем политики «встраивания» в западное сообщество государств. Со времени канцлера К. Аденауэра такая тактика стала визитной карточкой ФРГ [31, 54-57]. Ключевыми ее элементами были безоговорочное разделение демократических ценностей, стремление к тесной интеграции в систему западноевропейских государств и наднациональных институтов.

Данная политика быстро принесла свои плоды. Европейская интеграция стала для Германии средством, обеспечившим стремительное восстановление экономики и позволившим стать «экономическим локомотивом» Европы. На долю ФРГ приходилось около четверти производимого в странах Европейского Сообщества ВВП и столько же общего объема внутренней и внешней торговли, а западногерманская марка заняла сильнейшие позиции в валютной сфере [41, 43]. Кроме того, Германия выступила одним из политических лидеров объединяющейся Европы, что имело большое значение для повышения ее международного статуса. В ито-

ге уже к 1970-м гг. сложилась парадоксальная ситуация: исповедовавшая во внешней политике «культуру сдержанности», ФРГ де-факто оказалась в числе ключевых держав [31, 57].

Однако на тот момент она не хотела осознавать усиления своих политических позиций в Европе и мире. Официальный Бонн предпочитал оставаться «экономическим гигантом и политическим карликом», придерживаясь тезиса о добровольном внешнеполитическом самоограничении и отказе от части суверенитета, который мыслился возможным лишь в рамках единой Европы. На основании «исторического прошлого» западные немцы пытались нивелировать международное положение ФРГ, позиционировать себя как «образцовых европейцев» и «форпост западной демократии» [38, 57]. Государственные интересы идентифицировались с интересами европейских и евроатлантических структур вплоть до того, что интеграции в эти структуры официально отдавался приоритет в сравнении с политикой, направленной на обретение национального единства. В этой крайности ФРГ порой заходила столь далеко, что ее концепции по скорейшему созданию «федеративного государства Европы» критиковались европейскими аналитиками как «интеграционная ярость» [37, 74; 36, 92].

Наконец, характерной чертой послевоенной истории ФРГ стали во многом определявшие ее международный курс изменения в сфере психологической и ментальной. В первую очередь они коснулись немецкого национального самосознания, развитие которого вступило в период глубокой стагнации. Такие понятия, как «патриотизм», «нация», «национальные интересы» считались скомпрометированными режимом национал-социализма и во внешнеполитической плоскости нагружались негативным значением. Ярким примером самокритичности могут служить замечания политологов о том, что Германия «никогда не существовала как национальное государство за исключением семидесяти пагубных лет» [22, 98],

и что немцы вследствие постигшей их катастрофы, причиной которой стало именно национальное государство, свыклись с мыслью о нереализуемости идеи подобного государства на своей земле [16, 147]. В данных условиях на смену дискредитированной немецкой идентичности должна была прийти европейская.

Во внешней политике это сводилось к попыткам растворения национальных интересов в интересах объединенной Европы. Как шутили наблюдатели, немцы стремились в Европу, чтобы перестать быть немцами [36, 92]. Более того, термины «нация» и «Европа», как и европейское и немецкое единство, в общественном сознании и политических концепциях долгое время выступали чуть ли не как противоположности [43, 77; 37, 80]. Обычно синонимичные для какой-либо страны понятия «государственный интерес» и «национальный интерес» также противоречили друг другу: если первый означал «встраивание» в западное сообщество, безопасность и благополучие [21, 49], то второй априори был крайне сомнительной субстанцией. В итоге у немецкой интеллигенции и политической элиты национальный патриотизм был вытеснен патриотизмом конституционным, зиждившемся на заложенных в Основном законе ФРГ демократических и общеевропейских идеалах [36, 92].

Завершение на рубеже 80-х–90-х гг. XX в. противостояния Востока и Запада, по словам одного из экспертов, привело к воплощению в жизнь самых смелых германских мечтаний [25, 43]. Во многом неожиданно для самой страны решился вопрос о национальном воссоединении, в котором, по мнению исследователей, была поставлена даже не точка, а восклицательный знак [30, 7]. Кроме того, согласно заключенному между двумя германскими государствами, СССР, Англией, Францией и США договору «2+4», ФРГ вместе с присоединением ГДР де-юре обрела «полный суверенитет во внутренних и внешних делах» [12].

Объединение ГДР и ФРГ резко изменило ситуацию на континенте. В центре уже не

разделенной границей систем Европы появилось мощное германское государство, что повлияло на существовавший внутри ЕС баланс сил. Если ранее в региональной интеграционной группировке отсутствовал ярко выраженный лидер, то теперь в роли главной европейской величины стала выступать именно ФРГ [41, 43]. По словам политолога Г. Шёлгена, единая Германия «нежданно-негаданно, как бы в одну ночь выдвинулась в центр событий международной жизни и, не ведая того, с возрастанием собственного значения и веса оказалась в роли великой европейской державы» [43, 10]. Однако обретение полного государственного суверенитета и статуса «главной европейской силы» [20, 21] в первое десятилетие после объединения не сильно изменили вектор внешнеполитического развития страны.

Единая Германия подтвердила приверженность системе западных либерально-демократических ценностей. Лейтмотивом внешней политики страны стал лозунг политической «преемственности» и «нормальности», который означал стремление продолжать действовать на мировой арене в рамках многосторонних усилий, неукоснительно соблюдая обязательства перед европейскими структурами и не допуская единоличных инициатив [35, 67; 31, 56-58]. Ведущие общественные и политические деятели исключали возможность поиска «особых путей», вероятность которых могла бы проистекать из изменившегося геополитического положения страны [36, 93].

Став лидирующим государством в ЕС, Германия продолжила позиционировать себя как неотъемлемая его часть и играть роль мотора европейской интеграции, при этом «ни в коем случае не стремясь руководствоваться эгоистическими мотивами» [43, 78] и не мысля себя вне европейских институтов. Это подтверждают слова канцлера Г. Коля, заявившего в 1993 г., что для Германии нет альтернативы европейскому объединению, которое является залогом сохранения мира и свободы [7]. Поэтому знак равенства во многом был поставлен и между внешней по-

литикой ФРГ и ЕС. Показательным в данной связи стало высказывание министра иностранных дел Г.-Д. Геншера, согласно которому внешняя политика Германии «тем более национальна, чем более европейской она является» [14].

В условиях прекращения «холодной войны» и отсутствия угрозы вооруженного конфликта приоритетом для Германии и ЕС стала забота об экономическом благосостоянии и процветании, социальной и личной безопасности. Поэтому главные цели немецкой внешней политики в контексте их общеевропейского звучания были сведены к тому, что ФРГ и ЕС должны совместными усилиями избавиться от наследия прошедшей эпохи и стремиться к устранению разделительных линий в Европе [29, 258]. Приоритетной задачей стало также противодействие угрозам, исходящим из европейских «регионов нестабильности», под которыми подразумевались в первую очередь страны бывшего СССР и Восточного блока. В данном вопросе ФРГ взяла на себя роль «мирной силы», способствующей трансформации, экономическому прогрессу и приобщению пограничных государств к западной системе ценностей [24, 3-11; 20, 21-28]. В качестве наиболее действенного метода достижения этих целей немецкими политиками и экспертами рассматривалась интеграция проблемных регионов в ЕС [19, 11]. Поэтому содействие расширению Евросоюза в восточном направлении также стало одним из внешнеполитических приоритетов Германии.

Вместе с тем, с объединением ФРГ и ГДР на новый уровень вышло развитие не только немецкой государственности, но и национального самосознания. Важным фактором внешнеполитической самоидентификации Германии стало преодоление психологических барьеров прошлого. В общественном сознании немцев новое государство не рассматривалось в роли правопреемника Третьего рейха, поэтому со многих философских и политологических категорий было снято негласное табу. Так, Германия пережила ренессанс понятия «национальные интересы»,

и данный термин вновь стал одной из составляющих внешнеполитического дискурса [23, 20-28].

В основу этого дискурса лег уже поднимавшийся ранее «почти гамлетовский вопрос» о том, насколько совместимы следование национальным интересам и стремление к европейской интеграции, и в какой мере должна быть ориентированной на национальные интересы внешняя политика страны [29, 256]. В первые годы существования единой Германии ответ на этот вопрос трактовался в духе послевоенной традиции и был созвучен с приведенным выше высказыванием Г.-Д. Геншера. В эпоху канцлерства Г. Коля доминировали идеи евроатлантической солидарности, а национальные интересы предполагалось интегрировать в схему сбалансированных интересов единой Европы [28, 31; 36, 98]. Аналитики и официальные лица подчеркивали, что немецкие национальные интересы тождественны стратегическим установкам ЕС. Так, будучи еще депутатом Бундестага, Й. Фишер заявлял о преимущественной заинтересованности ФРГ в дальнейшем развитии интеграционных процессов, а не в настойчивом отстаивании национальных интересов [28, 33].

Однако на протяжении 1990-х гг. взгляды немецких руководящих кругов и общественности претерпевали эволюцию. Велись дискуссии о пересмотре внешнеполитических традиций, присущих прежней ФРГ в силу ее ограниченного суверенитета и неприемлемых для Германии в ее новом качестве. Стали выдвигаться требования четкой национальной ориентации внешней политики, которая выступала бы не только от имени Европы и Запада, но и от собственного лица [31, 56]. Во многом это было обусловлено тем, что в стране происходила смена политических элит. На место воспитанного на чувстве вины военного поколения политиков, полагавших, что демократия в Германии может развиваться лишь в конфронтации с ее прошлым, приходило послевоенное поколение, не отрицавшее важности исторической памяти, но и не несшее ответственности за преступления на-

цистского режима. Сознание данного поколения не было заражено «вирусом европейского идеализма», и если его представители и чувствовали себя европейцами, то скорее потому, что хотели, а не вынуждены были ими быть [36, 99; 28, 32]. Поэтому основной их чертой стало стремление не только к углублению европейской интеграции, но и к устранению дисбаланса между экономической и политической ролью ФРГ в мире.

Аналогичные изменения происходили и в общественном сознании. Как показал в 1997 г. анализ внешнеполитических установок населения, за согласие с остальными странами ЕС в вопросах внешней политики высказалось почти столько же граждан, сколько за самостоятельные действия на международной арене (52 % и 51 % соответственно), не обремененные муками совести за нацистское прошлое [11]. По результатам же проведенного в 2000 г. опроса общественного мнения, 49% участвовавших заявили, что национальным интересам страны не уделяется достаточного внимания. При этом лишь менее трети респондентов (28 %) назвали важнейшим немецким интересом развитие европейского единства [2]. В ходе общественных дискуссий было реабилитировано и вступило в процесс активного формирования и понятие немецкой нации. Это отчетливо проявилось в установках «поколения немецкого единства», выросшего в реалиях объединенной Германии. Так, согласно проведенному в 2000 г. опросу старшеклассников, 84 % их высказали желание изучать «немецкую нацию» в качестве учебного предмета [3].

Итогом трансформации идейных установок политических элит и общественности стало то, что в 1998 г. многолетняя гегемония во власти христианских демократов во главе с Г. Колем подошла к концу. На выборах победу одержала коалиция социал-демократов и «зеленых», а пост канцлера занял Г. Шрёдер. Это означало для Германии не просто смену одной правящей коалиции на другую, но и наступление новой эпохи. В лице Г. Шрёдера к власти пришло поколение лидеров, не желающих постоянно извиняться за свое

прошлое и не боящихся отстаивать национальные интересы. Новый «очень динамичный канцлер» придал внешнеполитическому курсу страны собственный стиль, отличающийся напористой прагматичностью [29, 255; 28, 32]. Вскоре после вступления в должность он заявил, что не усматривает ничего негативного в четком выражении Германией национальных интересов. По его мнению, нынешнему поколению немцев необходимо отстаивать их «столь же естественно, как это делают французы или англичане», а германская внешняя политика должна стать политикой «просвещенного собственного интереса» [10].

Конечно, подход Г. Шрёдера не ставил под сомнение существовавшую более полувека преэминентность Германии в образе действий на международной арене, которую ставший министром иностранных дел Й. Фишер назвал «добродетелью первостепенной важности» [4]. Он не означал отказа ни от направленной на поддержание мира и стабильности в регионе внешнеполитической доктрины ЕС, ни от европейской интеграционной политики. Изложенные еще до выборов в коалиционном соглашении «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетии» внешнеполитические цели нового правительства были абсолютно традиционными, соответствовали западным стандартам и мало отличались от установок христианских демократов [1, 43-49].

Однако внешняя политика ФРГ обрела новый стиль, методы и стратегию. Европейская солидарность стала рассматриваться не как самоцель, а как составная часть решительной внешней политики, направленной на защиту национальных интересов. Присущая прежней Германии международная «предсказуемость», в которой она не уставала заверять мировое сообщество, стала обеспечиваться не столько возведением демократических ценностей в ранг внешнеполитических приоритетов, сколько реалистическим определением своих истинных, пусть даже эгоистичных, интересов на мировой арене и разумным их соотношением с

интересами партнеров [36, 99]. ФРГ осознала новую роль не только экономического, но и политического лидера Евросоюза и начала вести себя в соответствии со своим международным положением. Если раньше Европа имела дело с политически «неполноценной» Германией, стремившейся посредством участия в ЕС компенсировать этот недостаток, то теперь, по словам Г. Шрёдера, она стала «повзрослевшей нацией, которая не должна ощущать свою неполноценность» [6]. Таким образом, в новом столетии Евросоюз столкнулся с самоутверждающейся Германией, заинтересованной в его усилении и интеграции уже по иным, нежели прежде, причинам [41, 44].

Одна из этих причин заключается в том, что нормальное функционирование интеграционных механизмов единой Европы обеспечивает для ФРГ значительные экономические выгоды. По данным на 1994 г., за три с половиной десятилетия существования Европейского Сообщества немецкий экспорт в другие, входящие в его состав государства вырос с 14 млрд. до 365 млрд. марок. Поэтому адресованные странам ЕС постоянные призывы Германии к максимальному использованию возможностей по укреплению западноевропейской экономики в первую очередь обусловлены ее собственными интересами [40, 29]. Заметим, что потребность в расширении рынков для растущих оборотов национального экспорта также лежит в основе различного рода финансовых и экономических проектов, реализуемых ФРГ в рамках общеевропейской политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Поддержка ФРГ процессов европейской интеграции осуществляется и из политических соображений. Некоторые исследователи уже давно высказывали предположение, что объединенная Германия способна подмять под себя интеграционные структуры ЕС и получить возможность «законным образом формировать Европу и ее политику согласно собственному образцу и интересам» [33, 185; 41, 54]. Конечно, открытое подтверждение этого тезиса трудно найти в работах немец-

ких политологов и высказываниях официальных лиц, которые, дабы избежать обвинений в национальном эгоизме, предпочитают рассуждать о «европейской Германии», но никак не о «Европе по-германски» [35, 71]. Однако в последние годы многие внешнеполитические шаги ФРГ говорят о том, что на место безоговорочной поддержки европейских инициатив пришел трезвый расчет с оглядкой на национальные интересы.

Не лишено оснований мнение о том, что новое руководство страны стремится к закреплению ее политического и экономического лидерства посредством германизации руководящих структур ЕС [34, 33-34]. На протяжении последнего десятилетия ФРГ активно выступает за преобразование внутренней структуры и механизма принятия решений Евросоюза. В 2000 г. Й. Фишер внес предложение по коренной трансформации институтов ЕС в мощные наднациональные органы и его преобразованию в жесткую федерацию, а также выступил за создание группы держав со статусом центра тяжести и ролью «локомотива» [5]. Немецкий министр иностранных дел аргументировал это тем, что, будучи рыхлой конфедерацией, расширяющийся Евросоюз вскоре окажется малоуправляемым, погрязнет в межправительственных согласованиях и переговорных сложностях. Однако за этим проектом институционального усиления ЕС легко угадывается стремление Германии по собственным правилам определять конфигурацию будущей Европы и занять в наднациональных структурах Союза командные высоты [32, 67; 35, 70].

Важным шагом в этом направлении можно считать результаты прошедшего в 2001 г. в Ницце саммита ЕС, где Германия добилась наибольшего представительства в Европарламенте, сохранила право вето по главным интересующим ее проблемам и способствовала принятию решения о квалифицированном большинстве при рассмотрении основных вопросов жизни Союза [13, 81-83]. По мнению экспертов, итоги саммита, во-первых, дали ФРГ возможность упрочить преимущество во франко-германском танде-

ме, в котором она на политическом уровне долгие годы выступала в качестве младшего партнера, и стать единоличным лидером в ЕС. Во-вторых, принятые в Ницце решения в преддверии расширения Евросоюза позволили Германии создать такие условия, когда не имеющим достаточного политического и экономического веса странам для продвижения своих инициатив придется обращаться к ней за помощью [35, 70-71; 32, 68]. Тем самым ФРГ уже до начала расширения ЕС получила рычаги давления на его потенциальных новичков.

Политического курса, целью которого было заставить Евросоюз работать на национальные интересы страны, новое германское руководство стало придерживаться и в финансово-экономической сфере. Так, критику в немецких политических кругах и недовольство общественности долгое время вызывало то, что на Германию приходилось почти 2/3 чистых расходов ЕС [29, 260]. Страна вносила в бюджет Союза такой же вклад, как Франция и Великобритания вместе взятые, однако из этих средств назад возвращалась лишь малая часть [32, 72]. О необходимости «восстановить равноправие» и уменьшить «чистые» взносы в кассу ЕС Г. Шрёдер поставил вопрос сразу после своего вступления в должность канцлера, обвинив своего предшественника Г. Коля в «распродаже интересов Германии» и заявив, что «время, когда Европа процветала за ее счет, ушло». Он подчеркнул, что страна и дальше готова играть роль финансового «мотора» ЕС, но не намерена продолжать «оплачивать чью-то нерадивость» [15].

Приверженность данному курсу подтвердила и занявшая в 2005 г. пост канцлера представительница ХДС А. Меркель. Примечательно, что теперь официальный Берлин мотивировал необходимость ограничить отчисления в европейский бюджет возросшими расходами на развитие гражданского общества в различных регионах мира. Подчеркивалось, что такого рода гуманитарные инвестиции (в том числе идущие и на подготовку различных «цветных» революций) от-

вечают интересам ЕС на глобальном уровне [34, 38]. Но, по мнению экспертов, речь здесь идет о политических технологиях двойного назначения. Сокращая отчисления в европейский бюджет, Германия получает возможность ликвидировать «паразитирование» на достижениях своей экономики других стран ЕС, далеко не всегда занимающих прогерманскую позицию по принципиальным внешнеполитическим вопросам. Кроме того, немецкие гуманитарные инвестиции хоть и работают на западное сообщество, но в первую очередь являются важнейшим фактором укрепления международных позиций самой ФРГ и усиления ее роли в Евросоюзе [34, 36-38].

В новом столетии к отстаиванию национальных интересов Германия стремится и во внешней политике. Главным образом это касается процесса расширения ЕС на Восток. При Г. Шрёдере развитие этого процесса также получило статус одного из внешнеполитических приоритетов страны [29, 257]. На официальном уровне расширение ЕС объяснялось необходимостью стабилизации и демократизации проблемных регионов и сглаживанию социально-экономических разрывов между Востоком и Западом во благо Евросоюза и ФРГ. Но не стоит забывать о том, что благодаря принятию в ЕС новых государств занимающая в нем доминирующие позиции Германия приобрела еще больший международный вес. Кроме того, продвижение ЕС на Восток открыло для такого крупного экспортера, как ФРГ, перспективу расширения гарантированных рынков для экспорта товаров и использования дешевой рабочей силы [32, 72]. Так, еще в 1999 г. в докладе фонда Бертельсманна говорилось, что поддерживающая интенсивные контакты с Восточной Европой и странами бывшего СССР Германия получит наибольшую выгоду от расширения ЕС [9]. Поэтому стремление к распространению в восточном направлении западных демократических ценностей (в том числе таких, как свободная торговля, открытые рынки, свободный доступ к источникам сырья и энергоресурсам)

также во многом обусловлено проводимой ФРГ активной экономической экспансией [30, 25].

Безусловно, для осуществления своих интересов в данном регионе Германии необходимо было создание по ту сторону восточной границы ЕС зоны политической и экономической стабильности. Поэтому Берлин всячески поддерживает усилия Брюсселя, направленные на успешное завершение трансформации в государствах Восточной Европы и на постсоветском пространстве, выступает в качестве движущей силы расширения ЕС и стремится к интенсификации политических и экономических контактов с восточными соседями Евросоюза. Но, как мы видим, Германия ставит перед собой более смелые, нежели ЕС, задачи. Поэтому справедливой, на наш взгляд, кажется точка зрения, согласно которой ФРГ предпочитает оказывать свое влияние в мировой политике преимущественно опосредованно, через ведущие международные организации [33, 184]. В этом плане ЕС является подходящим инструментом для реализации восточноевропейской стратегии немецкого руководства, «коллективным прикрытием» для индивидуального пользования [42, 14]. В качестве иллюстрации данного тезиса можно рассматривать мнение известного немецкого аналитика Й. Янинга, считающего, что для Германии расширение ЕС в восточном направлении и стремление приблизить к его стандартам соседние государства постсоветского пространства является почти идеальным способом перенесения собственных интересов в рассматриваемом регионе на европейский уровень [26, 35].

Проведению Германией самостоятельной политики в рамках Евросоюза во многом способствует и явная слабость его внешнеполитического инструментария. Сам факт наличия у ЕС единой внешней политики иногда вообще подвергается сомнению, так как голоса всего одной из входящих в его состав стран достаточно для блокирования общей инициативы [19, 11]. С другой стороны, отмечается отсутствие единой европейской

ментальности и самосознания. В своих международных инициативах ЕС стремится к утверждению расплывчатых общеевропейских ценностей, трудно реализуемых на практике в рамках единого внешнеполитического процесса. Не являясь ни государством, ни нацией, ЕС не обладает общностью национальных интересов, которые призвана воплощать в жизнь внешняя политика [37, 78-79].

В отличие от ЕС, современная Германия, являющаяся национальным государством и выступающая как самостоятельный субъект геополитики, имеет разветвленную и постоянно совершенствующуюся систему институционального обеспечения своих политических и экономических интересов. При этом ФРГ опирается не только на традиционные методы МИДа, но и на неправительственные организации и политические фонды, успешно действующие там, где обычная дипломатия бывает бессильна [39, 10-16] (примером тому может служить активная деятельность близкого к партии ХДС/ХСС Фонда Конрада Аденауэра по подготовке и осуществлению оранжевой революции на Украине) [34, 116]. Посредством богатого внешнеполитического инструментария Германия также решает сразу две задачи. Способствуя реализации стратегических установок Евросоюза, ей удастся проводить автономную внешнюю политику и подспудно лоббировать свои интересы, политически утверждаясь и осуществляя экономическую экспансию в граничащих с ЕС странах.

Таким образом, обретение Германией полного суверенитета и появление национального самосознания привели к формированию новой внешней политики, во главу угла которой были поставлены национальные интересы. ФРГ вернулась на международную арену в качестве активного и независимого действующего лица, сохранив при этом преимущество ключевых внешнеполитических приоритетов. Немецкие политологи и официальные лица продолжают говорить о необходимости реализовывать свои интересы, исходя из интегрированности в структуры ЕС. Однако данное постоянство при-

оритетов отнюдь не означает неизменности внешнеполитической стратегии, одной из главных черт которой стал поиск нового баланса между европейской интеграцией и национальными интересами [36, 98]. Параллельно с усилиями по созданию сильной и единой Европы Германия наращивает традиционную внешнеэкономическую и внешнеполитическую экспансию суверенного государства. По замечанию отечественного германиста А.К. Никитина, на сегодняшний день в мире нет ни одного значимого региона, где не были бы представлены немецкие компании и обслуживающие интересы германской внешней политики гуманитарные фонды и где бы ФРГ не лоббировала свои экономические и политические интересы [34, 13].

Постсоветское пространство в этом плане также не является исключением. В настоящее время объединенная Германия вновь заняла свою историческую нишу центрально-европейской державы, для которой интересы на Востоке не менее важны, чем на Западе. Взаимодействие со странами Восточной Европы и бывшими советскими республиками является на данный момент одной из наиболее приоритетных внешнеполитических задач ФРГ. По мнению отечественных экспертов, возникший в результате распада Восточного блока и СССР вакуум Германия целеустремленно использует для наращивания собственного экономического и политического присутствия в регионе [30, 22-23]. После завершившегося в 2007 г. очередного этапа расширения ЕС именно государства постсоветского пространства стали особенно привлекательными для Германии как в контексте вовлечения в свою политическую орбиту, так и с точки зрения реализации экономической стратегии. На наш взгляд, данное обстоятельство при разработке своих внешнеполитических концепций должна непременно учитывать Россия, которая не только является важнейшим стратегическим партнером Германии, но и имеет собственные традиционные интересы в указанном регионе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Aufbruch und Erneuerung. Koalitionsvertrag zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Bonn, 20. Oktober 1998 [Электронный ресурс] // Internet Archive [сайт]. URL: http://ia700309.us.archive.org/27/items/AufbruchUndErneuerungDeutschlandsWegIns21.Jahrhundert/1998_Koalitionsvertrag.pdf (дата обращения: 12.02.2011).
2. Busse N. Nie wieder nationales Interesse // Frankfurter allgemeine Zeitung. 17. Juli 2000.
3. Der Spiegel. 2000. № 40. S. 172.
4. Die Rede des Bundesministers des Auswärtigen J. Fischer bei der Mitgliederversammlung der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik am 24 November 1999. № 12. S.75.
5. Die Rede von J. Fischer in der Humboldt-Universität in Berlin am 12. Mai 2000 // Die Zeit. 12. Mai 2000 [Электронный ресурс] // Zeit Online [сайт]. URL: http://www.zeit.de/reden/europapolitik/200106_20000512_fischer?page=all (дата обращения: 05.02.2011).
6. Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder. Bonn, 10. November 1998. Bonn, 1998.
7. Erklärung der Bundesregierung zur Sondertagung des Europäischen Rates in Brüssel // Bulletin. 1993. № 99. S. 1106.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс] // Gesetze im Internet. Ein Service des Bundesministerium der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH [сайт]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf> (дата обращения: 10.02.2011).
9. IFO – Schnelldienst. 2000. № 31.
10. Internationale Politik. 1999. № 11. S. 17.
11. Köcher R. In der deutschen Provinz // Frankfurter allgemeine Zeitung. 10. Sept. 1997.
12. Vertrag über die abschliessende Regelung in Beziehung auf Deutschland vom 12. September 1990 [Электронный ресурс] // Die historische Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 [сайт]. URL: <http://www.documentarchiv.de/brd/2p4.html> (дата обращения: 15.02.2011).
13. Vertrag von Nizza. *Amtsblatt der Europäischen Gemeinschaften Nr. C 80 vom 10. März 2001* [Электронный ресурс] // *EUR-Lex* [сайт]. URL: http://eur-lex.europa.eu/de/treaties/dat/12001C/pdf/12001C_DE.pdf (дата обращения: 15.02.2011).
14. Доклад Г.-Д. Геншера в Вене 14.09.1989. // Der Bundesminister des Auswärtigen. Mitteilungen für die Presse. № 1134/89.
15. Известия. 1998. 11 дек.

Литература:

16. Bahr E. Sicherheit für und vor Deutschland. Vom Wandel durch Annäherungen zur Europäischen Sicherheitsgemeinschaft. München/Wien: Hanser, 1991. 179 с.
17. Bredow W., Jäger T. Neue deutsche Aussenpolitik. Nationale Interessen in internationalen Beziehungen. Opladen: Leske und Budrich, 1993. 249 с.
18. Bohrer K.-H. Provinzialismus // Merkur 44 (1990). S. 1100.
19. Ehrke M. Die Europäische Union und der postkommunistische Raum: Integration, Europäische Nachbarschaftspolitik und strategische Partnerschaft // Kompass 2020. 2007. № 5. S. 1-23.
20. Gasteyger C. Neue Konturen europäischer Sicherheit // Internationale Politik. 1996. № 12. S. 21-28.
21. Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett –Cotta, 1988. 544 с.
22. Hassner P. Nationalstaat – Nationalismus – Selbstbestimmung // Die neue Weltpolitik. Baden-Baden: Nomos, 1996. S. 95-107.
23. Hellmann G. Deutschland, Europa und der Osten // Internationale Politik. 2007. № 3. S. 20-28.
24. Herzog R. Die Grundkoordinaten deutscher Aussenpolitik // Internationale Politik. 1995. № 4. S. 3-11.
25. Joffe J. Deutsche Aussenpolitik – postmodern // Internationale Politik. 1995. № 1. S. 43-45.
26. Kaiser K., Krause J. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3. München: R. Oldenbourg Verlag, 1996. 284 с.
27. Schwarz H.-P. Die gezähmten Deutschen. Von der Machtbesessenheit zur Machtvergessenheit. Stuttgart: DVA, 1985. 191 с.
28. Амплеева А.А. Трудный путь к единству // Актуальные проблемы Европы. 2001. № 1. С. 8-37.
29. Белякова Т.В. Политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264.
30. Вяткин К.С. Бремя итогов – время перемен: восточные горизонты европейской политики Германии. М.: Институт Европы РАН, 1999. 40 с.
31. Имангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире: международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. Казань: Новое знание, 2006. 252 с.
32. Иорданская Э.Н. Расширение ЕС на Восток: позиции Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 67-74.
33. Линк В. Германия – как европейская держава // Актуальные проблемы Европы. 2001. № 1. С. 169-187.

34. Никитин А.К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. М.: [б. и.], 2008. 319 с.
35. Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2. С. 63-75.
36. Погорельская С.В. Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91-100.
37. Погорельская С.В. Должна ли Европа «говорить одним голосом»? Некоторые проблемы формулирования внешней политики ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 4. С. 69-83.
38. Погорельская С.В. Конституция versus демократия? Некоторые аспекты «Конституции» Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 54-63.
39. Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М.: Наука, 2007. 208 с.
40. Размеров В.В. Объединённая Германия: уроки и перспективы // Объединённая Германия в Европе и мире: сб. ст. / РАН, Институт мировой экономики и международных отношений; гл. ред. В.В. Размеров. М.: ИМЭМО, 1994. С. 7-43.
41. Стрельцова М. Германия и Европейский Союз // Объединённая Германия в Европе и мире: сб. ст. / РАН, Институт мировой экономики и международных отношений; гл. ред. В.В. Размеров. М.: ИМЭМО, 1994. С. 43-66.
42. Фёдоров В.П. Россия в ансамбле Европы. М.: Институт Европы РАН, 2002. 63 с.
43. Шёлген Г. Страх перед силой. М.: АО «Буклет», 1994. 94 с.

УДК 811.133.1

Иванов П.А.

Военный университет Министерства обороны РФ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НАТО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ЛИВИИ

P. Ivanov

*Military University of the Ministry
of Defence of the Russian Federation*

MASS MEDIA SUPPORT OF NATO'S MILITARY INTERVENTION IN LIBYA'S INTERNAL AFFAIRS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности информационного обеспечения военного вмешательства НАТО во внутренние дела Ливии. Предпринята попытка проанализировать эти события, выявить характерные черты их освещения западными СМИ, продемонстрировать на конкретных примерах способы и механизмы, к которым прибегают авторы западных газет для осуществления языкового манипулирования сознанием, показать нарушения резолюции, которые были допущены в ходе проведения вмешательства во внутренние дела этого североафриканского государства, но не получили широкой огласки.

Ключевые слова: информационное воздействие, пропаганда, военная интервенция, общественное мнение, мандат, резолюция ООН.

Abstract. The article considers the features of mass media of NATO's military intervention in Libya's internal affairs. The author attempts at revealing the characteristic features of western mass-media behavior in reporting the events and gives concrete examples of ways and mechanisms used by western reporters to manipulate public consciousness during NATO's military intervention into this North African state.

Key words: informational influence, advocacy, military intervention, public opinion, mandate, UN resolution.

© Иванов П.А., 2012.

Вмешательство стран НАТО во внутренние дела Ливии и связанное с этим молниеносное изменение отношения к Муаммару Каддафи со стороны «свободного мира» требуют серьезного анализа. Дело в том, что ливийский лидер, в течение более 40 лет выступавший с антиамериканских позиций, конечно, не вызывал восторга на Западе, но и никогда не был изгоем для западного сообщества, как например, северокорейский руководитель Ким Чен Ир, а сама Ливия, в отличие от той же Северной Кореи, никогда не причислялась к так называемой «оси зла».

Однако, как только Запад посчитал, что режиму Каддафи может быть найдена более подходящая альтернатива, были отброшены все колебания, и принято решение о силовом решении ливийской проблемы.

Решение западных стран, в первую очередь Франции, Великобритании и США, кардинально поддержать ливийских повстанцев, выступивших с оружием в руках против режима М. Каддафи, не могло осуществиться без предварительной подготовки общественного мнения этих стран. Необходимо было в условиях существовавшей расстановки сил на международной арене провести определенную информационную обработку населения, прежде всего собственных стран, которая имела целью обеспечить политическое прикрытие и относительно приемлемый с точки зрения международного права статус стран, планирующих, а затем и ведущих войну оправданную и справедливую [4, 82-83].

Все дипломатические усилия, все приемы и способы в этом направлении не строились по шаблону, а определялись конкретными геополитическими условиями и боевой обстановкой. Поэтому как особенности информационного воздействия на общественное мнение, так и в целом информационное обеспечение военно-политического и военного вмешательства во внутренние дела Ливии в 2011 г., на наш взгляд, следует исследовать, опираясь на хронику событий в этой стране, без знакомства с которыми вряд ли можно определить роль и значение инфор-

мационной составляющей в действиях союзников по НАТО против режима Каддафи.

Исходя из этого, мы решили дать сначала картину в целом войны в Ливии, остановившись прежде всего на особенностях информационного обеспечения военных действий союзников в этой стране.

19 марта 2011 г. началась в соответствии с резолюцией 1973, принятой Советом Безопасности ООН, воздушная операция, имевшая целью установить бесполетную зону над Ливией в качестве меры обеспечения безопасности мирного населения. Такое решение было продиктовано опасением, что войска лидера ливийской Джамахирии М. Каддафи в кратчайшие сроки жестко подавят выступления вооруженной оппозиции в г. Бенгази. В те дни западные СМИ писали, что в этом городе гибнут тысячи людей. Даже называлась цифра: 6 тысяч человек. Хотя на самом деле, как позднее отмечали правозащитные организации, погибло в ходе противостояния вооруженных повстанцев и правительственных войск примерно 250 человек с обеих сторон [6].

В этот период в Европе, да и в мире в целом, резко возросло количество каналов информации, по которым не просто утверждалась необходимость военного решения ливийской проблемы, но и пропагандировался якобы оправданный и абсолютно справедливый характер такого подхода. Удивительно, но даже те издания, которые раньше выступали с определенной критикой в адрес агрессоров, изменили свой подход, освещая события в Ливии.

Так, например, если раньше влиятельный арабский канал «Аль-Джазира» часто выступал с критикой военной агрессии в Ираке, Афганистане и Палестине, то в отношении к Ливии он превратился в конкретного пособника агрессии, как отмечал в своих разоблачениях Викиликс, в значительной степени под давлением спецслужб США [6].

Обсуждение резолюции в Совете Безопасности проходило в отсутствии представителей Ливии: США просто отказали им в визах. При голосовании этой резолюции

воздержались пять стран, в том числе Россия и Китай. Принятая резолюция получила неоднозначную оценку. Ее называли и неэффективной и «резиновой». В.В. Путин назвал ее неполноценной. «Эта резолюция Совета Безопасности, безусловно, является неполноценной и ущербной, – заявил он в ходе общения с рабочими Воткинского завода. – И вообще, это мне напоминает средневековый призыв к крестовому походу, когда кто-то призывал кого-то идти в определенное место и что-то освободить» [14].

С этой позицией не согласился президент России Д.А. Медведев, заявивший в одном из телеинтервью, что «ни в коем случае недопустимо использовать выражения, которые, по сути, ведут к столкновению цивилизаций, типа «крестовых походов» и так далее. Это неприемлемо...» [3].

Разногласия в оценке резолюции возникли не случайно. Обсуждаемая проблема – действительно сложная, трудная и в правовом и в политическом смысле. В ее основе лежат сомнения относительно практических результатов, к которым могло бы привести принятие этой резолюции, ее проведение в жизнь. Дело в том, что предлагаемая в ней гуманитарная интервенция, связанная с созданием бесполетной зоны над Ливией, могла бы иметь непредсказуемые последствия, так как подобные акции, а их следует относить к гуманитарным интервенциям, в процессе их реализации «осуществляются часто путем «экспорта революций», через обеспечение моральной, чаще – финансовой поддержки из-за рубежа наиболее радикальных форм религиозного, политического и экономического протеста с целью смены политического режима и ослабления государственности [4, 58]».

Избежать подобного развития событий очень трудно, да и вряд ли возможно. Для этого потребовался бы подход, абсолютно свободный от поиска политических и экономических выгод, для этого в идеале были нужны особенно «чистые» руки. На деле же использование резолюции 1973 фактически скомпрометировало подобный «идеальный» подход к понятию «гуманитарной интервен-

ции» и привело к нарушению международно-правовых норм. В самом деле, под прикрытием резолюции СБ в Ливии началась отнюдь не гуманитарная интервенция. Ведь в резолюции СБ не было ни слова о бомбардировках, о снабжении оружием одной из сторон гражданского конфликта и тем более – о возможности использования вооруженных сил НАТО в наземных операциях против суверенного государства. В пункте 4 резолюции 1973 записано, что ее выполнение «исключает возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории» [16]. В резолюции был введен запрет на любые полеты в воздушном пространстве Ливии с целью «защиты гражданского населения» Но с первых же полетов натовской авиации именно гражданское население стало объектом ракетно-бомбовых ударов, а наступления повстанцев повсеместно сопровождалось ковровыми бомбардировками городов, поддерживавших Каддафи. Пункт 13 резолюции вводил жесткое эмбарго на поставку оружия в Ливию, но и этот пункт резолюции не выполнялся: государства НАТО ни на один день не прекращали поставки оружия силам, противостоящим Каддафи.

Допущенное НАТО превышение мандата ООН по Ливии вызвало протесты со стороны России и Китая. Так, в ходе переговоров в Москве 1 июля 2011 г. министров иностранных дел России и Франции российская сторона указала на нарушение Францией резолюции 1973, которое выразилось в передаче повстанцам различного вооружения. Французский министр иностранных дел Ален Жюппе пытался оправдать поставки вооружения отчаянным положением повстанцев и выступил с очень противоречивой трактовкой пункта 4 резолюции Совета Безопасности. Министр иностранных дел России Сергей Лавров считал позицию французского министра абсолютно неприемлемой. Корреспондент газеты «Трибюн де Женев» отмечает в этой связи следующие слова российского министра: «Alain Juppé a répondu à ma question, et sa réponse était que, dans la résolution 1973, il

у a un paragraphe 4 qui permet à n'importe qui de faire n'importe quoi et pour n'importe quelle raison, a ironisé hier Lavrov» [17]. – (В переводе: «Ален Жюппе ответил на мой вопрос, сказав, что в резолюции 1973 имеется пункт 4, который позволяет кому угодно делать что угодно по какой угодно причине, – с иронией отметил вчера С. Лавров»).

Прикрываясь резолюцией 1973 и в то же время грубо ее нарушая, союзники по НАТО фактически предприняли агрессию против суверенного государства, продемонстрировав пренебрежительное отношение к международной законности и решениям ООН. Все происходящее сопровождалось беспрецедентной психологической кампанией в СМИ, основанной на максимальной дезинформации и подлогах. В перипетиях этой информационной войны явственно чувствовалось стремление представить военное вмешательство во внутренние дела Ливии как позитивное действие, как последовательную борьбу за спасение мирного населения от произвола властей, ведущих якобы войну против собственного народа. Например, в самом начале событий в Ливии в СМИ появлялись сообщения о том, что Каддафи якобы приказал бомбить мирные демонстрации своих политических противников. Именно эти сообщения и послужили непосредственным поводом к принятию резолюции 1973. Однако, позднее министр обороны США Гейтс опроверг эту информацию, заявив, что сведения о бомбардировках не подтвердились [11]. Про опровержение Гейтса вскоре благополучно забыли, а ложь о бомбардировках продолжила кочевать из одной публикации в другую, нагнетая обстановку вокруг Ливии.

Постоянно пишут об аресте так называемых денег Каддафи, хотя на самом деле надо вести речь не о личных счетах М. Каддафи, а о фонде суверенного капитала Ливии [5] или, иначе говоря, о ливийском стабилизационном фонде. Однако, западные СМИ по-прежнему продолжают твердить о счетах Каддафи, дезинформируя общественное мнение. Более того, часть этих финансовых средств передали повстанцам.

В нарушение резолюции 1973 командование сил НАТО, поняв, что повстанцы не пользуются серьезной поддержкой ливийцев и не могут самостоятельно удержаться в захваченных ими городах, бросили против Каддафи сначала боевую авиацию, а затем и свои сухопутные войска, которые и стали главной ударной силой антиправительственных формирований. Из сообщений информантов стало известно, что «повстанцы при поддержке авиации НАТО», что «силы НАТО нанесли авиаудары по» и т. п.

Но эти сообщения появились гораздо позднее. Вначале были заявления об отчаянном положении повстанцев, о том, что нужно их защитить, установив бесполетную зону над Ливией. Этот этап сопровождался безудержной кампанией, направленной против Каддафи. Как будет показано в последующем изложении, речь шла о демонизации Каддафи, поддержке повстанцев и оправдании военных действий НАТО, которые почти сразу стали выходить за рамки задачи обеспечения бесполетной зоны.

Как отмечалось в «Независимой газете» [1], подготовку и проведение военной операции в Ливии НАТО осуществляло с февраля 2011 г. Официальными инициаторами ее проведения стали президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, которых решительно поддержал президент США Б. Обама. Если на начальном этапе в ливийской операции НАТО участвовали 7 стран, то уже буквально через неделю их число возросло до 17. Помимо членов НАТО, в коалиции приняли участие и две арабские страны – Катар и ОАЭ, а также Швеция.

Ведущую роль в коалиции играла Франция, ее государственные и общественные деятели. Так, известный современный французский философ Б.А. Леви в роли спецпосланника президента страны сыграл важную роль в организации повстанческого движения в Ливии и в подготовке очень резких выступлений французской прессы, направленных против режима Каддафи. Роль Франции была высоко оценена повстанцами, которые

ещё в марте 2011 г. обещали передать французам в случае своей победы треть всех нефтяных концессий.

Наиболее боеспособным крылом повстанцев стали боевики «Воюющей исламской группы», являющейся ливийским ответвлением «Аль-Каиды». Как отмечает А. Кузнецов, «ради свержения ливийского тирана, а точнее получения доступа к нефтяным богатствам Ливии и создания новых военных баз на севере Африки западные спецслужбы пошли на сотрудничество с людьми, которые еще недавно убивали натовских солдат в Ираке и Афганистане. Впрочем, это не первый опыт взаимодействия спецслужб с «Аль-Каидой». Во время войн в Боснии и в Косово Запад активно использовал боевиков исламистских организаций для борьбы с сербами. События 11 сентября 2001 г. и последующая война в Афганистане показывают, что джихна исламского радикализма легко вызвать в мир, но чрезвычайно трудно заставить вернуться в его заклятый сосуд» [8]. Связь НАТО с ливийскими джихадистами в западной прессе не афишировалась, поскольку подразумевалось, что восстание носит народный характер.

Война с самого начала вышла за рамки задачи обеспечения бесполетной зоны и пошла по пути эскалации. Сначала проводились воздушные налеты на средства ПВО и аэродромы Ливии. Затем, после того, как они были выведены из строя, последовали систематические ракетно-бомбовые удары по боевой технике, транспортным средствам и местам дислокации частей ливийской армии. Позднее в боевых действиях стали использоваться и боевые вертолеты. Когда и этого оказалось недостаточно, в боях на стороне повстанцев начали использовать спецназ Великобритании и Франции, арабских наемников. Со стороны иногда создается впечатление, что в Ливии боевые действия фактически ведут силы НАТО, лишь прикрываясь повстанцами.

В сообщениях западных СМИ было очень много противоречивого. Дезориентирующими были заверения официальных лиц США,

Великобритании и НАТО, что перед войсками не поставлена задача ликвидации самого Каддафи [8]. Однако любопытно отметить, что эти заверения оказывались в прессе буквально в тот самый момент, когда авиация яростно бомбила резиденцию Каддафи, пытаясь таким образом его ликвидировать.

Западные СМИ рисуют картину событий, очень далекую от реальности, беззащитно манипулируя общественным мнением. Тиражируют, например, такую пропагандистскую ложь, как заявление главного прокурора Международного уголовного суда Морено-Окампо о массовых изнасилованиях женщин по указанию Каддафи [3]. Одновременно подчеркивается, что боевые действия сил НАТО носили сугубо гуманитарный характер. Как отметил на заседании Европарламента один из депутатов-консерваторов из Великобритании, Ч. Таннок «операция НАТО не привела ни к одной жертве [7]». Это заявление было сделано в момент, когда жертвой ракетно-бомбовых ударов стало мирное население. «Война против Ливии, – отмечал депутат от Греции, – вылилась в резню. США, НАТО и ЕС несут полную ответственность за гибель мирных граждан в Триполи и в других городах. Целью этой войны является контроль над энергетическими ресурсами страны. Правительства государств НАТО и ЕС пошли на эту империалистическую агрессию, чтобы гарантировать своим монополиям самый большой кусок ливийского нефтяного пирога [10]».

Информационное обеспечение действий союзников по НАТО в Ливии имело разные цели на различных этапах. На первом этапе, в период подготовки военной интервенции шла дипломатическая подготовка планируемого вмешательства. Главная цель – добиться согласия Совета Безопасности ООН на проведение мер вооруженного обеспечения безопасности населения Бенгази и других городов, фактически захваченных повстанцами. Важным элементом этого обеспечения была информационная поддержка в прессе необходимости военного вмешательства. Основные доводы в его пользу сводились к

тому, чтобы всячески дискредитировать легитимные ливийские власти и позиционировать Муамара Каддафи, как тирана, угнетающего свой народ.

На втором этапе, когда начались действия натовской авиации в Ливии, всячески подчеркивалось: военная авиация действует в строгом соответствии с резолюцией 1973 Совета Безопасности. Говорилось о налетах на военные объекты Каддафи, аэродромы, склады оружия, говорилось об использовании военной авиации, чтобы сорвать атаки правительственных войск на позиции повстанцев. Все сообщения о налетах натовской авиации на жилые кварталы городов, о жертвах среди мирного населения ставились под сомнения или объявлялись ложными. В этот период в СМИ было много сообщений об успешных боевых действиях повстанцев. Чаще всего эти сообщения оказывались ложными. Их появление носило сугубо пропагандистский характер и должно было продемонстрировать якобы большой боевой потенциал повстанцев.

Заведомую неправду писали о том, что правительство Каддафи якобы покупало наемников из стран черной Африки. Правдивость этой информации «подтверждалась» кадрами, на которых были запечатлены убитые или взятые в плен повстанцами солдаты ливийской армии – представители чернокожего коренного населения Ливии [6].

И одновременно писали о том, что войска Каддафи теряют боеспособность и поддержку населения. Писали в частности о том, что Триполи пал без сопротивления, «забывая» при этом упомянуть о том, что город упорно сопротивлялся, потеряв в боях убитыми 1300 человек и 900 ранеными [11]. Лишь использование ракетно-бомбовых ударов и сил спецназа НАТО позволило повстанцам захватить город.

Говоря о роли натовской авиации, следует отметить, что именно она оказалась решающей силой, сломившей сопротивление армии Каддафи. Министр обороны США отмечал в этой связи, что в ходе ливийской кампании было совершено 25 тысяч боевых вылетов

и поражено 5 тысяч целей. При этом, силы НАТО, как подчеркнул министр, «понесли ноль потерь и минимальный материальный ущерб» [2].

О том, какие цели были поражены, министр не сообщает, хотя и без этого легко можно представить масштаб потерь среди ливийского гражданского населения и военных. По меньшей мере странным в этой связи выглядит заявление для прессы генсека НАТО А. Расмуссена, который подчеркнул, что боевые операции повстанцев позволили «сохранить жизнь многих мирных жителей страны, как это и предписывалось резолюцией ООН [2]». Вот так: в Ливии уничтожают ее жителей в ходе бомбовых и ракетных ударов, а в заказных СМИ сообщают, что полеты натовской авиации спасают «жизнь мирных жителей страны».

Действия сил НАТО в Ливии осудил министр иностранных дел РФ С. Лавров. В своем выступлении на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября 2011 г. он особо подчеркнул, что «действия внешних сил должны выстраиваться на твердом фундаменте уважения международного права, способствовать поиску политических решений между властями и оппозицией. Неприемлемы попытки выходить за рамки мандатов, выданных Советом Безопасности ООН, которые подрывают его авторитет, ведут к умножению страдания простых людей [13]». И в самом деле, мандат, который, согласно резолюции 1973, получил Северо-Атлантический союз, был нарушен. Как отмечал известный российский политик, академик РАН Е.М. Примаков, «авиация НАТО наносила удары по наземным силам Каддафи, по его дворцам и командным пунктам. Попадания были и в невоенные объекты. Росли жертвы среди мирного населения. Фактически началась осуществляться операция по ликвидации существовавшего в Ливии режима [12]».

Падение режима Каддафи с радостью было воспринято на Западе. «Поздравление ливийскому народу» по случаю «избавления от кровавого диктатора» прислали президент США Б. Обама, президент Франции Н. Сар-

кози, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен и многие другие. Во всех этих посланиях говорилось о кровавой войне Каддафи, о его злодеяниях и о радости освобождения от тирании. Вот что написал, например, Н. Саркози: «Исчезновение Муаммара Каддафи – это большой шаг в борьбе, которую последние восемь месяцев вел ливийский народ, стремившийся избавиться от диктатуры и насилия, навязанных ему на более чем 40 лет [10]».

Нынешняя кампания дезинформации в западных СМИ пытается заставить забыть о главных делах убитого Каддафи: «свержение марионеточной монархии, навязанной англо-саксами, удаление иностранных войск из страны, национализации нефтегазовой промышленности, крупнейшем в мире ирригационном проекте – строительстве «Рукотворной реки», перераспределении нефтяной ренты (он сделал беднейшее в мире население самым богатым в Африке), щедром гостеприимстве для палестинских беженцев и беспрецедентной помощи, направлявшейся Муаммаром Каддафи на развитие стран третьего мира (ливийская помощь в деле развития превосходила помощь всех стран G20 вместе взятых)...» [17].

Все эти факты сегодня всячески пытаются предать забвению. Дело дошло до того, что тело покойного ливийского лидера было похоронено в секретном месте, чтобы не допустить паломничества и поклонения. Видимо, не очень верят нынешние ливийские власти и их покровители из НАТО в непопулярность Каддафи среди народа Ливии.

В заключение отметим, что ливийская кампания натовской коалиции привела к слому государственной машины, существовавшей при Каддафи. По некоторым данным, в ходе боев погибло 25 тысяч ливийцев, понесли увечья 50 тысяч человек, овдовели десятки тысяч ливийских женщин [15].

В западных СМИ эти данные стараются не замечать и не обсуждать. В прессе освещение событий в Ливии преследовало и продолжа-

ет преследовать цель определенным образом воздействовать на общественное мнение своих стран, показать, пусть ценой натяжек и дезинформации, якобы благородные, бескорыстные цели военного вмешательства во внутренние дела Ливии, скрыть от общественности преступления против ливийского народа (бомбардировки жилых кварталов, массовые расстрелы людей и т. д.), и одновременно вбить в сознание людей: *Kaddafi massacrait le peuple* (в переводе: Каддафи уничтожал народ).

Вся эта пропаганда, на наш взгляд, позволила участникам коалиции добиться главного: общественное мнение по сути дела безучастно отнеслось к военным акциям в Ливии и, если и не всегда их оправдывало, то и не выступало открыто против, фактически развязав руки сторонникам военного решения ливийской проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блинов А. Арабская весна и доктрина Обамы // Независимая газета. 2011. 5 сент.
2. Блинов А. НАТО провело войну без потерь // Независимая газета. 2011. 10 окт.
3. Брутенц К. Гуманитарные налеты // Литературная газета. 2011. 27 июля.
4. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: Вече, 2011. 58 с., 82-83 с.
5. Деньги на мир или на войну? // Эксперт. 2011. № 35.
6. Джамахирия продолжает сражаться против агрессоров // Завтра. 2011. № 42.
7. Драбкин А. Ливийский рычаг // Правда. 2011. 16 сент.
8. Примаков Е.М. Балканы и современный мир // Независимая газета. 2011. 24 окт.
9. Кузнецов А. То ли революция, то ли джихад // Независимая газета. 2011. 9 сент.
10. Мейсан Тьерри. Ложь и суд Линга // Завтра. 2011. 27 окт. 17.
11. Нагорный А., Коньков Н. Реквием по Муаммару // Завтра. 2011. 29 окт.
12. Овчинский В. Теперь им все дозволено // Завтра. 2011. № 35.
13. С.В. Лавров. Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября 2011 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/c09DAE5CD94E1381C32579180057F4FF (дата обращения 30.09.2011).

14. Цит. по: Советская Россия. 2011. 8 сент., № 100. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2011/sc10200.doc.htm#Resolution> (дата обращения: 10.10.2011).
15. Шевченко М. Почему погиб Каддафи? // Завтра. 2011. 23 окт.
16. The full text of resolution 1973 (2011) сайт. 17. Tribune de Genève, 2011. 11 juillet.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 947

Кричевский Б.В.

*Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПРОЦЕССЕ ВОЗВЕДЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО МИТРОПОЛИТА НИКОНА НА ПАТРИАРШУЮ КАФЕДРУ

B. Krichevsky

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

POLITICAL STRUGGLE DURING NOVGOROD METROPOLITAN NIKON'S PATRIARCHAL ENTHRONEMENT

Аннотация. В статье на основе сравнительного анализа свидетельств очевидцев процесса возведения новгородского митрополита на патриаршую кафедру делается вывод о том, что выдвижение его кандидатуры осуществлялось узким кругом лиц во главе с царем Алексеем Михайловичем, и она не являлась безальтернативной. В статье также определяется отношение различных представителей властной элиты к личности нового главы русской церкви.

Ключевые слова: патриаршая кафедра, церковное обновление, власть, государь, политическая борьба.

Abstract. Analysing the testimony of witnesses of the Novgorod metropolitan's patriarchal enthronement, the author of the paper comes to the conclusion that his nomination was carried out by the inner circle headed by Tsar Aleksey Mikhailovich, and it had alternatives. The attitude of different representatives of the ruling elite to the personality of the new head of the Russian Church is also defined in the article.

Key words: patriarchal pulpit, church renewal, power, monarch, political struggle.

Для осмысления деятельности Никона в качестве главы церкви немалое значение имеет прояснение вопроса об обстоятельствах его возведения и поставления на патриаршую кафедру летом 1652 г. В связи с тем, что данный процесс осуществлялся во многом через неформальные личные договоренности, которые не могли быть письменно зафиксированы, его реконструкция возможна на основе привлечения более поздних свидетельств очевидцев. Тем не менее, при анализе подобного типа источников необходимо учитывать, что в них возможны определенные допущения, связанные с их оценкой составителем минувшего

через призму его последующего опыта. Исходя из знания тех последствий, к которым привели воссоздаваемые события, свидетель неизбежно подвергал их значительному переосмыслению. Кроме того, если автор текста являлся непосредственным участником излагаемых обстоятельств, то существует опасность преувеличения им собственной роли и наделения себя неординарными личными качествами.

Сам Никон только в 1660-х гг., находясь в добровольном заточении в Воскресенском монастыре, позволил себе письменно изложить собственную версию своего представления на кафедру. Наиболее полно она содержится в разосланных 1666 г. посланиях к Вселенским патриархам. Оказавшись перед реальной угрозой не только окончательного смещения с кафедры, но и отлучения от церкви, Никон тайно разослал их, стремясь получить от греческих иерархов понимание и защиту. Однако в Малороссии эти письма сумели перехватить, и они легли на стол царю Алексею Михайловичу [2, 267-270].

В послании, в частности адресованном Константинопольскому патриарху Дионисию, Никон, аргументируя свой отказ от кафедры в 1658 г., подробно описывает, при каких именно условиях он на эту кафедру взошел. Никон утверждал, что, когда узнал о своем выдвижении, первым его желанием было отказаться от подобной высокой чести: «И сего ради аз не восхотех в собор итить, и призваша нас царское величество и ево царский синклит, бояря и освященный собор, не единожды или дважды, но и многожды, и не восхотехом итить». Но все же бояре и митрополиты настояли на своем желании и вынудили Никона принять приглашение и прийти на Собор.

Дальше в послании Никон пишет следующее: «И благочестивейший царь со всем народом молиша нас много, яко да будем патриархом Московским и всеа Руси». И только когда государь «... прислонися к земли и, припадаше со всем народом...» Никон перед собравшимися огласил условие, лишь при соблюдении которого он даст согласие

рукоположиться на патриаршество: «А еще обещаете ся неложно и нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго, елико вам возвещать буду, о догматах Божиих и о правилах, и сего ради, по желанию и по прошению вашему, не могу отрекаться от великаго архиерейства». И царь Алексей Михайлович, и бояре, так как их стремление видеть новгородского митрополита главой русской церкви было очень велико, торжественно дали просимую клятву [3, 511-513].

Фактически Никон потребовал признать за собой право стать для всех беспрекословным моральным авторитетом. Формально это было обоснованно, так как патриарх должен являться наиболее сведущим в понимании и соблюдении Божьих законов. Однако в ситуации существующих в России XVII в. значительных правовых лакун это также означало и приобретение дополнительных властных рычагов. Слово поддержки или неодобрения от патриарха при определенных обстоятельствах могло оказать влияние и на назначение тех или иных людей на значимые должности, и даже на определение приоритетных направлений государственной политики.

Но все же подобное свидетельство Никона об обстоятельствах возведения на кафедру не может быть достаточно надежным, так как главной задачей автора данных посланий было доказать восточным иерархам обоснованность своего отказа от патриаршества. В текстах он объяснял свое решение грубым нарушением государем данной им прилюдно клятвы: «...нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго...». Кроме того, очевидно, Никон не беспокоился быть уличенным в искажении описываемых событий, так как не предполагал, что составленные им для восточных патриархов послания попадут в руки их непосредственных участников.

Еще до появления посланий восточным патриархам Никон описывал собственное поставление в специально составленных возражениях на ответы митрополита Паисия Лигарида боярину Стрешневу, где его

самовольный уход с кафедры оценивался как каноническое преступление. Это сочинение было обращено к государю и к его окружению, и поэтому предложенный в нем рассказ об обстоятельствах восшествия на кафедру по отношению к версии, содержащейся в письмах к восточным патриархам, оказался более сдержанным.

В нем Никон особо подчеркивал, что: «Мы же ни своею волею на престол патриаршеский издохом, но общим советом царьского величества и всем священным собором избран, ни в слове ласкания, ни мздою даяния...» [9, 205]. Тем самым, и на этом для иерарха было важно заострить внимание, его избрание на патриаршую кафедру являлось абсолютно законным и с его стороны не следовало никаких корыстных целей.

Далее, через много листов, он описывает уже конкретные обстоятельства своего поставления: «...егда молил царь новгородского Никона митрополита со освященным собором на патриаршество, и Никон много отрицался такова великаго бремене». Но потом все же он уступил, но при следующем условии: «Егда изволит Бог Никону митрополиту на патриаршестве и Никон митрополит, усмотря во царе и великом князе порок, который противен Евангелским святым заповедям, или противно что святым апостолским и отеческим правилом, и ему, Никону, по писанному во псалмех, не стыдяся, говорити перед цари о заповедех Господних и святых апостол и святых отец и перед бояры. А ему государю царю и ево государевым бояром слушати во всем. И он, государь, и ево государевы бояря все обещались...» [9, 447].

При видимом сходстве этого текста с посланиями восточным патриархам требования, выдвинутые Никоном, при которых он согласится на поставление, выглядят гораздо скромнее. В «Возражении...» говорится не о «послушати во всем, яко начальника и пастыря», а всего лишь о том, что «не стыдяся, говорити перед цари о заповедех Господних». То есть Никон только требовал возможности открыто выражать свое мнение по вопросам соблюдения православных канонов.

Явно под влиянием версии Никона, изложенной им в «Возражении...», описывал поставление и его биограф Иван Шушерин: «Зря же Благочестивый Царь, яко в та времена никтоже ему в разуме и во утверждении благочестия бе равен, посовествовавшись со всем освященным собором, аще Преосвященному Митрополиту Никону и весьма нехотящу и всячески отрицающуся, и разнообразными винами отбывающу, понудища его престол Патриаршеский прияти.. [13, 29].

В связи с рассмотрением приведенного в сочинениях Никона сюжета процитируем отрывок из воспоминаний о России Павла Алеппского, который в 1655–1656 гг. сопровождал патриарха Антиохийского Макария в его поездке в Москву. Он звучит так: «Случилась кончина патриарха Иосифа, и все согласились на том, чтобы сделать патриархом Никона. Он долго отказывался, пока не было поставлено, что царь отнюдь не будет заниматься делами церкви и духовенства, ибо предшествующие цари этим занимались. Когда состоялось соглашение касательно этого, Никон издал царский указ о том, что его слово будет решающее, и никто не вправе ему противиться» [10, 47].

В данном тексте говорится о том же событии, о котором сообщал Никон в «Возражении...» и в посланиях к патриархам, но описано оно совсем иначе. Если, по версии Никона, его требование выглядело как внезапно снизошедшее откровение в тот момент, когда на Соборе молили его принять патриаршество, то, по Павлу Алеппскому, здесь имело место заранее продуманное соглашение между церковной и светской властью: государь занимается светскими делами, а патриарх – церковными. Причем, по сведениям греческого гостя, это соглашение было даже где-то письменно зафиксировано.

Свидетельство Павла Алеппского может быть дополнено фрагментом из донесения шведского посланника И. де'Родеса от 20 октября 1652 г.: «Новый патриарх, которому царь оказал столь высокую честь, был, несмотря на это, очень деликатен и сделал вид, будто не желает принять этот сан. Пос-

ле долгих уговоров он, наконец, согласился, но с тем условием, чтобы царь дал ему клятвенное обещание повиноваться ему в духовных делах и чтобы он имел такую же власть и такой же авторитет, как и дед его царского величества – Филарет Никитич. Все это ему было обещано» [6, 318-319].

И. де Родес недвусмысленно указывает, что, отказываясь идти на патриаршество, Никон добивался вполне определенных целей. Кроме того, из донесения шведского посланника видно, что уже накануне избрания Никон хотел в дальнейшем получить не меньшие властные возможности, чем имел Филарет во время пребывания на кафедре. Тем самым сделать этот период усиления роли института патриаршества в государстве не исключением, связанным с родственными отношениями главы церкви с государем, а правилом.

Документ, указываемый Павлом Алеппским и И. де Родесом, в котором была зафиксирована договоренность между государем и Никоном, нам неизвестен, более того, факт его существования не отразился и во вторичных источниках. В 1659 г. Никон, уже находясь в Воскресенском монастыре, в одном из посланий предупреждал государя, что якобы у него имеются «письма в них же много таинство» [2, 493]. Но в конечном итоге патриарх ограничился лишь угрозами. Не представил и не упомянул иерарх о существующих или существовавших документах, подтверждающих его особый статус, даже во время судебного процесса, в котором он фигурировал в качестве обвиняемого.

Вполне вероятно, источником сведений о наличии подобного письменного договора, отразившихся в воспоминаниях современников, являлся сам Никон. Так, дьякон Благовещенского собора Федор Иванов также показывал, что будто бы царь Алексей Михайлович обещал во всем слушаться патриарха, и про то «запись даде своею рукой» [7, 84-85]. Но никто из перечисленных авторов подобных сообщений не только сам не видел упоминаемый в них документ, но и не присутствовал на церемонии поставления Ни-

кона в патриархи. Представленные наблюдения говорят в пользу того, что письменный «Указ» государя о новом порядке разграничения светской и церковной власти отсутствовал, а была лишь устная, личная договоренность.

Таким образом, источники показывают, что возведение Никона на кафедру было обусловлено собственной волей царя Алексея Михайловича, а также результатом предварительных договоренностей между ним и предполагаемым главой русской церковью. Источники также обнаруживают явное желание Никона, несмотря на его публично высказанные сомнения, занять патриаршую кафедру.

Теперь проанализируем, являлся ли Никон единственным кандидатом на патриаршую кафедру, и как расценивали поставление новгородского митрополита его ближайшие соратники, входящие так же, как и он, в окружение государя и его духовника Стефана Вонифатьева.

В конце 1653 г., когда патриарх начал первые гонения на несогласных с его политикой, один из ярких деятелей оппозиции к официальной церкви, бывший друг Никона протопоп Иван Неронов, составил специально для царя Алексея Михайловича весьма любопытное и оригинальное для своего времени сочинение. В нем приводилась беседа автора с патриархом, в ходе которой определялись основные различия во взглядах этих двух священнослужителей. Однако в тексте автор, что вполне понятно, отводит большее место собственным полемическим речам. Никон же в тексте в основном не особо удачными репликами лишь скрепляет обвинительные монологи бескомпромиссного протопопа. Если такой разговор произошел в реальности, то в задачу Неронова явно не входило понять смысл действий патриарха. Он стремился лишь публично выразить свое несогласие.

Стоит обратить внимание на один весьма красноречивый отрывок из этого сочинения, проясняющего много важных вопросов и поэтому так часто цитируемого исследова-

телями. В данном случае он интересен в связи с выявлением отношения Неронова и его сподвижников к выдвижению Никона в патриархи: «Прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приежал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был выгумнах, и в архимаритех, и в митрополитех... ты з государевым духовником протопопом Стефаном тогда был в советех, и не прекословил нигде... И протопоп Стефан за что тебе враг стал? - везде ты ево поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопопов и попов з женами и з детьми разлучаешь! Доселе ты друг наш был, – на нас восстал. А коих ты разорил, и на их место построил иных...» [8, 47].

Во всем этом тексте явственно сквозит обида на непонятное, ничем не обоснованное охлаждение Никона к старым друзьям. Став патриархом, он неожиданно возгордился и не только перестал прислушиваться к их советам, но и начал против них репрессии.

Таким образом, Никон, придя к высшей церковной власти, отдалился от своего прежнего окружения. Это как раз послужило не меньшим толчком к возникновению церковной оппозиции, чем несогласие с сутью проводимых патриархом церковных преобразований

Еще жестче о Никоне как о человеке, который не оправдал возложенную на него миссию, пишет в своем житии (редакция В) протопоп Аввакум. Этот литературно-исторический памятник создавался в первой половине 70-х гг. XVII в., когда уже никакой надежды на примирение оппозиции с официальной церковью не было, и автор уже мог себе позволить не стесняться в выражениях: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловков мощи Филиппа митрополита. А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу з братиею – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом Корнилем казанским написал челобитную за руками, подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же

не восхотел сам и указал на Никона митрополита... Егда бысть патриархом, так нас и в крестовую нестал пускать!» [12, 167-168].

В этом отрывке, кроме горечи воспоминаний о своих надеждах, которые не сбылись исключительно по вине «друга нашего», обнаруживается целый ряд уникальных известий, касающихся поставления Никона на патриаршество. Так, выясняется, что группа иерархов, к которой принадлежал и протопоп Аввакум, послала к царю и царице через такого высокопоставленного иерарха, как митрополит Казанский Корнилий, просьбу возвести на патриаршество государева духовника Стефана Вонифатьева, который собственно, по справедливому утверждению многих исследователей, являлся главным вдохновителем будущих церковных преобразований [5, 105-168; 1, 14-35; 11, 32-37].

Но тут возникает другой вопрос, – в связи с чем Стефан Вонифатьев, сумевший сосредоточить в своих руках немалую власть, вместо того чтобы упрочить ее и легализовать, добровольно отдает ее другому, пусть даже единомышленнику. При этом очевидный аргумент, что Стефан принадлежал к белому духовенству и потому не мог быть поставлен в патриархи, не является достаточно убедительным. Известно немало случаев, когда для достижения конкретной политической цели церковные каноны умело обходились. Также сомнительно и то, что царский духовник недооценил амбиции Никона. Зная о властном характере новгородского митрополита, сомнительно, что Стефан Вонифатьев предполагал в дальнейшем влиять через него на церковную жизнь. Если советы царского духовника встречали сопротивление у дряхлеющего Иосифа, то руководить полным сил и собственных планов Никоном было просто нереально.

Конечно, Никон был ближе к устремлениям Стефана Вонифатьева, чем предыдущий патриарх. Более того, очевидно, что сам царский духовник и оказал большое влияние на формирование представлений Никона о смысле и правилах пасторского служения. В то же время Стефан как человек, долгое

время находящийся при царском дворе, в отличие еще достаточно неопытного Аввакума, не мог не знать, насколько сильно меняет личность приобретение ею властных полномочий. Следовательно, выдвижение новгородского митрополита было большим риском и для него самого, и для начатых им церковных преобразований. Тем не менее Стефан Вонифатьев снимает свою кандидатуру в пользу Никона.

Исходя из перечисленных обстоятельств, можно сделать вывод, что поступок царского духовника являлся вынужденным и для него единственно возможным, так как решение выдвинуть в патриархи своего любимца, новгородского митрополита у царя Алексея Михайловича уже окончательно оформилось. Стефану Вонифатьеву оставалось либо одобрить данное решение и остаться при дворе, либо навлечь на себя недовольство государя и сделать Никона своим врагом.

В связи с вышеизложенными соображениями становится понятной фраза из письма Аввакума Ивану Неронову, составленного 19 сентября 1653г. уже во время начавшихся гонений на бывших членов общества Стефана Вонифатьева: «А про Стефана сказать не знаю что, – всяко ослабел» [8, 25]. Здесь, конечно, имеется в виду не только физическое недомогание протопопа Стефана, а прежде всего ослабление его влияния на царя, что уже стало очевидным для его ближайших сподвижников и вызвало у них недоумение и растерянность. Но потеря власти духовником царя началась еще в начале 1652 г., как уже указывалось ранее, и его отказ от патриаршества является тому доказательством.

Таким образом, выдвижение и поставление Никона на кафедру решалось и осуществлялось царем Алексеем Михайловичем и узким кругом лиц, в основном входивших в общество, организованное Стефаном Вонифатьевым. У нас нет сведений, что бояре или

иерархи принимали участие в выдвижении и каким-то образом были привлечены к процессу выбора будущего патриарха. Возможно, они просто не предполагали, насколько значимой станет его фигура не только в церковных, но и в государственных делах. Поэтому никакого даже тайного сопротивления кандидатура новгородского митрополита не встретила.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. 2-е изд. СПб., 1900. 320 с.
2. Гиббинет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. 1124 с.
3. Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 2. 540 с.
4. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. 524 с.
5. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. 2-е изд. Сергиев Посад, 1913. 175 с.
6. Кордт В.А. Донесение И. де'Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге графу Густаву Карлссону Горну 20 октября 1652 г. // Юбилейный сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев, 1914. С. 317-325.
7. Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995. 365 с.
8. Материалы для истории церковного раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. 431 с.
9. Патриарх Никон. Труды. М., 2004. 1260 с.
10. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, написанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1898. Кн. 3. От. 3. 175 с.
11. Румянцева В.С. Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986. 262 с.
12. Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39. 959 с.
13. Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и житии Святейшего Никона патриарха Московского и всея Руси. 2-е изд. М., 1908. 119 с.

УДК 2-79

Балдин П.П.

Московский государственный областной университет

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ШТУНДИЗМА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

P. Baldin

Moscow State Regional University

THE REASONS OF EMERGING SHTUNDIZM IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрены причины, повлиявшие на возникновение в Российской империи секты штундистов. Эти причины были разнообразными. Здесь присутствовали проблемы религиозной жизни народа и внутрицерковные неурядицы. В то же время прослеживается значительное влияние немецких поселенцев и иностранных проповедников на становление нового учения.

Учение штундистов имеет не только духовный характер, но зачастую несет и политико-экономические идеи, которые пользовались популярностью у населения.

Ключевые слова: конфессии, православная церковь, секта, прозелитизм, социализм.

Abstract. The article considers the reasons that influenced the emergence of the Shtundist sect in the Russian Empire. Among them were the problems of national religious life and internal church confusions. At the same time a significant influence of German settlers and foreign preachers is observed on the formation of the new doctrine. The Shtundist preaching was not purely spiritual, but often contained political and economic ideas that were popular among the population.

Key words: confessions, the Orthodox Church, sect, proselytism, socialism.

Во второй половине XIX в. в Российской империи складывается достаточно сложная ситуация в религиозном плане. Наравне с господствующим православием и рядом других признанных конфессий было большое количество различных сектантских движений. Подавляющая часть населения должна была с первых дней жизни законодательно принадлежать православному исповеданию, хотя в то же время существовали различные секты. Увеличивалось как количество направлений религиозного разномыслия, так и расширялся круг вовлекаемого в них православного населения.

Во второй половине XIX в. появляется и достаточно быстро набирает обороты в среде русского населения движение, носящее название штундизм. Возникает вопрос: какие факторы способствовали развитию этого явления, и почему православное население пополнило ряды этой секты?

Первые публикации по штундизму появляются в конце 60-х гг. XIX в. (зарождение секты в среде русского населения ориентировочно датируется 1864 г. [7,61]); с развитием движения интерес к нему возрастает и появляется большое количество печатных работ. Это были в большей части работы православных церковных авторов, которых интересовало противодействие секте, а также привлечение внимания общества и государства к проблеме. В трудах рассматривались особенности проведения миссионерских бесед, разбирались вероучение сектантов и давались практические указания для противосектантской работы. Множество работ давало обрывочные сведения о секте. Были попытки всестороннего рассмотрения данного явления, но даже священник Арсений Рождественский, яркий исследователь штун-

дизма, признавал, что сделать это невозможно из-за недостатка материала [8, 281]. Такие же проблемы возникали и у многих других дореволюционных исследователей. Часто из-за сложности выявления штундизма как целостного явления авторы рассматривали характерные черты сектантов в какой-то отдельной местности. В советское время, в силу идеологических причин, проблема не привлекала пристального внимания ученых. Современные исследователи в большинстве случаев не рассматривают секту как отдельное явление, и зачастую указывают на существование штундизма в виде предварительной стадии баптизма в России [6, 32].

На причины возникновения штундизма обращали внимание как дореволюционные, так и современные авторы, но эти сведения были либо фрагментарными, либо носили однобокий характер. В данной статье сделана попытка комплексного рассмотрения проблемы, для этого привлечены сведения из ранее опубликованной литературы и периодической печати, а также использованы материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Исследуя истоки штундизма в Российской империи, стоит обратить внимание на происхождение самого названия секты. Слово имеет немецкие корни («die Stunde» – час), так как местность, где начался русский путь штундизма, была широко заселена немцами-колонистами.

Заселение юга России иностранцами началось при императрице Елизавете и активно продолжалось в правление Екатерины II. Ко второй половине XIX в., благодаря успешной хозяйственной деятельности, немецкие колонисты располагали значительными земельными владениями.

Показательны сведения из Таврической губернии, к 1888 г. в Мариупольском уезде всей земли числилось 650 тысяч десятин, и из них 500 тысяч находилось в руках немцев [8, 41-42]. Поэтому поселенцы оказывали большое влияние на местных жителей.

Стоит обратить внимание, что практически все немецкое население исповедова-

ло отличную от православия веру, а в числе еще первых переселенцев присутствовали и сектанты. На это обращает внимание крупный исследователь штундизма дореволюционной эпохи Арсений Рождественский [8, 42]. К рассматриваемому периоду у немцев начинается новый виток религиозного искания, а исследователи баптизма называют это явление «евангельским пробуждением» [4, 325].

Новые духовные веяния начали распространяться и среди русских крестьян (зачастую приезжих из разных уголков государства), которые нанимались для работы у зажиточных колонистов. Своих работников немцы приглашали на молитвенные собрания, где специально вели проповедь на русском языке. В результате значительная часть посещавших «библейские часы» принимала новую веру и стали называться штундистами. Возвращаясь с заработков, крестьяне приносили новую веру к себе домой, где так же пытались устраивать молитвенные собрания [5, 88-89].

Немецкое влияние не было бы столь успешным, если бы не учитывало проблемы, которые накопились в религиозной жизни православных. Заключались они в религиозном невежестве, а зачастую и в недоверии к духовенству. Недоверие к духовенству обуславливалось наличием факторов, которые отталкивали простых людей. Иногда в нравственном плане духовенство не отличалось в лучшую сторону от своих прихожан. Епископы, при всем своем стремлении к духовному совершенствованию пастырей, не всегда могли перебороть пороки в среде духовенства. Обратясь к материалам Департамента Полиции третьего делопроизводства, можно указать на следующие факты из жизни духовенства: у некоторых священников есть любовницы, и крестьян это не удивляет, но более того, указан случай, когда судом одного священника признали виновным в отравлении мужа своей любовницы, а другой руководил жестокой пыткой человека, заподозренного в конокрадстве (ему поджа-

ривали ноги и забивали иголки под ногти)¹. Конечно, о повсеместном распространении таких случаев говорить сложно, но даже если они были единичными, то оказывали большое влияние на падение авторитета церкви в глазах простых и необразованных прихожан.

В то же время иногда священники, в силу своей малоопытности и неподготовленности, не могли противостоять новым религиозным течениям, а церковное начальство не всегда тщательно подходило к подбору пастыря в определенный приход. Вот воспоминания молодого священника, которого послали на приход, где имелись сектанты: «...это был единственный в епархии приход, зараженный штундой. Бывшие в ссылке четыре вожака только что вернулись в свои дома и снова начали ревностную пропаганду. Мое же знакомство со штундой ограничилось сведениями семинарского учебника. Казалось бы, отправляющегося на столь ответственную миссию молодого и малоопытного священника следовало вызвать в епархиальный город, где кроме архиерея, был и специалист-миссионер, ориентировать его в положение дела, дать указания относительно способов борьбы и литературы, даже снабдить его литературой и т. д. Меня никуда не вызывали, никаких указаний мне не давали и после за все время моего трехлетнего пребывания в этом приходе ни разу не поинтересовались узнать: как же обстоит дело со штундой? А ведь из этого прихода штунда могла распространиться на всю епархию» [10, 217].

На неудачный подбор священников и миссионеров указывают не только церковные авторы, но и светские чиновники. Начальник Жандармского управления Рогачевского и Гомельского уездов в 1887 г. сообщает, что в Гомельском уезде есть секта штундистов, и секту можно искоренить с помощью активной деятельности духовенства, но присланный священник живет в 60 верстах от штундистов и появляется для бесед

очень редко (т. к. не может найти для себя выгодной квартиры непосредственно в месте обитания штундистов). Чиновник делает предположение, что если была бы церковь и священник постоянно проживал и беседовал с сектантами, то свое существование штундизм прекратил².

На развитие штундизма также повлияли и другие факторы, на которые указывали русские исследователи. В сжатом виде они упоминаются и в иностранной брошюре, копия которой агентурным путем попала в Департамент Полиции: «...на первом месте стоит конечно издание Нового Завета, на русском языке, Святейшим Синодом, на втором – народные школы, а за этим, удобство сообщений по железным дорогам, отмена крепостного права, газеты, всеобщее распространение новых понятий свободы и самостоятельности и многое другое. Но это только общия условия и они сами по себе, еще бы не вызвали штундизма, если бы специальные причины не дали форму, имевшемуся материалу, известное направление и дальнейшую духовную пищу существующему направлению. .... немецкий пастор Бонекаппер, из колонии Рорбах, вблизи Одессы много содействовал основанию штундизма, и название движения, скорее целой совокупности движений происходит от членов собраний в Рорбахе, так называемых пиетистов. Но рядом с пастором Бонекаппером, другие три человека, поработали гораздо интенсивнее, продолжительнее и всесторонне над евангелизацией России»³. Даже сторонники сектантов признавали, что проповедническая деятельность была очень значимой.

Доводы, которые использовались в пропаганде, были разнообразны и зачастую опирались на авторитет царской семьи в простом народе, говорили, что члены царской фамилии обратились в штундизм⁴.

Но не только иностранные проповедники трудились над распространением штундистского учения. Русские последователи

¹ Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф.102. Оп. 83. Д.9.ч.45. Л. 17 об. 18.

² ГАРФ. Ф.102. Оп. 83. Д. 9 ч.8. Л. 65 об. – 66.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д.12 ч.5. Л. 54 об. -55.

⁴ ГАРФ. Ф.102. Оп.82. Д. 231. Л. 3 об.

секты также привлекали на свою сторону православных. Архиепископ Херсонский и Одесский Никанор на примере поселка Маловодяной иллюстрирует, как за 9 лет одно семейство штундистов смогло склонить на свою сторону 118 жителей этого поселка [2, 31].

При проведении пропаганды использовались различные методы, здесь широко раздавалась литература, а иногда раздавались и деньги на приобретение книг духовного характера [1, 424]. Вопрос появления этих средств у простых проповедников интересовал современников. Зачастую подозрение падало на немцев, которые обеспечивали не только материальную поддержку, но и защиту своих русских последователей.

Кроме причин, лежащих на поверхности, в одной из первых газетных публикаций о штундизме поднимается вопрос политического характера. Александр Значко-Яворский в 1868 г. обращает внимание, что в штундизме есть привлекательные явления социально-политического характера: «Коммунизм есть та удочка, на которую штундовые удят неофитов. Вот тот ряд выводов, по коим штундовые объясняют коммунизм. Иисус Христос, говорят они, пострадал за весь род человеческий; следовательно, и любовь его ко всем людям равна; если любовь Христа ко всем людям одинакова, то и блага мира сего должны быть ими разделены между людьми тоже поровну; а как состояние и земля суть блага мира сего, то следовательно, как первое, так и вторая должны быть разделены поровну между всеми живущими людьми» [3]. В продолжении статьи автор свое предположение о данном явлении ставит во главу угла: «Коммунизм есть тот магнит, который притягивает к ним новых последователей и удерживает старых; отымите коммунистические идеи, и штундовая секта сама собой распадется» [3]. Надо отдать должное, что Значко-Яворский – первый, кто сделал предположение, подтвердившееся спустя годы, когда штундизм был признан опасным законодательно. Свою статью он заканчивает словами: «Вообще, на мой взгляд штундовая

секта имеет более политико-экономическое, чем религиозное значение» [3]. Это только первое предположение. Идея находит свое подтверждение в несколько другом ключе и у других авторов.

В подтверждение политической подоплеки стоит обратить внимание и на деньги, которые использовали проповедники в своей деятельности, здесь некоторым дореволюционным писателям виделся явный немецкий след. Один из исследователей, который пожелал обозначить себя как С.П., так видел эту проблему: «Ведь факт, не подлежащий ни малейшему сомнению, что вожаки штунды стоят в самой тесной связи с немцами юго-западного края, что немцы дают громадные деньги на пропаганду штунды в видах онемечения Новороссии, что штундизм не прочь объединиться с русскими социалистами» [9, 41]. Автор видит большую опасность, исходящую из штунды, и даже предполагает, что немцы не только дают деньги на развитие секты, но и обеспечивают защиту: «Рябшапка говорит миссионеру Белову: «если будут притеснять нас, так и другие державы (за братьев) вступятся»» [9, 32]. Дается объяснение, какие цели преследуют этими действиями немцы: «В 1889 году южнорусская печать сообщает о существовании среди штундистов целой теории будущего гражданского устройства Новороссии, при чем теория эта отождествляет пропаганду штунды с пропагандой немецкого социализма» [9, 31].

Деятельность секты действительно привлекает к себе сторонников социализма, которые призывают в своих подпольных брошюрах всячески использовать сектантскую веру в качестве основы для социализма, который бы был принят народом не только как теоретическая база, но и как религиозная вера. Об этом сообщает попавшая в руки помощника начальника Херсонского губернского Жандармского управления в Елизаветградском уезде брошюра «Значение евангелизма в деле устройства новой жизни»: «Штунда прививается преимущественно пока только в Малороссии. Если это движение и дальше будет идти с таким же успехом,

как шло до сих пор, а в этом нет оснований сомневаться, – то с полной уверенностью можно сказать, что вся Малороссия будет обращена в штунду. А это обстоятельство необходимо повлечет за собою религиозную самостоятельность, и, как необходимое ее следствие, политико-социальную самостоятельность Украины»¹. В этом документе есть указания, что штундой руководят немцы, но надо брать руководство социалистам.

Полицию в дальнейшем будет в большей степени беспокоить не религиозная направленность данного течения, а в первую очередь его противоправительственное влияние.

Рассмотрение основных причин возникновения и распространения штундистского движения позволяет понять, что на данное явление повлиял целый ряд факторов, которые в отдельности не смогли бы стать значимыми. В первую очередь, это проблемы в религиозной жизни русского народа. Когда одни священники не всегда отвечали нравственному уровню своего сана, другие, не запятнав себя различными пороками, не уделяли должного внимания проповеди и обучения прихожан. Евангелие, читавшееся на церковнославянском языке, непонятное совершение богослужения, конечно, во многом отталкивали прихожан от храма, а без четкого руководства осмысление своей веры становилось практически недоступно. Но народ оставался в большей мере стремящимся к религиозной жизни, и когда людям предлагалось Священное писание на русском языке и простое, доступное объяснение, как надо жить, то они с радостью занимали сторону сектантов. К тому же, перейдя в секту, русский человек приобретал новые возможности, которых не имел ранее, появлялась возможность непосредственного участия в общей молитве и общественного молитвенного пения, этой возможности они были лишены в православном храме. Интерес к чтению Евангелия подталкивал изучать грамоту, а в дальнейшем позволял и самостоятельную трактовку текстов. Переходя в секту, люди

могли вырваться из окружавшего их порочного круга, в котором нередко господствовало пьянство.

Такая сложная противоречивая обстановка в повседневной религиозной жизни людей была известна проповедникам нового религиозного учения, активный прозелитизм секты попадал на хорошо подготовленную почву. Работа по проповеди нового учения была поставлена на достаточно высокий уровень. К тому же в проповеди использовались различные уловки для простого населения: это и ссылки на то, что императорская фамилия симпатизирует сектантам, и даже больше, что ряд членов августейшей фамилии сами перешли в штундизм. Зачастую были слухи о том, что настанет новый государственный порядок, и штундисты получают в новых условиях землю.

В такой ситуации проповедь православной церкви не всегда была успешна. Православные проповедники чаще ориентировались на переубеждение сектантов, а не разъяснения основ веры для православного народа, что могло бы предотвратить их переход в ересь.

Стоит учитывать еще один важный фактор: штундизм зарождается в России, когда страна переживает волну великих реформ и их последствия. Если обратиться к тому, что штундизм является сектой протестантского характера, то в новых капиталистических условиях развитие протестантских движений в некоторой степени было ожидаемо и закономерно.

Религиозное брожение интересовало людей с социалистическими взглядами. Вопрос остается достаточно проблемным: была ли непосредственная заинтересованность немецких колонистов для использования русских сектантов в политических интересах, или социалисты сами обратили внимание на последователей штундизма, которые искренне стремились к справедливости, а зачастую и мечтали о том времени, когда вся земля будет поделена поровну, и для этого даже не останавливались перед столкновением с законом? Такие стремления помогали силам, которые стремились к изменению по-

---

¹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 95. Д. 315. Л. 10.

литического строя и отделению Украины от России, к новому политическому устройству Малороссии. Серьезного внимания на это на первых этапах существования секты не обратила ни Церковь, ни государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записка Высокопреосвященного Никанора о штундизме и о мерах борьбы с сектою. Полицейское расследование и обнаружение социалистической пропаганды // Миссионерское обозрение. 1899. № IV. С.420-443.
2. Записки Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о штундизме и мерах борьбы с этою сектою, от 12 ноября 1884 г. // Миссионерское обозрение. 1899. № I. С.23-45.
3. Значко-Яворский А. Общество «штундовых» на юге России // Одесский Вестник. 1868. 17 февр.
4. История баптизма: Сборник: вып. 1. Одесса: «Богомыслие», 1996. 496 с.
5. Карев А.В. Русское евангельско-баптистское движение // Альманах по истории русского баптизма. СПб., «Библия для всех», 1999. С. 83-186.
6. Каретникова М. С. Русское богоискательство. Национальные корни евангельско – баптистского движения // Альманах по истории Русского Баптизма СПб., «Библия для всех», 1999. С. 3-83.
7. Общество штундовых на юге России (Записка г. Значко-Яворского, представленная генерал-губернатору, П.Е. Коцебу, 1867 г.) // Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во второй половине XIX-го столетия. Казань, Центральная Типография, 1908. С. 60-64.
8. Рождественский А. Южнорусский штундизм. СПб: тип. Деп. уделов. 1889. 295 с.
9. С.П. О штунде и протестантстве в их вероучении. Одесса: тип. Е.И. Фесенко, 1891. 43 с.
10. Шавельский Г. Русская Церковь перед революцией. М.: «Артос- Медиа», 2005. 509 с.

УДК 008

Шарипов А.М.

*Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма (г. Москва)*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX в.**

A. Sharipov

Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism, Moscow

**SOCIO-CULTURAL FACTOR OF RUSSIAN CIVILIZATION CRISIS IN THE
EARLY 20TH CENTURY SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

Аннотация. Статья раскрывает тенденцию преодоления российской научной интеллигенцией радикально-нигилистических настроений на рубеже XIX–XX вв. Авторами сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи» задолго до революционного краха Российской империи разоблачались разрушительные «идеалы революции», закладывалась традиция позитивного социокультурного анализа цивилизации и готовилась идейная почва объединения общества на либерально-консервативных началах. Именно тогда началось осознание ведущей роли культурного слоя нации. Наследие «веховской» научной традиции злободневно точностью социально-философского анализа Российской цивилизации и ныне востребовано учёным обществом России.

Ключевые слова: цивилизация, интеллигенция, либерально-консервативная идеология, революция, культура, «Вехи».

Abstract. The article reveals the tendency of Russian scientific intelligentsia's overcoming radical nihilist moods at the turn of the 20th century. The authors of the periodicals "The Problems of Idealism" and "Vekhi" (Milestones) long before the revolutionary collapse of the Russian Empire exposed the revolution's destructive ideals establishing the tradition of positive socio-cultural analysis of civilization and laying the ideological foundations of unifying the society on a liberally conservative basis. That was the beginning of the awareness of the leading role of the cultural layer of the nation. The "Vekhi" socio-philosophical analysis of Russian civilization is still topical nowadays and treasured by modern Russian scientists.

Key words: civilization, intelligentsia, liberally conservative ideology, revolution, culture, "Vekhi".

Рубеж XIX–XX вв. был знаменателен для России преодолением отставания в научной и экономической сферах от лидирующей Европы. В новый век страна вошла с развитой научной лабораторией, поднятой на новый уровень культурой. Однако, по мнению части общества, в социальной сфере оставались неразрешёнными определённые вопросы национального бытия, продуцировавшие кризисные явления.

Во второй половине XIX в. в обществе распространяется мнение о культурном «расколе» нации: в среде аристократии и быстро расширяющегося слоя разночинской интеллигенции рождается комплекс «оторванности» от «народа». С одной стороны, эти слои ещё не теряли ощущения своей причастности единому национальному организму. С другой, слишком быстрый, по историческим меркам, скачок российской цивилизации к новому уровню культуротворчества создал в образованных слоях нации чувство дискомфорта, что заставляло их искать выход из «раздвоенности» национального организма. Рождённое на этом пути специфически российское явление «народничества» – идеи интеллигенции о «народе» как носителе неких высших идеалов, привело к акцентированию внимания общества на социальных

проблемах [5, 63-64]. В итоге происходит политизация сознания интеллигенции, причём политизация радикалистская, противогосударственная и, в глубинном смысле – противодуховная и противокультурная.

Широкая дискуссия о кризисе российского общества и государства развернулась в среде интеллигенции в пореформенной России. Критики государственного строя и политики были представлены двумя основными лагерями – либералами и социалистами. При этом официальная часть образованного класса под давлением «общественного мнения» также нередко сочувствовала критике. Однако до выработки общенациональной творческой позиции дело не доходило.

Несмотря на общую тенденцию русского культурного класса к «сближению» с «народом» и на его критику самодержавия, уже в конце XIX в. наметился сдвиг части либеральных мыслителей в сторону национально-государственного консерватизма. Знаковым стало отречение от радикалистских убеждений и действий одного из лидеров народнического движения Л.А. Тихомирова и переход его в стан строителей национальной государственности, включение в творческую работу по изучению научно-философской проблематики российской цивилизации. И уже на рубеже веков в среде научной интеллигенции появляется целое течение «отказников» от радикалистских убеждений. Ряд бывших марксистов выступают в кон. XIX – нач. XX в. с научной критикой марксизма. Так, видный «легальный марксист» П.Б. Струве уже в 1894 г. публикует «Критические заметки»; С.Л. Франк в 1900 г. – критический этюд «Теория ценности Маркса и ее значение». В 1900 г. Булгаковым С.Н. была защищена диссертация «Капитализм и земледелие», в которой учёный отрицал универсальность марксизма, показал его несостоятельность для анализа российской цивилизации. Противоречиям марксистского мировоззрения посвящена также его книга «Карл Маркс как религиозный тип» (1910).

В 1902 г. противники радикалистских теорий, перешедшие на академические рельсы

изучения проблем российской цивилизации, объединяются в научном сборнике «Проблемы идеализма». Инициатор сборника П.И. Новгородцев обращается к мыслящим о благе общества читателям задуматься об «абсолютных заповедях и принципах», составляющих фундамент этого самого общества [10, VIII]. Именно практические вопросы общественной жизни, потребности нравственного сознания выдвигают проблему должного нравственного идеала, и потому поворот к фундаментальным вопросам философии – это не отвлеченные мысли, не плод теоретической любознательности учёных.

Основательно освоившие марксизм «идеалисты» обнаружили удивительное мировоззренческое противоречие революционных теорий: народники и марксисты изгоняли метафизику из индивидуального сознания, но в своих теориях исподволь внедряли её в социальное бытие. Метафизические проблемы радикалисты пытались решать в естественнонаучных понятиях и «обличали» метафизику в неподвластности естественным законам. Но у метафизики иной предмет, и его невозможно понять с естественнонаучным инструментарием, ибо нельзя войти в сам предмет. Тем не менее, объективно социальные радикалистские теории обнаруживали метафизический подход. С.Н. Булгаков прямо указывал на религиозную сущность идеологии Маркса, который строит свои «законы» по религиозным схемам абсолютных истин. Но в том-то и дело, что антихристианский марксизм создаёт мнимую религиозность, основанную на теодицеи науки. И Булгаков С.Н. пророчески предупреждал, что поступательное развитие рабочего движения неизбежно приведёт к десакрализации марксистской «религии», понизив её «до полной духовной буржуазности». Сделав вывод о наличии бессознательной метафизической потребности интеллигенции, авторы «Проблем идеализма» задаются вопросом: зачем создавать псевдорелигиозные учения? Необходимо вернуться к духовным основам бытия, источник которых – в «возвышающей философии

идеализма, вечном сиянии абсолюта» [4, 46]. Этот абсолютный фундамент и есть вечно обновляющийся источник нравственного энтузиазма. Так отошедшая от радикалистских идей либеральная интеллигенция начала XX в. языком науки пыталась вернуть своих «собратий по классу» к духовным основам бытия, напомнив интеллигенции ее цивилизирующую роль в обществе.

Когда вызревавший в XIX в. культурно-цивилизационный кризис разразился революционными потрясениями 1905–1907 гг., «идеалисты» в сборнике «Вехи» (1909 г.) продолжили здоровую тенденцию направления русского культурного слоя на преодоление «народнического комплекса» и включения в творческий процесс национального постижения. Уже в предисловии к «Вехам» М.О. Гершензон отметил ложность интеллигентского заострения внимания на «общественных формах», радикализм и фанатическую нетерпимость социальных доктрин, что делало интеллигенцию «изолированной в родной стране», бесплодной и выводило из общенационального творческого процесса [6, 23]. Струве прямо указывал на «великую во всяком государстве» роль образованного класса, «обусловленную культурной функцией просвещения» [11, 139]. Однако в России сложилось так, что ведущий культурный слой нации, вместо того, чтобы быть вдохновителем культурного и хозяйственного творчества, направлял инстинктивные стремления масс к упрощению общественных явлений, разжигал тягу к хозяйственному переделу.

Обозначенный спорами западников и славянофилов вопрос о «расколе» русского народа на европеизированную образованную часть и общую массу Струве переводит в иную плоскость, проводит другую линию раскола, разделяя ведущий культурный слой на две категории – «интеллигенцию» и «образованный класс». Если Петровская эпоха создала в России новый образованный класс в соответствии с потребностями исторического развития, то радикальная интеллигенция в пореформенные 1860-е гг. с «развитием

журналистики и публицистики» «явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое» [11, 142]. Специфика этого нового общественного слоя, приобщенного к социокультурному воздействию на нацию, обозначается Струве как «безрелигиозное отщепенчество от государства», от его «идеи и реального воплощения» [11, 143]. Именно здесь видит он ключ к пониманию истоков российского социокультурного кризиса. В 1860-е гг. Бакунин и народники поставили часть интеллигенции в контрапозицию к государству и Церкви, т. е. оторвали её от основ российской цивилизации, от участия в процессе органического культурного развития нации. Необходимо подчеркнуть это указание Струве на оторванность интеллигенции от духовно-культурных национальных корней как на фундаментальную в понимании уже полуторавекового (с 1860-х гг.) кризиса российской цивилизации, прошедшего несколько этапов в своем развитии: имперский, советский, постсоветский. Все три этапа кризиса объединены одним явлением, которое ярко и точно обозначил П.Б. Струве: «безрелигиозное отщепенчество от государства».

В действительности базовыми понятиями цивилизации являются государство, религия, культура, хозяйство. При этом русская радикалистская (нигилистическая) интеллигенция с XIX в. оторвалась от:

- 1) государства, обвинив его в «отсталости», в борьбе с «прогрессом»;
- 2) религии – все революционные движения в России были противорелигиозны;
- 3) культуры как внешнего самовыражения духовного национального склада (не случаен «слёт» космополитичной, безрелигиозной массы революционеров всех мастей на «труп» Российской империи – им не было необходимости иметь общие духовно-культурные интересы, они объединялись на основе не связанных ни с какой традицией «доктрин» переделки «человеческого материала»);
- 4) хозяйства, ибо не участвовали в производственной сфере экономики – науке, сельском хозяйстве, промышленности, ис-

кусстве, все они были «профессиональными революционерами», т. е. разрушителями.

Обозначенный «Вехами» политический (как и духовный, культурный, хозяйственный) радикализм интеллигенции происходил также из ее политического легкомыслия и неделовитости. Радикалистская интеллигенция («профессиональные революционеры») заражали находящийся на пути становления нового общества (развитие капитализма и демократии) русский народ своим непрофессионализмом и легкомыслием. Пропаганда социального упрощения льстила «низам»: для социального роста нет необходимости совершенствовать свои духовно-культурные качества, профессионализм, надо просто всё «поделить заново» и упростить. Отринувшая своё культурное призвание, радикальная интеллигенция отринула и свою цивилизирующую роль в воспитании граждан правового государства. Она возбуждала себя и массы к противоправному переделу, как пути к «равенству» и «справедливости». И потому – «революция есть духовное детище интеллигенции», по сути «революция была интеллигентской» [3, 44].

Авторы сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи» сделали первый шаг к выработке общенациональной интеллектуальной позиции, опять же начав с критики, но критики творческой, и притом самокритики – с самоанализа положения, задач, перспектив ведущего культурного слоя Российской цивилизации. Булгаков поставил перед интеллигенцией задачу встать на новые практические пути: «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной – для осуществления “реформ”, экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил учащей Церкви, её клира и иерархии» [3, 63]. Для этого, по словам Н.А. Бердяева, необходимо сменить старые интеллигентские лозунги и вспомнить о России: «регулятивными идеями должны быть идеи личности и нации, а не интеллигенции и класса». Это даст понимание не-

обходимости начать «внутреннее устроение своей личности и внутреннее устроение своей родины» [1, 51].

То, что вокруг «Вех» развернулась широкая дискуссия во всех кругах российского общества, показало: авторы заострили внимание именно на тех проблемах, которые волновали общество. Как писал один из оппонентов, авторы «Вех» «положили начало весьма напряженному и глубокому общественному размышлению над вопросами о русской интеллигенции, о переживаемом ею теперь кризисе, а вместе с тем и над очень многим другим, что совершалось и совершается в русской жизни», об «исторической обстановке» в России [7, 230].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв., после полувекового углубления социокультурного кризиса, в научных кругах либерально-консервативной интеллигенции появились тенденции преодоления нигилистического отношения к историческому пути России, понимание, что кризис российского общества имеет глубинную связь с состоянием его ведущего культурного слоя. Приходило понимание, что интеллигенция – не просто социальная группа, но та часть нации, что призвана быть лидером в культурно-цивилизационном строительстве. При этом национально мыслящие либерал-консерваторы верно определяли основные причины социокультурного кризиса российской цивилизации, в первую очередь – конфронтация интеллигенции с государством, ее духовная индифферентность, слабость национального самосознания.

Когда прививка политического радикализма и нигилистических утопий к социальному радикализму нации удалась, власть в России перешла к людям, далёким как от культуры, так и от национальных интересов. Бердяев после краха Российской империи обвинил нигилистическую интеллигенцию, нахватавшуюся «верхушек западной мысли», в неспособности как проникнуть в глубинные тайны европейской мысли, так и «постигнуть тайну России» [2, 32–33]. Ильиным вся эта генерация недоучившихся «вечных студентов»

была отнесена к категории «полуинтеллигенции»: обладающие частичными знаниями, но никогда не углублявшиеся до профессиональных навыков, они могли воспринимать только поверхностные общественные идеи. И такое самоуверенное полу-знание распространялось в широкие слои нации. А.И. Солженицын хлестко назовет революционную интеллигенцию – «образованщина».

Критический анализ русского общества сторонниками эволюционного развития России оказался довольно верен, что показали события 1917 г. Не прислушавшееся к рассуждениям академических учёных о специфике российской цивилизации и её опасностях, либеральное доктринёрство разрушило исторически устоявшуюся в России социально-политическую систему. Однако «февралисты» оказались перед фактом неуправляемой страны. Возникшее в первые дни революции двоевластие Временного революционного правительства и Советов депутатов подталкивало страну к гражданской войне. При том, что революционные партии усугубляли кризис, либеральное доктринёрство продолжало жить по давно обветшавшим и разоблачённым «Вехами» прописям, пока окончательно не упустило власти из рук. В первой половине октября 1917 г. в газете «Утро России» в статьях И.А. Ильин об отказе А.Ф. Керенского от «водворения дисциплины в армии и порядка в стране» разоблачалось всё то же либеральное доктринёрство и сентиментальная беспомощность перед надвигающимся всероссийским погромом. Ильин И.А. указывает на председателя Временного правительства как на человека, который *«вообще не понимает, в чём состоит сущность государственной власти»*, в неосведомлённости о том, что происходит в стране [9, 179]. Об этом непонимании писали за восемь лет до него М.О. Гершензон и П.Б. Струве.

После же свершившегося захвата власти большевиками, когда поредевший от войны ведущий культурный слой был отстранён от власти группой международных террористов, началось *«избиение культурного мень-*

шинства тёмною толпою» [9, 181]. Предупреждения учёных оказались точными: темная толпа, возбуждённая полуинтеллигенцией, пошла на штурм духовно-культурных основ цивилизации. Неведение либералов было преодолено широковещательными обещаниями радикалов.

«Веховцы» продолжили анализ углубившегося кризиса по горячим следам революционных потрясений. В сформированном в 1918 г. сборнике «Из глубины» Изгоев делает вывод о логической неизбежности большевистской политики: «Под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка... Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Ефремов, Керенский говорили и проповедовали то, что принципиально должно было привести к господству большевизма, решившегося, наконец, воплотить в дела их речи» [8, 152].

Безусловно, на углубление российского кризиса влияли и иные причины. Так, одной из особенностей России как европейской цивилизации (мы её считаем таковою) была дискретность ее исторического развития. Реформы всегда шли с большим запозданием, как вынужденное действие перед лицом серьезных проблем. Так произошло с отменой крепостного права, которая, по логике исторического развития, должна была мягко и последовательно осуществляться в течение двух – трёх десятилетий если не в XVIII в., то в начале XIX. Вековое запаздывание породило тяжелые противоречия, когда национальной экономике потребовалась форсированная модернизация. Что касается начала XX в., то удивляет гибельный непрофессионализм верховной власти, недальновидность правительственной политики, отсутствие кадровой политики, крупные геополитические просчёты. Поражает нежелание власти к диалогу с той частью интеллигенции, которая возвращалась на путь социокультурного строительства (за исключением гения русской политики П.А. Столыпина, который

и Л.А. Тихомирова поддерживал, и на «Вехи» обратил благосклонное внимание). Безусловно, запаздывание цивилизации в ответах на исторические вызовы чревато углублением социокультурного кризиса. И 1914 г. стал финалом профессиональной непригодности власти. Как верно писал Н.А. Бердяев, «русская революция есть производное от мировой войны» [2, 32]. Февраль 1917 г. разоблачил народнические и западнические иллюзии либеральной интеллигенции, Октябрь стал крахом всех иллюзий, гибелью вековой цивилизации.

Таким образом, появившаяся на рубеже XIX–XX вв. в среде российской научной интеллигенции серьёзная тенденция преодоления радикально-нигилистических настроений и возвращения в лоно национального социокультурного процесса дала ей возможность обнаружить новое понимание цивилизационного кризиса России. В основе этого понимания лежал критический анализ места и роли культурного слоя нации в развитии цивилизации. То течение мысли национальной интеллигенции, которое можно в широком смысле обозначить как либерально-консервативное, смогло на философско-историческом уровне осознать ошибочность утилитарных представлений о культуре как прикладном явлении (по отношению к экономике, материальной жизни общества в целом), увидеть ее ведущую роль в формировании общества, государства, цивилизации. Пришло естественное понимание, что интеллигенция сама является народом и должна не безвольно «каяться» в своей «оторванности» от «народа», но культурно вести нацию к новым уровням её культурно-исторического бытия.

P.S. Известный исследователь «веховской традиции» В.И. Толстых к своему 80-летию обнаружил, что в России вспоминают и перечитывают «Вехи» «на каждом историческом разломе», что подчёркивает: именно здесь обозначены ключевые моменты российского социокультурного развития [12, 141]. Однако выводов не делает никто: ибо интеллигенция в очередной раз уходит в «насуточные» вопросы политики, а политики – в удержание «руля» в своих руках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Исторические записки о современности // Московский еженедельник. 1910. № 9. Стлб. 45-52.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. 286 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 43-84.
4. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. С. 1-47.
5. Вострикова В.В. Государство и общество: сотрудничество или противостояние? (Позиция идеологов российского либерализма начала XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 1. С. 61-65.
6. Гершензон М.О. Предисловие // Вехи. Интеллигенция в России. С. 22-23.
7. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. С. 227-269.
8. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 151-173.
9. Ильин И.А. Отказ г. Керенского // Ильин, И.А. Собр. соч. Т. 9-10. С. 178-182.
10. Новгородцев, П.И. Предисловие // Проблемы идеализма. М., 1902. С. VIII-IX.
11. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. С. 136-152.
12. Толстых В.И. Вехи–2009 // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 132-141.

УДК 334.713(470)“19/20”

Зозуля О.А.

*Московский государственный открытый университет
им. В.С. Черномырдина*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ НАЧАЛА XX В.

O. Zozulya

Moscow State Open University

THE LEGAL FRAMEWORK OF INDUSTRIAL CONVENTIONAL FORMS IN RUSSIA UNDER MARKET MODERNIZATION IN THE EARLY 20TH CENTURY

Аннотация. Статья рассматривает исторический аспект создания правовой базы регулирования деятельности мелкого производства. Традиционные формы организации общественного хозяйства под влиянием процессов, связанных с переходом от традиционного к индустриальному обществу, изменяли свое качество, вытеснялись из экономики, трансформировались, обостряя социальные противоречия в обществе. На примере утверждения устава трудовой артели и анализа его содержания автор показал, как на рубеже XIX–XX вв. определялись правовые формы и экономические институты, адекватно отвечающие потребностям российского модернизационного процесса.

Ключевые слова: артели, уставы, обычное право, кустарные промыслы, круговая порука, многоукладная экономика, модернизация.

Abstract. From historical perspective the article considers the process of creating a legal framework for petty industry's activity. Influenced by the metamorphoses related to the society's transition from traditional to industrial stage conventional forms of the national economy changed their quality, became either obsolete or transformed, thus escalating social contradictions. By example of artel charter adoption the author shows how at the turn of the 20th century the legal norms and economic institutions were formed to respond adequately to the needs of the Russian modernization process.

Key words: artels, charters, customary law, cottage industries, mutual guarantee, mixed economy, modernization.

В период формирования рыночной экономики России на рубеже XIX–XX вв. роль и значение законодательного регулирования деятельности различных хозяйствующих субъектов приобретала особое значение. Развитие рыночных отношений требовало формирования адекватной правовой базы, определяющей условия эффективного функционирования экономического механизма и смягчающей противоречивый процесс трансформации и инкорпорации традиционных структур в реальность нового миропорядка. История принятия устава трудовых артелей в начале XX в. стала наглядным примером стремления государственных органов Российской империи выработать компромиссные решения, удовлетворяющие интересы субъектов формирующихся рыночных отношений.

Правительство, заинтересованное в сохранении за страной статуса мировой державы, объективно определяло содержание и темпы проведения индустриализации, уделяя особое внимание развитию капиталоемких отраслей экономики, таких, как строительство железных дорог и тяжелая промышленность. Трудности определения экономической политики обуславливались попыткой решить непростую задачу закрепления новых форм организации производства в стране с долго сохранявшимися патриархальными традициями, составлявшими контекст развития всего общественного хозяйства. Вместе с тем перенесение передовых форм экономической организации на национальную почву порождало острый

© Зозуля О.А., 2012.

шую проблему адаптации широких слоев населения к новым условиям революционного слома привычного уклада жизни. Традиционные формы организации общественного хозяйства под влиянием модернизационных процессов изменяли свое качество, вытеснялись из экономики, трансформировались, ускоряя болезненные процессы пауперизации населения и обостряя социальные противоречия в обществе. Стремясь смягчить трудности, возникающие в условиях перехода к рыночному хозяйству, правительство пыталось лавировать, с одной стороны, гарантируя своей поддержкой форсированную индустриализацию, с другой стороны, не выпуская из поля зрения интересы основной массы носителей традиционных отношений, старалось учитывать народные обычаи, традиции трудовой демократии и самоуправления. Транзитное состояние экономики нашло наглядное отражение в законодательстве начала XX в. и сказалось на процессе правового регулирования деятельности мелких товаропроизводителей и их объединений.

В сфере мелкого производства в России издавна существовала традиционная форма ассоциации труда, распространенная как среди городского, так и крестьянского населения, получившая в русском быту название артели. История артелей и артельного производства стала достоянием исторического поиска во многом и благодаря обращению к кооперативной тематике, однако вопросы, связанные с развитием национального юридического сознания и правилами, сложившимися в отношениях между артельщиками, недостаточно освещались в этих работах. К исключению можно отнести монографию экономиста, статистика и социолога А.А. Исаева, изданную в 1881 г. в Ярославле [2]. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что слабое знание специфических обычаев, сохранявшихся в артелях на протяжении долгого времени, часто приводило к провалу благородных попыток передовых земских и общественных деятелей по объединению, например, крестьян в коопера-

тивные организации с целью выхода из болезненного пореформенного состояния.

Анализ дискуссии о значении феномена артели в прошлом, настоящем и будущем русского народа, развернувшейся в конце XIX в. в России, и материалы, собранные по заказу Комитетов о сельских, ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, показал, что объединения и кооперация мелких товаропроизводителей сложилась в России прежде, чем капиталистические отношения стали преобладающими в ее хозяйственном механизме, и гораздо раньше, чем в европейских странах [5, 1]. Вместе с тем к началу XX в. отсутствовал правовой механизм, регулирующий юридическое положение артели. Анализируя законодательство по рассматриваемому предмету, русский экономист и историк народного хозяйства И.М. Кулишер обращал внимание на тот факт, что законодательство регулировало только те отношения, где интересы артелей входили «в столкновение с другими лицами или учреждениями, ибо сами артели в их внутренней жизни не нуждались в законодательной регламентации: эти стороны артельной жизни регулировались обычным правом» [4, 222].

И хотя недостаток правового материала, по мнению правительствующих кругов, компенсировался отсутствием стесняющих развитие артели рамок, и «артель, не замкнутая в пределах писаного права и не стесненная его предписаниями, могла свободно развиваться, вырабатывая такие формы, которые наиболее отвечали народному быту и действительным потребностям жизни» [1, 5], тем не менее, вопрос о создании правовой базы функционирования артели был поставлен на повестку дня.

Слово артель, писал отечественный юрист В.Я. Максимов, традиционно производят от татарского *артак* – товарищ, и означает товарищество [5, II]. В словаре Брокгауза и Ефрона можно найти следующее определение артели: «слово восточного происхождения, от тюркского слова *орта* — община, середина, ... у нас – оно впервые появляется лишь в актах второй половины XVII столе-

тия, заменяя собою другое, тоже восточного корня, раньше распространенное слово – ватага. Значение этого слова в народной речи весьма сбивчиво по растяжимости понятия артели; народ приравнивает его вообще ко всем тем случаям, когда приходится действовать не одному человеку, а нескольким, соединившимся для достижения какой-либо цели” [14, 184].

Устав торговый в ст. 79 определял артели как “общество работников по добровольному между собой условно, составленный, для отправления служб, работ или промыслов, силам одного человека не соразмерным” [11, 972]. Таким образом, союзы, которые в дореволюционной России независимо от вида владения складывались ради определенной хозяйственной или промышленной цели как особая форма организации труда и как особое явление в области обязательств, традиционно носили названия артелей (артельных товариществ).

К началу 80-х гг. XIX в. насчитывалось около 60 отраслей деятельности, знакомых с артельным началом [2, 286]. Обширное развитие артельных товариществ, а существовали разнообразные артели, вплоть до союзов нищих и конокрадов, и особое распространение их в быту сельскохозяйственного населения привлекало внимание исследователей к изучению артели как самостоятельной формы хозяйствования и особой формы юридических отношений.

Широкое применение коллективных форм организации труда, уходящих корнями в глубокую древность, питало убеждение “почвенников” об особом коллективистском духе русского народа. На самом деле основными факторами, инициирующими коллективизм, были суровые естественные условия жизни и хозяйствования, обширные просторы страны, консервирующие традиционные общественные формы организации быта и трудового процесса. Втягивание хозяйств мелких производителей в товарные отношения, особенно активно проявлявшееся со второй половины XIX столетия, обнаружило другую экономическую реальность – коопе-

рацию товаропроизводителей, являвшуюся продуктом модернизации хозяйства мелких собственников. Параллельно с этим ряд организационных форм, основанных на коллективистских началах, дополнили кооперативы, инициированные усилиями энтузиастов народнического толка, видевших в них идеал устройства человеческого общежития и альтернативу капитализму, несшему большей части населения нужду и разорение. Неразрешенность вопроса о сущностной, содержательной составляющей самобытной российской ассоциации работников, значительное их отличие от кооперативных организаций, оформившихся в западных странах, вызывало споры и расхождения мнений не только у экономистов, но и среди юристов, разрабатывающих артельное законодательство, что нашло отражение при обсуждении вопроса об образцовом уставе трудовой артели.

Первый подробный обзор артелей и подборка ряда артельных уставов были сделаны Н. Калачовым в 1864 г. в книге “Артели древней и нынешней России”, что позволило ему рассмотреть три важных проблемы: раскрыть историю развития артелей, показать современное для автора положение артелей и остановиться на состоянии законодательной базы, касающейся союзов “простолудинов” [3, 1-2]. Несколько позже, в труде об особенностях юридического быта русского народа, изданном в 1879 г., известный исследователь обычного права С.В. Пахман впервые комплексно проанализировал нормы обычного гражданского права в России и предложил оригинальную систематизацию артелей по юридическим основаниям.

Исследователи в XIX в. выделяли две группы артелей: полные и неполные, в соответствии со степенью участия членов своими средствами и силами в деятельности ассоциаций. В союзах первого типа преобладало полное артельное начало и члены данных организаций участвовали не только личными силами, но и имущественными средствами, чаще всего в равных долях, и в таком случае и артельный капитал составлял полное общее достояние всех членов. К артелям вто-

рого типа, а это чаще всего были промысловые артели, относились организации, где члены участвовали только личным трудом, а капитал вносился либо одним артельщиком, либо даже лицом, не входящим в состав артели. С.В. Пахман подверг критике подобную классификацию, обратив внимание на то, что если стороннее лицо вносило в дело артели свой капитал, то возникал обычный договор займа или найма с третьим лицом, а сделка в виде “покруты” по сути не меняла ни юридического ни хозяйственного характера артели [7, 212].

Классификация коллективных товариществ во многом зависела от критерия, положенного в его основу. Если, например, в основу систематизации коллективных сообществ был положен признак цели, преследуемой артелью, то в этом случае все многообразие артелей сводилось к четырем группам: 1) артели трудовые или промышленные, главной целью которых является создание новых благ или ценностей; 2) потребительские, конечной целью которых является потребление благ; 3) кредитные, обусловленные необходимостью получения недостающего количества средств, под условием их возвращения в будущем; 4) страховые, целью которых стало естественное стремление человека охранить себя и свою семью от нужды и бедствий, которые могли возникать.

Иначе систематизировал артели С.В. Пахман. Ему удалось выделить различные виды артелей, исходя из правовых оснований, и показать условия их возникновения, исследовать вопросы, связанные с личным составом, имуществом артелей, правами и обязанностями их членов, а также выделить специфику организации данных объединений, отношения артелей с внешним миром и т. д.

Ученый обратил внимание, что общее понятие «артель» не имело ясных очертаний и не определяло ни одну конкретную юридическую организацию. Создавались артели как предприятия промышленные, и в этом плане они отличались от объединений сельскохозяйственного типа, хотя между ними и существовала генетическая связь. Несмотря

на различия в видах деятельности артелей, всем им были свойственны общие институциональные признаки: совместный труд, равные расходы, равные прибыли и круговая порука.

Определение артели С.В. Пахман выразил через юридическую дефиницию. “Под артелью, – писал он, – говоря вообще, можно понимать такой юридический союз, в котором несколько лиц соединяют свои личные, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли” [7, 209]. Поэтому он говорил о том, что целесообразнее выделить артели с традиционным юридическим равенством ее членов, то есть первоначальные формы артелей, и более поздние формы, где отношения равенства были ослаблены главенством хозяйев-предпринимателей.

Обращая внимание на то, что со второй половине XIX в. в России получило распространение деление артелей на производительные, потребительные и кредитные (ссудо-сберегательные), ученый замечал, что вопреки идеалистическим представлениям о крестьянской природной артельности, в деревнях кооперативы “не привились еще к обычному строю народного быта”. Например, потребительские ассоциации, считал он, еще долго оставались трансцендентными сельскому образу жизни, хотя и встречались нередко так называемые “харчевые” артели. Исследователь обращал внимание на то, что научное определение всякого рода товарищества или ассоциации, требует понимание того, что не всякое товарищество, основанное на начале взаимной выгоды, может быть отнесено к разряду артелей [7, 211].

Вопросы систематизации артелей продолжали сохранять актуальность и в начале XX в., особенно в период разработки кооперативного законодательства. И.М. Кулишер, составляя для Министерства торговли и промышленности предварительный обзор истории отечественного и западноевропейского кооперативного законодательства, выступил с критическими замечаниями по поводу соединения в понятии “трудовая артель”

объединений, выполняющие определенные работы, с ассоциациями, производящими товары на рынок на свой страх и риск. Он обратил внимание на то, что в России первоначально под артелью признавались объединения, где деятельность членов заключалась преимущественно в услугах, а не в изготовлении готовых продуктов, и где капитал в виде основных фондов (орудий производства) не играл решающей роли. Он считал, что эти самобытно возникшие у нас артели, в видовом отношении принципиально отличались от производственных товариществ (кустарных, ремесленных и отчасти сельскохозяйственных). Последние он обозначил термином “промысловые товарищества”, которые создавались как “заимствованные с Запада” в условиях, когда прилив крупных капиталов и рост крупных предприятий сделал промышленную деятельность мелких предприятий во многих случаях “возможной лишь в форме кооперативных товариществ” [4, 220-221].

Таким образом, обращаясь к истории возникновения артелей на Руси, большинство авторов и исследователей народных форм хозяйствования отмечали, что они создавались различными путями: либо являлись итогом инстинктивного стремления крестьян к объединению в трудовую ассоциацию, либо возникали в результате деятельности волостного начальства по объединению крестьян с целью обеспечения заработка членам артели и выплаты податных платежей, распределяемых на ее членов [6, 180], либо были итогом деятельности энтузиастов, стремившихся к закреплению в России альтернативной капитализму организационной формы.

Поскольку артельное начало было привычно природе русского человека, трудовая деятельность которого проходила в крайне суровых условиях, так как только совместными усилиями можно было решать многие задачи (например, поддержание дорог, сооружение мостов и т. д.), часто артель возникала как бы внезапно, без предварительной договоренности и сложных формальностей.

Вне зависимости от продолжительности функционирования артели и отсутствия

предварительной договоренности, артельные договоры по большей части заключались устно, а вербальный договор мог сопровождаться определенными обрядами. Характерны в этом отношении обряды, имевшие место в северных районах при создании рыболовецких артелей. Сохранилось описание заключения артельного договора в Холмогорской губернии: “Артели для ловли семги, по обычаю, составляются в конце зимы, именно, в течение четырех последних дней сырной недели, с четверга до конца масленицы. Желающие составить артель, в один из этих дней, собираются в дом старшего из товарищей, и там заключается условие. Уговариваются сколько каждый товарищ должен приготовить сетей и каких, сколько веревок; условливаются также насчет карбаса – следует ли купить карбас или взять у кого-нибудь в аренду и сколько заплатить арендной платы и т. д. Договор скрепляется тем, что все “паевщики” садятся одновременно на лавку, потом, крестясь, встают, молятся вместе и подают друг другу правые руки: этим скрепляется условие. Затем еще договариваются насчет того, чтоб “сделать начало – связать узлы”, т. е. устроить общее угощение; каждый вносит по рублю или более, смотря по условию, покупают водку, готовят закуску и сообща провожают масленицу”. В других случаях заключение артельного договора скреплялось обыкновенно молитвой и крестоцелованием. Коллективные сделки по традиции предполагали застолье и выпивку и тем самым, по мнению артельщиков, “скрепляется условие” [9, 105].

Артельные договоры, особенно в более поздний период – в начале XX в., стали все чаще носить письменную форму, а в идеальных случаях – формализоваться в уставах. Условия открытия артелей в России достаточно подробно освещались в работах А.А. Исаева, И.О. Прокоповича. До отмены крепостного права существовали бытовые артели или общества, разрешенные царской властью. После 1861 г. был введен разрешительный порядок открытия артелей и кооперативов. В своем развитии он прошел

несколько этапов. На первом этапе – до 1897 г., учреждение товариществ считалось делом государственной важности и относилось к прерогативе центральной власти, позже, и особенно после принятия в 1902 г. Устава об артелях трудовых и биржевых, это право в ст. 2198⁵ было закреплено за местными губернскими властями [10, 162].

Подобное решение имело далеко идущие последствия. Местная власть крайне сдержанно, а чаще и откровенно отрицательно относилась к созданию различного вида союзов, рассматривая кооперативы, а подчас и бытовые артели, как источник политической нестабильности. Предвзятое отношение волостных учреждений часто фактически играло на руку ростовщикам, скупщикам, раздатчикам и комиссионерам, державшим в своих руках население целых селений, занятых промыслами. Пример нечистоплотной борьбы скупщиков с создаваемыми объединениями приводит А. Субботин после поездки по районам распространения промысловой деятельности сельского населения. Он описывает историю создания и уничтожения в селе Павлово складочного товарищества ножевщиков.

В 1873 г. было создано товарищество, во главе которого стоял уроженец села – технолог Зернов. Но уже через год он был вынужден уйти из артели. Организация начала успешно работать, что испугало скупщиков, обнаруживших реального и опасного конкурента в лице кооператива. Скупщики составили донос о политической неблагонадежности технолога, на основании которого Зернова обвинили в том, что он занимался якобы не только кооперативными, но и политическими делами. В конце концов технологу пришлось оставить родное село. Члены артели не смогли договориться между собой, начались распри, преодолеть разногласия не удалось, и артель распалась. Так скупщики избавились от конкурента и уничтожили “злонамеренную артель” [13, 31].

Однако несмотря на преграды, возникающие на пути учреждения артелей, принятие закона о трудовых артелях объективно упро-

щало процесс создания ассоциаций мелких производителей, о чем свидетельствовали статистические данные. В годы Первой мировой войны процесс этот набрал более высокие темпы.

Ряд артелей образовался благодаря инициативе государственных учреждений – как, например, горнозаводские артели старателей, или по почину местных органов, например, сельского схода. Примером последних являлись сыроваренные артели Ярославской губернии. Способ их образования выглядел следующим образом: прежде всего составлялся приговор местного сельского общества, который содержал пожелание общества открыть у себя сыроварню; на основании его, средствами земских управ или частных лиц, производится постройка самого здания сыроварни по условленной цене. По окончании постройки лица, подписавшие приговор, должны были принять из рук строителя здание сыроварни и выдать ему относительно этого особый приговор. Весь затраченный капитал обеспечивался, таким образом, этими приговорами, с одной стороны, и имуществом подписантов – с другой. Они же являлись и первыми членами вновь образованной сыроварной артели, и за ними закреплялось право приглашать других крестьян участвовать в сыроварне доставкой молока [9, 158].

Традиционно артель обязывалась перед третьими лицами как единое целое; обладала известными правами, имела свое имущество, управлялась особыми органами, имела представителей, отвечала за своих членов, и не переставала существовать при перемене личного состава. Она не являлась юридическим лицом, и не была корпорацией, хотя ей и были свойственны признаки последней. В юридическом смысле, отмечал позже юрист В.Я. Максимов, “артельное устройство играет ту же основу как всякое товарищество; но в сущности, между артелью и товариществом существует громадная разница. Понятие об артели несравненно шире понятия о товариществе” [5, II]. Принципиальное отличие артели и от договора товарищества и от

акционерного товарищества заключалось в том, что здесь непереносимым условием вхождения в артель являлось личное участие, личная деятельность ее членов, а длительная неспособность к продолжению работы могла повлечь за собой исключение из артели. Поэтому артель, как союз, основанный на личной деятельности членов, юристы считала возможным называть «товариществом труда» [7, 209]. В отношениях со сторонними лицами артель выступала как представитель всех своих членов, которые часто были связаны круговой порукой.

Отечественное законодательство до начала XX в. мало уделяло внимание артельным формам объединений работников. Пришедшие из традиционного общества артели, основанные на обычаях, вступали в противоречие с позитивным правом, отражающим формирующийся рациональный порядок.

Неопределенность правового положения порождала коллизии, которые необходимо было разрешать на законодательном уровне. Об этом свидетельствовали примеры, приводимые юристом-либералом И.В. Гессеном. К примеру, артель при найме на работу за определенную плату могла из-за роста рыночных цен впоследствии требовать увеличения этой платы, а при получении отказа – оставить работу. Рассматривая подобный прецедент гражданско-правового характера, ученый писал, что все трое рабочих, которые отказались от выполнения невыгодного заказа, были обвинены в прекращении работы по стачке в соответствии со ст. 1358¹ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [12, 144]. Виновными их признал как окружной суд, так и судебная палата, хотя рабочие фактически выступали от имени артели, то есть юридического лица, и, соответственно, в суде при рассмотрении данного конфликта должны были быть применены нормы права, имеющие отношения к нарушению договора юридическим лицом [1, 6]. Таким образом, отсутствие юридических гарантий лишало артельщиков правовой защиты и ставило его в невыгодное положение и на рынке товаров, и на рынке труда.

Широкое распространение артельной формы и законодательная неурегулированность, прежде всего, отношений артели с третьими лицами, например, при выполнении заказов, полученных со стороны, вынудила правительство обратиться к вопросу подготовки и принятия нового закона, который регламентировал бы положение организаций в хозяйственной жизни страны.

Новый Устав трудовой артели фактически разрабатывался в двух структурах: в Комиссии по подготовке нового гражданского уложения и в Особом совещании при департаменте торговли и мануфактур министерства финансов, что свидетельствовало о заинтересованности правительственных кругов и общественности в урегулировании данной проблемы. Проект подвергся неоднократной переработке и обсуждению в печати и в 1902 г. стал законом, причем значительно раньше других гражданских законопроектов, внесенных на обсуждение в Государственный совет.

При разработке вопроса необходимо было решить задачи, связанные с определением содержания понятия «артель» и систематизацией многообразия артелей. На практике при образовании сложилось две категории артелей. Одни объединения создавались на основании уставов, другие – на основании существующих постановлений о договорах. Не закрывая договорной путь образования артелей, закон регламентировал организацию более сложных артелей, учреждаемых на продолжительное время и действующих с правом юридического лица на основании утвержденных уставов. Законодатель постарался отделить, как ему представлялось, чисто кооперативные товарищества, где действия его членов, не уполномоченных на представительство, обязательств для общества не создавали (кредитные, ссудо-сберегательные, потребительские и т. д.), от производственных, связанных круговой порукой, то есть несущих ответственность за деятельность своих членов, если только они не выходили из круга деятельности артелей. Новый закон в понятии «производственная артель» объеди-

нил и товарищества, целью создания которых являлось исполнение всякого рода работ личным трудом членов, и объединения для всестороннего содействия промыслу, то есть кустарные, ремесленные, земледельческие. В законе было дано исчерпывающее определение трудовой ассоциации: «Артелью трудовой признается товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий счет и с круговой их порукою», которое в соответствии со ст. 2198¹ [10, 161] не предполагало, как отмечал, комментируя этот закон либеральный юрист И.В. Гессен, расширительного толкования и «под него не должны быть подводимы товарищеские организации, имеющие целью содействовать кредиту или хозяйству своих членов (товарищества сырьевые, магазинные, потребительские и т.п.)» [1, 7]. Приводимая статья определяла существенные признаки трудовой артели, к которым относились: 1) личный труд членов; 2) за общий их счет; 3) под круговой их ответственностью. Первый признак обуславливал особое юридическое значение личности каждого участника артели. Каждый член артели должен был обязательно участвовать личным трудом в работах артели. Право на участие не могло быть отчуждено (передано) другому лицу без согласия на то артели, а также не переходило после смерти участника в его детям автоматически, в подобном случае на них распространялись условия принятия членов и порядок выбытия и исключения их из артели.

Вторым существенным признаком артели являлось производство работы за общий счет, что указывало на обязательное требование внесения одинаковых членских взносов.

И последний признак заключался в том, какую ответственность несли члены артели перед третьими лицами. Речь шла о круговой поруке, которая не всеми юристами, экономистами и историками трактовалась однозначно [1, 11]. И.В. Гессен особо отмечает как явно положительный момент не только закрепление положения о круговой пору-

ке как существенный признак артели, но и закрепление впервые в законе столь часто встречающегося понятия. Артель отвечала за своих членов и за всех нанятых лиц всем своим имуществом, причем ответственность не ограничивалась только недозволенными действиями, артель отвечала также за убытки, которые могли стать результатом отсутствия у артельщика сведений, необходимых для исполнения работы, или по его неосторожности.

В случае недостатка имущества артели члены артели отвечали всем своим имуществом, движимым и недвижимым, «неограниченно» или в пределах, указанных в уставе артели, поровну. Все недополученное при распределении с одного или нескольких членов, могло быть разверстано между остальными членами артели; при этом члены артели, уплатившие за других членов, получали право, что следует из ст. 2198¹⁸-2198²⁰, реверсного иска [10, 163].

В законе в ст. 2198⁴ определялись вопросы, которые должны были найти отражение в уставах, подписанных учредителями в числе не менее пяти. В уставе должны были быть указаны: наименование, цели, место деятельности артели, условия принятия членов, учеников, пределы применения наемного труда, форма и размер ответственности членов, порядок образования и расходования артельного капитала, порядок внесения членских взносов, порядок управления делами артели и ее руководящие органы, формы отчетности, порядок ликвидации артели и т. д. [10, 162]. Безусловно, важным являлась положение о том, как должны развиваться события в связи с отказом местных властей регистрировать объединение. В этом случае согласно закону (ст. 2198⁵) губернатор, «встретивший препятствие к утверждению устава», предоставлял сведения об этом в течение одного месяца со времени получения устава министру торговли и промышленности, который разрешал возникшее сомнение по соглашению с подлежащими ведомствами [10, 162].

Было бы неверно идеализировать отношение властей к артелям. В законе в ст.

2198²⁷ содержалась норма явно полицейского характера, позволяющая губернатору фактически закрывать артель, в случае если “действия артели окажутся несогласными с уставом или противоречат существующим законам” [10, 163].

Таким образом, закон об артелях 1902 г. исходил из традиционных начал артельной жизни и санкционировал результаты многолетней практики русских артелей. Принятие закона о трудовых артелях укрепляло правовую базу ассоциаций, обеспечивая, с одной стороны, гарантии для сохранения и упрочения традиций и ценностей, накопленных в сфере мелкого производства, а с другой, создавая благоприятные условия для наиболее креативных объединений, упорядочивая взаимоотношения членов товариществ и местной власти не только на этапе регистрации, но и при получении кредита, приобретении сырья для выполнения казенных и частных заказов, сбыта произведенного товара в пределах локальных рынков.

Анализ законодательной деятельности в отношении артелей вносит значительные коррективы в наши представления о нежелании правительства урегулировать правоотношения, возникавшие в деятельности объединений мелких товаропроизводителей. Принятие уставов трудовой артели безусловно способствовало укреплению правомочности субъектов при заключении сделок.

В рассматриваемый период в российском законодательстве начала складываться нормативно-правовая база, обеспечивающая правовую защиту артелей как особой организационно-правовой формы. Разработка законодательства об артелях наглядно демонстрировала объективно назревшую

необходимость принятия правовых норм, учитывающих традиции и особенности отечественной экономики и, в то же время, обеспечивающие формирование единого правового пространства в целях решения задач модернизации страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гессен И.В. Артели. Закон 1 июня и действующие образцовые уставы. СПб.: тип. С.-Петербургского акционер. общества “Слово”, 1902. 76 с.
2. Исаев А.А. Артели в России. Ярославль: тип. Губ. правл., 1881. 366 с.
3. Калачев Н. Артели в древней и нынешней России. СПб.: тип. В. Головина, 1864. 66 с.
4. Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1906. 346 с.
5. Максимов В.Я. Артели биржевые и трудовые с разъяснениями Правительствующего сената и приложением. М.: Тип. С. П. Семенова, 1907. 150 с.
6. Оршанский. Народный суд и народное право// Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 4. С. 140-223.
7. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало-М, 2003. 700 с.
8. Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. СПб.: тип. Майкова, 1873. 205 с.
9. Сборник материалов об артелях в России. Вып. II. СПб.: тип. Майкова, 1874. 259 с.
10. Свод Законов Российской империи. Т.Х. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 385 с.
11. Свод Законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 178 с.
12. Свод Законов Российской империи. Т. XV. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 262 с.
13. Субботин А. Поездка по кустарным промыслам и кустарные артели. СПб.: Изд. ред. “Экономического журнала”, 1893. 74 с.
14. Энциклопедический словарь. / Изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Т. 2 (3). СПб.: Тип. И.А. Эфрона, 1899. 478 с.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 613.7:63-051(47) "1920"

*Багдасарян С.Д.
Сочинского государственного университет*

ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО КУРОРТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.

*S. Bagdasarian
Sochi State University*

THE PHENOMENON OF PEASANT RESORT IN SOVIET RUSSIA OF THE 1920-S

Аннотация. В статье раскрывается процесс регулирования властью развития курортов Советской России на материалах 1920-х гг. Автор показывает возможности ориентации лечебно-оздоровительных учреждений на нужды крестьянства. Приводятся отклики отдельных курортников о пребывании в конкретных здравницах. Вскрываются причинно-следственные связи сложившейся ситуации и объясняется, почему крестьяне зачастую не могли попасть даже на свой, им предназначенный курорт.

Ключевые слова: большевики, здоровье, колхозники, лечебно-оздоровительные учреждения, курорт, отдых.

Abstract. The article reveals the process of state regulation of resort system development in Soviet Russia based on the materials of the 1920s. The author shows the possibilities of orienting therapeutic and recreational facilities to peasantry needs. The responses of individual holiday-makers are provided on their stay at specified resorts. The author reveals cause-effect relationships of the situation and explains why farmers had difficulties at obtaining a stay at the resort though it was especially designed for them.

Key words: the Bolsheviks, health, farmers, spa facilities, resort, recreation.

Хотя большевики одержали в Гражданской войне убедительную победу, по ее окончании задача формирования и укрепления социальной базы созданного ими политического режима никоим образом не утратила актуальности. На закате «военного коммунизма», да и в период нэпа, градус пробольшевистских настроений советского общества был не столь уж и высок: значительная часть крестьянства и даже пролетариата высказывала недовольство тем, что повседневная действительность в «первом в мире государстве трудящихся» имеет мало общего с благостными заявлениями коммунистических лидеров. Крестьяне жаловались на высокие налоги, низкие закупочные цены на производимые ими сельхозпродукты и дороговизну промышленных товаров, рабочие возмущались неудовлетворительными материально-бытовыми условиями. Особенную же ярость и пролетариев, и земледельцев вызывали явные нарушения провозглашенных большевиками принципов равенства и социальной справедливости: обогащение предпринимателей-«нэпманов» в городе и «кулаков»

в деревне, бюрократизация партаппарата, складывание новых привилегированных слоев из числа партийных функционеров и советских чиновников.

Разумеется, в сложных социально-экономических и политических условиях 1920-х гг. лидеры компартии не могли одним махом разрубить завязавшийся в Советской России тугой узел проблем. С тем большей активностью большевики вели агитацию и пропаганду собственных достижений (и, одновременно, – порицание досоветских порядков), а также осуществляли разного рода меры, призванные доказать, что жизнь «простого человека» в созданном ими государстве все-таки улучшилась. Одной из таких мер стало курортное строительство и обеспечение санаторно-курортным лечением как можно более широких кругов пролетариата и крестьянства. В рамках представленной публикации мы рассмотрим реализацию отмеченного комплекса мероприятий в 1920-х гг., сосредоточив внимание на крестьянстве как социальной группе, чрезвычайно значительной и весьма важной в жизни Советской России.

По словам народного комиссара здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, «курорты, пожалуй, лучше, чем что-либо другое, символизируют рабочему и крестьянину реализацию нашего лозунга: «кто был ничем» в царстве эксплуатации, «тот стал всем» в царстве труда» [6, 2]. Нарком был совершенно прав. Как бы напыщенно это ни звучало, но только в результате установления советской власти представители широких трудящихся слоев российского общества получили право побывать на курорте, о котором они и мечтать не могли до 1917 г. Большевики старались подкрепить делом заявления о том, что «крестьянин из деревни и рабочий с фабрики или завода раньше и мечтать не могли о курортном лечении, теперь же главная цель наших курортов – обслужить возможно полнее и в первую очередь именно эти группы трудящихся» [1, 19]. Уже в декабре 1920 г. был издан декрет за подписью В.И. Ленина «Об использовании Крыма для

лечения трудящихся», в котором заявлялось, что «дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян».

Правда, предоставленное народу революцией право отдыхать и лечиться на курортах и в санаториях не сразу стало возможностью, которой можно было воспользоваться. После ожесточенных междоусобных боев 1917 – 1922 гг. здравницы и лечебницы лежали в руинах. Тот же Семашко констатировал, что во время Гражданской войны, «как на зло, все курортные местности» оказались «в районах ожесточенных боев – на юге, в Поволжье (кумысы), на Кавказе». Поэтому «в лучших водолечебницах на Кавказе стояли лошади белых армий. Красивейшая во всей Европе Ессентукская грязелечебница, новенькое, только перед войной законченное здание, представляло собой храмину с продырявленной крышей, развороченными стенами: снег падал прямо на новенький, красивыми плитками устланный пол; целые болота воды стояли во всей грязелечебнице; вся техническая аппаратура была разграблена по гайкам и по винтикам; дорогие стекла все выломаны». Масштабы разрушений были громадны, так что крайне сложной представлялась «задача залечить эти не раны, а развороченные места живого мяса» [6, 2].

Поскольку разрушенные курорты практически не могли функционировать, первоочередной задачей после Гражданской войны являлось не налаживание их работы, а элементарное восстановление. При этом большевики преследовали задачи не только реанимации курортной базы, но и переориентации ее деятельности в соответствии с проводимой ими социальной политикой. «Строить советские курорты», строго замечал Семашко, «вовсе не значит обезьянничать с буржуазных» [6, 2], потому что здравницы социалистического государства предназначались отнюдь не для узкого круга избранных нуворишей или власть предержащих, а для широких слоев трудящихся.

Все же, хотя по мере восстановления курортов они и в самом деле стали целенап-

равленно заполняться представителями трудового населения, это относилось в первую очередь к рабочим и служащим, но не крестьянам. Вместимость курортов была ограниченной и, с учетом ведущего вектора социальной политики большевиков (ориентированной на поддержку городского пролетариата), заполнялись они горожанами, но не селянами. Социальные диспропорции при подборе курортников вызывали вполне понятную негативную реакцию земледельцев и, хотя вопросы лечения не являлись для них сколь-нибудь заметными, они накладывались на массу других раздражителей (таких, например, как налогово-заготовительная политика большевиков) и усиливали недовольство советских хлеборобов. Все это не могло не беспокоить лидеров компартии, предпринявших определенные шаги по сглаживанию явных диспропорций в представительстве крестьян и рабочих на курортах и в санаториях Советской России в 1920-х гг. Осуществлялись определенные меры по увеличению процента крестьян в советских здравницах и, более того, было решено создать специальные крестьянские курорты. Тем самым, по замечанию Семашко, курорты должны были превратиться в «ремонтные мастерские здоровья не только рабочих, но и крестьян» [7, 353].

Для того, чтобы на курорте или в санатории оказалось больше крестьян, мало было просто выделить им соответствующее количество мест и разослать приглашения. Дефицит материальных средств не позволял аграриям воспользоваться возможностью отдохнуть и подлечиться, даже если она была им предоставлена. Если лечение рабочих на курорте оплачивали профсоюзы, то крестьяне были лишены подобной же организации (а всякие попытки создать нечто подобное наткнулись на жесткое противодействие коммунистов, не без основания опасавшихся, что «крестьянские союзы» могут превратиться в самостоятельных игроков на политическом поле). В этих условиях государство великодушно взяло на себя все расходы. Как отмечалось в одной из журнальных публика-

ций, «крестьяне для получения бесплатного места на курорте должны обращаться через участкового врача в уездный отдел здравоохранения. За счет государства на курорты направляются исключительно больные крестьяне от сохи, отнюдь не сельские служащие, причем предпочтение отдается тем из них, которые были под длительным врачебным наблюдением. Крестьяне получают не только бесплатную койку, содержание и лечение на курорте и бесплатный проезд туда и обратно, но снабжаются также и суточными на дорогу. Все бесплатные крестьянские койки Наркомздрав распределяет по губздравам, которые в свою очередь распределяют их по уездам, а уезды совместно с крестьянскими комитетами взаимопомощи устанавливают – кого из крестьян, в зависимости от социального положения и состояния здоровья, следует послать на курорт в первую очередь» [1, 19].

Вышеописанный порядок направления земледельцев в места отдыха и лечения выглядит четким, продуманным и логичным. Однако количество вакансий для крестьян на курортах и в санаториях было невелико, так что, по существу, очередь нуждающихся в лечении практически стояла на месте.

В дополнение к существующему порядку курортного лечения хлеборобов, советское правительство приняло решение об организации специального крестьянского курорта. Отмеченная инициатива вряд ли была способна кардинально изменить ситуацию в сфере санаторно-курортного лечения земледельцев (ведь наполняемость даже специальных здравниц была не столь уж и высокой, как будет показано далее), зато ее пропагандистское значение нельзя недооценивать. Эта, как ныне принято выражаться, пиар-акция призвана была продемонстрировать крестьянам внимание и заботу со стороны большевиков и, следовательно, укрепить ответные добрые чувства аграриев.

Крестьянский курорт планировалось открыть в Крыму, в Ливадии, в бывшей царской резиденции, что, конечно, нельзя было не признать глубоко символичным: дворец передан народу, как о том заявляла советская

власть (по всей видимости, указанный символизм в некоей мере предопределил именно выбор Ливадии). Постановлением Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1924 г. предусматривалась передача Ливадии в ведение Наркомата здравоохранения с последующей организацией здесь бесплатного крестьянского курорта на 300 койко-мест. 20 февраля 1925 г. Совнарком РСФСР постановил увеличить емкость Ливадийского санатория до 500 коек, выделив для ремонта зданий и переоборудования их под здравницу 50 тыс. руб. По заверениям же Семашко, в санатории 300 бесплатных мест предоставлялось государством, и еще столько же было арендовано губернскими и уездными исполкомами у Главного курортного управления на льготных началах: тем самым емкость Ливадийского крестьянского курорта могла достигать 600 мест [7, 353].

На этом забота властей об устройстве крестьянского курорта не закончилась. На апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) председательствующий Л.Б. Каменев предложил «принять постановление об ассигновании миллиона или пары миллионов (это будет зависеть от съезда) на крестьянские курорты... Во всяком случае я считаю, что какую[-]нибудь ассигновку для крестьян в области курортов сделать необходимо». На поступившее от Каменева предложение присутствовавший на пленуме член ЦК компартии Украины В.Я. Чубарь возразил, что «лучше снизить налог», это будет с большей благосклонностью воспринято практичными по натуре крестьянами. Каменев, однако, твердо отстаивал свою точку зрения («нет, я не согласен[,] совсем не лучше снижать налог»), справедливо заметив, что «сколько бы не снижали налог, все равно крестьяне будут указывать пальцем, что рабочие ездят лечиться на курорты, а крестьяне не ездят. Тут вопрос политический, и необходимо пойти на встречу крестьянам»¹. В итоге представители партийной верхушки пришли к выво-

ду о необходимости увеличения дотаций на курортное лечение крестьян. Разумеется, состоявшийся в мае того же года XII Всероссийский съезд Советов продублировал решения партийного форума и принял постановление с рекомендацией «расширить курортную помощь крестьянам».

Ливадийский крестьянский курорт, первым директором которого стал С.И. Кащенко (однофамилец известного российского психиатра), был подготовлен к приему больных в кратчайшие сроки: уже весной 1925 г. открылись корпуса для проживания больных, водолечебница, лаборатории и пр. Поступления больных на курорт ждали также весной. Контингент следовало формировать в соответствии с циркулярными указаниями Наркомздрава «О способе отбора больных крестьян для лечения на курортах», разосланными на места. Здесь подчеркивалось, что в Ливадию следует направлять «исключительно крестьян от сохи». В самом конце апреля 1925 г. в Ливадию приехали первые 10 больных крестьян, а к 20 мая здесь было уже 262 недужных хлебороба из 30 областей и 7 союзных и автономных республик СССР.

Торжественное же открытие санатория состоялось 28 июня 1925 г. и проходило в соответствии с отработанным к тому времени коммунистическим ритуалом. Бывший дворец, превращенный в санаторий, украсили красными флагами и цветами, был устроен митинг, на котором присутствовали как лечившиеся в Ливадии крестьяне, так и все окрестные отдыхающие и местные жители. В президиуме, заседавшем на одной из террас дворца, находился лично Н.А. Семашко, поэт Демьян Бедный, представители ВЦИК и Совнаркома и т. д. Как само торжество, так и возможность подлечиться в бывшем царском дворце сильнее всего действовали на сознание крестьян. Семашко позже вспоминал: «мы сидели за столом президиума на террасе Ливадийского дворца», видя перед собой сотни больных, пришедших на торжество. «И вдруг раздается сигнал автомобиля. В середине торжества привезли новую партию больных крестьян. Они со-

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 5-6.

шли с автомобиля бледные, измученные, с растрепанными головами и нечесаными бородами... Толпа наших гостей стала горячо аплодировать приехавшим, а близ стоявшие стали вынимать прибывших и высоко качать. Надо было видеть лица у взлетающих вверх бородачей. Один из них крестился; другие цеплялись за руки, а некоторые тоже принялись хлопать в ладоши. Я посмотрел на выражение их лиц и поспешил сбежать с трибуны, чтобы прекратить этот восторженный прием: я боялся, что приехавшие сойдут с ума от своих впечатлений. И, по-видимому, я поступил предусмотрительно: несколько человек, ставши на землю, как-то странно заливались смехом, хлопали руками, хотя все перестали уже аплодировать» [6, 3].

В основном, поступавшие в Ливадию крестьяне были больны туберкулезом: целебный воздух Крыма должен был им помочь в борьбе с болезнью. Персонал санатория подвергал вновь прибывших обязательной санобработке: их вели «стричься, бриться, мыться и переодеваться» [6, 3]. Как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, на курорте бывшие бородачи ходили гладко выбритыми, а нередко и стриженными наголо [4, 670]. Больные бесплатно получали чистую постель, белье, питание, не говоря уже о собственно лечении. Обычно период пребывания на курорте составлял 6 недель, но нередко его продлевали с целью закрепления достигнутых результатов. Помимо лечения, в санатории проводилась культурная, образовательная, пропагандистская работа: устраивались лекции, читки газет, работали читальни и кружки по ликвидации неграмотности. Можно было поиграть в шахматы, домино и другие игры. Хлеборобам предоставлялась возможность заниматься физическим трудом, без чего они, привыкшие к вечным заботам по хозяйству, чувствовали себя не в своей тарелке (налицо была угнетенность психики, что не лучшим образом сказывалось на общем самочувствии). Например, на фото запечатлены моменты, когда лечившиеся в Ливадии крестьянки работают в цветнике [4, 670].

Добавим, что курорты оказывали благотворное влияние не только на лечившихся в них крестьян, но и на окрестное сельское население. В последнем случае имеется в виду тот факт, что хлеборобы, жившие возле курорта, получали неплохие доходы от продажи отдыхающим и администрации санаториев овощей и фруктов, от занятий извозом, и т. п. Как писал один из советских журналистов о грязелечебном курорте Солониха на Северной Двине, местные крестьяне «разбогатели от курортников, позастроились. Теперь у крестьян под рукой и доктор, и аптека, и курортник – потребитель меда, молока, ягод и свежей рыбы. Некоторые местные крестьяне стадами жить извозом, доставляя на курорт с пристани больных и едущих к ним знакомых» [3, 14].

В социально-политическом плане лечение крестьян на курортах и в санаториях, как и рассчитывали большевики, в определенной мере содействовало укреплению коммунистических симпатий в деревне. Курорт оказывал на сознание и настроения простых хлеборобов сильнейшее воздействие: «крестьянин, который часто и своего губернского города во всю жизнь не видал, мчится в поезде за тысячи верст, смотрит на новую, невиданную им жизнь, слезает в Крыму, с его морем, горами, с новой фауной и флорой, и живет не в курной избушке вместе с овцами, телятами, поросятами, а в царском дворце, спит не на грязном “зипуне”, а на чистом белье мягких кроватей, питается так, как об этом и не мечтал» [6, 2].

Один из побывавших на курорте крестьян написал восторженное письмо в «Крестьянскую газету», обширную выдержку из которого (уже вводившегося в научный оборот) мы считаем целесообразным процитировать: «...Когда я был в восхищении представлен к воротам этого рая (курорта – *авт.*), грязный, оборванный, грешный, от сохи крестьянин, то мне представилась следующая картина: ко мне откуда-то явился Ангел в чистой белой одежде и повел меня по мытарствам, которые мне неминуемо было пройти, как грешнику бедноты. И вот первое мытарство: с моей го-

ловы остригли начисто волосы и потом обобрили мне бороду, и я во всём подчинялся. После этого другой Ангел повел меня в теплое и светлое помещение, где мне дано было мыло и какое-то мягкое вещество, и мне было сказано чисто умыться под фонтаном чистой теплой воды, и я подчинялся, после чего мне показалось очень хорошо и приятно. Пройдя это мытарство, передо мной явилась чистая, белая и красивая Ангельша, которая повелела мне следовать за ней, и я подчинялся. Она привела меня в чистое и светлое помещение, где мне было уготовано место покоя... О чудо, как я крепко и сладко спал в такой мягкой постели!» [2, 304]. Далее в письме в таком же восторженном тоне повествовалось о процессе лечения.

В прессе справедливо указывалось, что курорты оказывают на жизнь крестьян многообразное влияние: «...Путешествие на курорты для крестьянина, да и для рабочего – наглядный урок политграмоты; пребывание на курорты – школа гигиены [и] санитарной культуры; те навыки культурной жизни, которые крестьянин и рабочий получают на курортах, не скоро забудутся ими и по возможности (конечно, далеко не полностью) будут применяться ими в их быту» [6, 2]. В особенности важным, разумеется, представлялось именно политическое значение курортов.

Как отмечал Семашко в 1925 г., «из описаний, статей и речей нельзя составить себе точного представления о политическом значении этого дела. Лучшее средство для этого – поговорить с самими крестьянами. Вот когда видишь самих крестьян в этой новой обстановке, когда слышишь их бесхитростные речи – как в их собственном сознании преломляется это событие – тогда только начинаешь понимать и оценивать его. Крестьянские курорты за одно лето разошлют тысячи агитаторов по самым отдаленным уголкам Союза, которые будут в письмах, в беседах на завалинке у избы, на сходах, в трактирах, всюду и везде, рассказывать о солнечной, красивой, чистой жизни и славословить советскую власть» [4, 854]. В своей статье нарком здравоохранения утверждал: «...В

первые годы существования крестьянского курорта (теперь поездки крестьян на курорты стали уже “бытовым явлением”), каждый возвратившийся с курорта являлся каким-то былинным сказителем для окрестного населения: чтобы послушать “курортника”, крестьяне собирались издалека, и на скамеечке у сельсовета шли рассказы и расспросы, что такое курорты и как крестьяне живут в царском дворце. Кто далеко стоит от курортного дела, тот и не знает, что вокруг курортов и в особенности вокруг Ливадийского дворца стали складываться у крестьян целые легенды» [4, 854].

Вряд ли возможно оспаривать такого рода утверждения: действительно, курорты служили для земледельцев Советской России наглядным подтверждением усиленно навязываемого им тезиса о неустанной заботе «партии и правительства» о трудящихся. Вместе с тем нельзя и преувеличивать социально-политический эффект курортов и санаториев в жизни деревни. Несмотря на все усилия большевиков, в 1920-х гг. попасть на курорты могли весьма немногие жители села, так что основная масса воспринимала рассказы об этих здравницах именно как легенды, а не быль. Исправить положение могло бы строительство новых крестьянских курортов и увеличение приема хлебобобов в иные здравницы. Но этого, в силу дефицита ресурсов, советское правительство сделать не могло.

Безусловно, позитивные сдвиги в курортном строительстве были налицо. Во второй половине 1920-х гг. советские журналисты бодро утверждали: «...Курорты СССР с каждым годом делаются все более доступными для трудящихся. Из года в год растет число коек в курортных санаториях и общежитиях, увеличивается жилплощадь в гостиницах, на курортных дачах. Трудящиеся получают различные льготы в виде постепенного снижения стоимости курортных коек, в виде рассрочки при оплате курортных мест, а в некоторых случаях и в виде кредита» [1, 19]. В частности, 1 февраля 1928 г. сообщалось, что курорты Северного Кавказа готовятся к

новому сезону, сеть их расширяется и совершенствуется. Вместо прошлогодних пяти санаториев в 1928 г. в Мацесте будет их шесть: здесь строится новый «отель-санаторий», на постройку которого отпущено 600 тыс. руб., и она должна завершиться к 1 мая текущего года. Пропускная способность мацестинских ванн увеличивается: сейчас там строится 10 новых ванн, в 1929 г. будет построено еще 10. Кроме того, «ведутся работы по сооружению стадиона. Впервые в Сочи организуется лечебный пляж» [8].

Однако масштабы позитивных изменений в области курортного строительства и санаторно-курортного лечения были слишком скромны, чтобы удовлетворить нужды всего населения Советского Союза и, в частности, крестьянства. Даже в конце 1920-х гг. в прессе содержались печальные признания в том, что «в наше время колоссальнейших затрат правительства на поднятие сельского хозяйства, на индустриализацию, на исключительные по объему культурные надобности населения не представляется пока возможным отправлять на курорты всех нуждающихся в курортном лечении и отдыхе. И не только утомленные и надорванные работой рабочий от станка, крестьянин от сохи и служащий от конторки не могут в настоящее время устроиться на курорт за счет государства, но далеко еще не всякий больной, безоговорочно нуждающийся в курортном лечении, сможет получить государственную курортную койку» [1, 19].

К исходу 1920-х гг., как и в начале указанного десятилетия, крестьяне по-прежнему отправлялись на курорты в последнюю очередь, после рабочих, служащих, представителей партийной номенклатуры и советской администрации. Даже на Юге России и Северном Кавказе, где располагались многие известные в СССР курорты, местные хлеборобы почти не пользовались их услугами. В частности, в конце 1920-х гг. руководство Терского округа Северо-Кавказского края сухо указывало, что «в санаториях лечится чуждый элемент, а крестьян [там] нет», «в отношении курортов мало дают мест в сана-

торий, и дают только за дорогую цену»¹.

Так же было и по всей России, да и по всему Советскому Союзу. Семашко признавал в 1929 г.: «...Мы сейчас в состоянии отпускать лишь 1 млн. [руб.] в год на курорты для крестьян. Это, конечно, очень скромно для 100-миллионного крестьянского населения» [6, 2]. Процент проходивших лечение земледельцев, по признанию наркома здравоохранения РСФСР, был ничтожен из-за малой вместимости курортов и санаториев: «...Как можно тысячью крестьянских коек удовлетворить нужды стомиллионного крестьянского населения?» [6, 2]. Вопрос этот, конечно, был риторическим.

Итак, в 1920-х гг. (как, впрочем, и на всем протяжении советской эпохи) функционирование курортов и санаториев, курортно-санаторное лечение населения преследовало не только узкопрактические функции исцеления больных и ослабевших граждан СССР, но еще и задачи укрепления социальной базы большевистского режима. В соответствии с классовой доктриной большевиков, курорты и санатории были закрыты для представителей эксплуататорских классов и «социально-чуждых» элементов, но радушно распахивали двери для рабочих, служащих, крестьян. Лидеры компартии старались увеличить численность крестьян на курортах и в санаториях путем расширения вместимости таковых и путем создания специальных крестьянских здравниц. Результатом подобных мер должно было стать не только улучшение здоровья сельского населения, но и усиление его симпатий к советской власти и коммунистам как политической силе, претендующей на монопольное обладание властью в СССР. Однако дефицит средств не позволял большевикам охватить санаторно-курортным лечением сколь-нибудь заметные по численности группы российских земледельцев, в связи с чем социально-политическое значение советских здравниц для населения деревни было весьма скромным.

---

¹ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 31. Л. 106.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 18-25.
2. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история (г. Москва). Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 302-306.
3. Зингер М. Курорт Солониha // Красная нива. 1929. № 20. С. 12-16.
4. Красная нива. 1925. № 29. С. 820.
5. Семашко Н.А. Итоги курортного сезона // Красная нива. 1925. № 36. С. 852-864.
6. Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива (г. Москва). 1929. № 20. С. 2-6.
7. Семашко Н.А. Что такое курорты СССР // Красная нива. 1925. № 15-16. С. 353-358.
8. Сочи – Мацеста // Молот (г. Ростов-на-Дону). 1928. 1 февраля.

УДК 94(470.6)»1927»

Панкова-Козочкина Т.В.

*Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

**ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕНТАЛИТЕТ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА РОССИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1927 г.**

T. Pankova-Kozotchkina

*South Russia State Technical University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)*

**1927 FOREIGN POLICY EVENTS IMPACT ON SOUTHERN RUSSIA
RURAL POPULATION MENTALITY**

Аннотация. В условиях назревания военного конфликта между СССР и Англией в 1927 г. сельские обыватели по-своему представляли и объясняли, как и почему сложилось и развивалось противостояние между этими странами. На основе архивных материалов в статье раскрывается проблема восприятия крестьянством Юга России вероятностного конфликта с ведущей европейской державой. На материалах Юга России 1920-х гг. автор показывает разрыв между идеальными политическими конструкциями правящей партии и социальной реальностью.

Ключевые слова: образ войны, крестьяне, казаки, Красная Армия, сельские обыватели, слухи, советско-английские отношения.

Abstract. With the maturing of the military conflict between the USSR and Britain in 1927 rural inhabitants of Southern Russia in their own way interpreted how and why the confrontation between the two countries emerged and developed. On the basis of archival material the article reveals the problem of peasantry's perception of the conflict with the leading European power.

Key words: the image of war, peasants, cossacks, the Red Army, rural inhabitants, rumors, Soviet-British relations.

В мае 1927 г. правительство Великобритании разорвало отношения с СССР, обвинив советско-партийное руководство во вмешательстве во внутренние дела Соединенного Королевства. Обострение советско-английских отношений имело следствием распространение среди граждан СССР убеждения в близости войны с капиталистическим миром. Убеждение это основывалось на том, что верхушка ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным уверенно заявляла о неизбежности вооруженного конфликта СССР с Великобританией и ее союзниками,

© Панкова-Козочкина Т.В., 2012.

надеясь путем нагнетания военного психоза разделаться с оппозиционными течениями и сплотить советское общество. В резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося 29 июля – 9 августа 1927 г., указывалось: «опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода» [3, 239]. И.В. Сталин, выступая на этом же пленуме, пошел еще дальше и прямо заявил: «война стала уже неизбежной» [6, 48]. Тиражирование подобных заявлений привело к нарастанию в СССР экономических трудностей и социально-политической напряженности, чем впоследствии воспользовался формировавшийся сталинский режим для ужесточения внутренней (в частности, аграрной) политики и для объяснения этой жесткости необходимостью сплочения перед лицом вероятной агрессии западных держав.

Проблема воздействия внешнеполитических событий 1927 г. на сознание и политическое поведение советского общества неоднократно поднималась в научных исследованиях. На Юге России среди последних работ, в которых в той или иной мере затрагивалась данная проблема, особого упоминания заслуживают монографии и публикации А.В. Баранова и А.Ю. Рожкова, основанные на широкой источниковой базе, отличающиеся взвешенностью, основательностью и оригинальностью выводов и суждений [1; 4]. Вместе с тем в российской историографии недостаточное внимание уделялось специфике восприятия крестьянами и казаками указанных событий на бытовом, повседневном уровне. Освещение отмеченного вопроса, при всей кажущейся его незначительности, будет, несомненно, способствовать детализации представлений о восприятии окружающей внешнеполитической действительности советским обществом, изолированным от альтернативных (небольшевистских, неофициозных) источников информации партийно-государственными структурами. В рамках настоящей публикации мы сосредоточим внимание на процессе формирования в сознании крестьянско-казачьего населения

Юга России образа ожидавшейся в 1927 г. советско-английской войны (ее хода и результатов), а также на факторах, влиявших на этот процесс.

Прежде всего, необходимо отметить, что образ войны формировался в сознании южнороссийских земледельцев путем получения информации о международных событиях из двух основных источников – советской периодики и слухов, циркулировавших в селах, станицах, хуторах. Хотя представители власти утверждали, что население к слухам «относится с недоверием, обращая больше внимания газетным сообщениям»¹, документы позволяют прийти к выводу о том, что именно слухи зачастую являлись основным информационным каналом получения сведений о грядущей войне. В одном из обзоров писем, поступивших в редакцию «Крестьянской газеты» летом 1927 г., без обиняков указывалось: «слухи о войне ползут по деревням»².

Общественное доверие сельского обывателя слухам объясняется рядом причин. Во-первых, в условиях взаимного недоверия власти и общества целые социальные группы и слои попросту отказывались доверять официальной прессе. Во-вторых, даже лояльные советской власти граждане не могли не замечать существенных различий между бодрыми газетно-журнальными публикациями и суровой действительностью; представители прессы по этому поводу признавались друг другу: «часто говорится, что в газетах пишут, что у нас все хорошо, а в жизни получается другая картина»³. В-третьих, далеко не в каждый сельский населенный пункт периодика поступала вовремя и в необходимых количествах (их жителям оставалось только сокрушаться по этому поводу, что «в темных уголках царит темнота»)⁴. Данное обстоя-

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 109.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 19.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 40.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 575.

тельство не только само по себе порождало массу слухов, но и подталкивало «бессознательное население»¹, «тесные захолустные массы народа»² прислушиваться именно к ним, а не к советской прессе.

Конечно, органы власти не сидели сложа руки и активно боролись с распространением слухов, тем более, что последние чаще всего носили явно антисоветский характер. Как утверждали осенью 1927 г. члены Донского окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края, «оформившееся здоровое и бодрое настроение основной массы бедноты и середняков, а также проведенные аресты контрреволюционных элементов на местах заставили кулаков и верхи казачества свернуть свою работу по линии распространения провокационных слухов. Кулачество в значительной мере притихло и в отдельных случаях анти-советский элемент ушел в подполье». Секретарь Ейского райкома ВКП(б) П.М. Горюнов, отличавшийся даром красноречия и хорошим чувством юмора, говорил тогда же, что в результате проведенных мероприятий «кулаки» и «контрреволюционеры» «стали бояться не только говорить [о войне], но даже днем при людях думать, а думают лишь только ночью, когда не спится»³.

Но тем не менее именно слухи формировали образ войны в сознании крестьян и казаков Юга России (как и всего населения СССР). В подавляющем большинстве слухов и пересудов о советско-английском конфликте говорилось как о неизбежном, а то и уже свершившемся факте. Здесь, впрочем, между официальными источниками информации и слухами не было заметных различий: только если в первых говорилось о скором начале боевых действий, то вторые зачастую внушали селянам, что война уже началась.

В частности, в Сальском округе распространялись слухи о том, что «якобы эмигранты казаки из-за границы пишут: «не шлите нам писем, мы находимся в походе. Николай Николаевич сконцентрировал 400.000 своих

войск и скоро выступит на Советскую Россию»⁴. В других случаях вождем наступавших белогвардейцев назывался почему-то А.Ф. Керенский, про которого говорили, что он, якобы, уже назначен президентом освобожденной от большевиков России⁵. Иногда крестьяне и казаки объясняли свои симпатии к бывшему главе Временного правительства чисто материальной заинтересованностью: «все крестьяне ждут Керенского, так как у них много керенских денег и если он придет, то все они станут богаты»⁶.

Характерно, что немало сельских жителей доверяло сведениям об уже начавшейся войне. Когда в станице Камышевской Романовского района Сальского округа Северо-Кавказского края председатель стансовета в своем докладе о международном положении не сказал об ухудшившихся отношениях СССР и Англии, казаки-реэмигранты И. Кострюков и В. Поляков закричали с места, «что доклад о международном положении сделан неверно, где же война, которая объявлена Англией и друг.[ими] государствами»⁷. Показателем уровня доверия южнороссийских земледельцев к получаемой информации о близости (или уже о начале) конфликта между СССР и Англией с ее союзниками являлись и участвовавшие случаи продажи домашнего скота. Так, в сводках ОГПУ Сальского округа отмечалось, что крестьяне и казаки сбывают на рынках рогатый скот и коней, оставляя себе кобылиц; делалось это с «целью, чтобы не забрали для войны»⁸.

Продажа скота, помимо прочего, свидетельствовала о том, что ожидавшаяся война воспринималась крестьянско-казачьим населением Дона, Кубани, Ставрополя и Терека вовсе не как легкая прогулка. Сельские жители, многие из которых прошли через Первую мировую и Гражданскую войны, хорошо понимали, что в современной войне важную роль играет техника, по чис-

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 580.

² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 577.

³ ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141.

⁴ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 103.

⁵ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 105.

⁶ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 136.

⁷ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 40.

⁸ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 41, 51, 82, 110.

ленности и качеству которой СССР заметно уступал западным державам. Земледельцы, на себе ощущавшие слабость советской промышленности, не способной снабдить их доступными и дешевыми сельхозорудиями и промтоварами, выражали законные опасения по поводу готовности Красной Армии к крупному конфликту. Сотрудники редакций центральных советских газет, анализировавшие содержание поступавших к ним крестьянских писем, констатировали: «о войне крестьян больше всего интересует, готовы ли мы к ней?»¹.

Нередко на этот вопрос сельские жители отвечали отрицательно. Например, летом 1927 г. казаки и крестьяне Сальского округа печально рассуждали, что «война теперь будет не такая как была раньше, теперь война будет воздушная, больше будут убивать», что «заграничные войска хорошо вооружены, у них масса оружия и большой морской и воздушный флот, а у Советской России, говорят, ничего нет, и она не в силах будет сражаться с заграничными войсками». Пессимизм южнороссийских хлеборобов не являлся чем-то уж очень уникальным. Летом 1927 г. в целом по стране «выявился массовый характер антивоенных настроений, перерастающих в пораженческие и охватывающих все слои общества», что, в конце концов, «заставило сталинское руководство отказаться от нагнетания военного психоза» [2, 26].

Впрочем, довольно значительная часть сельского населения Юга России была настроена весьма воинственно и, не отрицая технической слабости Красной Армии, все-таки выражала уверенность в достижении победы над Великобританией и ее союзниками. Бывшие «красные партизаны», которым, видимо, приходилось сталкиваться с интервентами во время Гражданской войны, невысоко оценивали боевые качества армии Соединенного Королевства, говоря, что они «сумеют дать должный отпор английским щеголям». Другие ветераны уповали на собственную лихость и доблесть, заявляя: «во

время гражданской войны мы и без всякого обучения побеждали и теперь нечего бояться – буржуям котелки отвяжем (головы отрубим)»².

Воинственный настрой бывших участников Гражданской войны подкреплялся речами советских «вождей», возлагавших большие надежды на «международную пролетарскую солидарность» и заверявших население в способности Красной Армии перенести войну на территорию противника. Осенью 1927 г. середняки Ейского района Донского округа Северо-Кавказского края, прослушав выступление народного комиссара по военным и морским делам, говорили: «Тов. Ворошилов в своей речи сказал «воевать будем, но не на своей территории[...], значит, завоевывать пойдем», «нам не только нечего бояться, а мы дело поставим таким образом, что от этого не только не потеряем, а выиграем»³. В Аксайском районе того же округа бедняки рассуждали о потенциале «пролетарской солидарности»: «Зря нас англичане пугают своими пушками, стреляющими на 200 верст, у нас и такие пушки есть, что на 5 тыс. верст стреляют (подразумевая под этим революционную пропаганду)»⁴.

Дабы поднять настроение сельского населения, во многих селах и станицах осенью 1927 г. были проведены показательные маневры и учебные бои, в которых участвовали не только красноармейцы-переменики из территориальных частей, но и часть местных крестьян и казаков, не состоявших на военной службе. Представители власти отмечали, что «зрителями было почти все население станиц и сел», давшее прошедшим маневрам положительную оценку. Бои «вызывали одобрение даже у стариков-казаков, высказывающихся в том духе «что большевики умеют не только говорить, но и дело делать»⁵.

Выше мы отмечали доверие бывших участников Гражданской войны к словам К.Е. Ворошилова. Надо сказать, что немало бывших

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 95, без нумерации.

² ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 106, 133.

³ ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 13, 13а.

⁴ ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 11а.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 141. л. 13а

«красных партизан» и демобилизованных красноармейцев с уважением и почтением относились к будущему «первому маршалу», иной раз обращаясь к нему в случае возникновения каких-либо проблем или конфликтных ситуаций (так, в сентябре 1927 г. «красные партизаны» станицы Ладожской Кубанского округа Северо-Кавказского края, недовольные тяжестью налогообложения, намеревались направить именно к Ворошилову делегата с жалобой [5, 581]). Соответственно, именно К.Е. Ворошилова многие крестьяне и казаки Юга России видели во главе Красной Армии в ожидавшейся войне с Англией.

В то же время ряд других героев Гражданской войны вызывал у населения неоднозначную реакцию. В частности, летом 1927 г. некоторые бывшие «красные партизаны» Егорлыкского района Сальского округа не лестно отзывались о легендарном командующем Первой конной армии, утверждая, что «Буденный закомиссарился, зажрался, что не узнаешь, отпустил брюшко, выглядит как купец и разговаривать с нами не хочет, а когда были на фронте, был хорошим товарищем», «через карьериста Буденного расстреляли Думенко», «Буденный в боях почти не участвовал, а благодаря карьеризму завоевал себе славу. Армию организовал и вдохновил Думенко, который имел 16 ранений, а Буденный как не участвовавший в боях не имеет ни одного ранения. В случае войны и если придется встретиться с Буденным, постараемся шлепнуть закомиссарившегося героя. Будучи в боях под руководством Думенко, мы не знали поражений, а Буденный привел [Первую конную армию] под Польшу – нас половину выбили»¹. Эти высказывания свидетельствовали о тяжелом разочаровании в идеалах революции, постигшем массу участников Гражданской войны по ее завершении. Многие из этих людей негативно воспринимали действительность эпохи нэпа и в отношении ожидавшегося конфликта с Англией проявляли пассивность или пораженческие настроения,

а то и желание посчитаться с «закомиссарившимися» представителями власти.

Итак, в 1927 г. в сознании сельских обывателей Юга России, как крестьян, так и казаков, складывался весьма противоречивый образ ожидавшейся войны с Великобританией и ее союзниками, что было обусловлено социально-экономической ситуацией в стране и особенностями взаимоотношений большевистского режима и советского общества. Немало южнороссийских хлеборобов проявляли обеспокоенность низким уровнем технического оснащения Красной Армии, заявляли о недовольстве ее командованием; многие опасались лишений, неизбежных в случае военного столкновения. Ведущим фактором в формировании сценарного образа будущей войны в сознании населения являлось отношение крестьян и казаков к советскому устройству, противники которого высказывали убежденность в неизбежном поражении СССР, а сторонники, напротив – уверенность в победе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. 168 с.
2. Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 1999. С. 23–29.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2-х ч. 1898–1953. Изд. 7-е. Ч. II. 1925–1953. М., 1953. 386 с.
4. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2-х т. Краснодар, 2002. 296 с.
5. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 томах Т. 2. 1923–1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. 590 с.
6. Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М., 1953. 284 с.

¹ ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 109.

УДК 94(47).084.8

Красноженова Е.Е.

Астраханский государственный университет

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

E. Krasnozhenova

Astrakhan State University

**SOCIAL POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC
WAR 1941-1945 (BASED ON MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные направления социальной политики, проводимой местными органами власти Нижнего Поволжья в военный период. Автором показаны особенности решения продовольственной и жилищной проблем населения региона, организации медицинского обслуживания, политики в области охраны материнства и детства, в отношении отдельных категорий населения Нижнего Поволжья: семей военнослужащих, эвакуированных, инвалидов войны. Несмотря на недостатки в работе местных органов власти, вызванные чрезвычайными военными условиями, главные социальные проблемы населения региона были в тех условиях в целом решены.

Ключевые слова: социальная политика, продовольственное снабжение, продовольственные карточки, нормы снабжения, санитарно-эпидемические мероприятия, жилищный кризис, материнство и детство, семьи военнослужащих, эвакуированные, инвалиды.

Abstract. This article discusses the main directions of social policy by local authorities in the Lower Volga region during the war period. The author shows the features of solving food problem, organizing medical services, protecting motherhood and childhood and other policies aimed at certain categories of the Lower Volga region population: military servants' families, the evacuated and disabled veterans. Despite shortcomings in the local authorities' work, caused by wartime conditions, the major social problems of the region's population were generally solved.

Key words: social policy, food supply, ration cards, rations, sanitary-epidemiological measures, housing crisis, motherhood and childhood, military servants' families, the evacuated, disabled people.

С началом Великой Отечественной войны обстановка в тылу потребовала решительных действий по обеспечению основных потребностей людей в социальной сфере. В особом внимании нуждались, в первую очередь, эвакуированные, инвалиды, многодетные женщины и семьи военнослужащих, мобилизованных на фронт. Социальная политика государства сконцентрировалась на таких направлениях, как продуктивное снабжение, поиск эффективных форм оплаты труда, совершенствование социального обеспечения и медицинского обслуживания, преодоление нехватки жилья, вызванное необходимостью размещения значительных масс эвакуированного населения.

В первые же дни войны был осуществлен переход от развернутой торговли к нормированному распределению продовольственных и промышленных товаров, что позволило в условиях резко сократившихся ресурсов обеспечить их экономное и целесообразное расходование, подчинить снабжение задачам обороны, гарантировать интересы населения. Это решалось посредством организации продажи продовольственных товаров на основе карточной системы. На основании решения ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 22 августа 1941 г. Сталинградским обкомом ВКП (б) было принято постановление «О введении карточек на хлеб,

сахар и кондитерские изделия в городах Сталинград, Астрахань и Камышин»¹.

Нормы снабжения были дифференцированы по социально-производственному принципу. Все городское население подразделялось на 4 группы: рабочие и приравненные к ним лица; служащие и приравненные к ним лица; иждивенцы и приравненные к ним; дети до 12 лет.

Самые высокие нормы снабжения были определены для «группы рабочих и приравненных к ним». При этом привилегированное положение в обеспечении продовольственными и промышленными товарами занимали руководители партийных, государственных, хозяйственных органов и организаций. В условиях тотального дефицита они получали не только продовольственные карточки по группе рабочих особого списка, но и литерные обеды, сухие пайки и хлеб дополнительно сверх карточной нормы по 200 гр. на одного человека с обедом в столовой. Для руководящих работников открывались специальные магазины, в которых были организованы секции по торговле хлебом, гастрономией, бакалеей, галантереей, промышленными товарами и столы предварительных заказов. Широкое распространение получили столовые закрытого типа, обслуживающие руководителей различных ведомств.

Рабочим 1 категории в Нижнем Поволжье отпускалось 800 гр. хлеба и столько же кондитерских изделий в день, для рабочих 2 категории – по 600 гр., служащим – 500-400 гр. хлеба и 600 гр. кондитерских изделий в зависимости от категории, иждивенцам и детям до 12 лет – по 400 гр.² В 1943 г. в связи с тяжелым продовольственным положением в городе Астраханский ГорКО снизил нормы выдачи хлеба и установил вместо 800 гр. – 600, вместо 600 гр. – 400, вместо 400 – 300 гр. хлеба³. 29 октября в список нормированных продуктов в Сталинграде включены

мясо, рыба, жиры, крупы и макаронные изделия⁴.

Принцип дифференцированного снабжения был положен и в основу обеспечения населения промышленными товарами. Так, для рабочих и инженерно-технических работников устанавливалась норма снабжения в 125 купонов-единиц, для служащих – в 100 купонов-единиц, для иждивенцев, включая детей и учащихся – в 80 купонов-единиц [3, 42].

В большой зависимости от организации системы снабжения оказались дети, инвалиды, эвакуированные, которые нуждались в особой поддержке государства. Забота о детях начиналась еще до их рождения – дополнительное продовольствие получали беременные женщины. Формы снабжения детей в Нижнем Поволжье были достаточно разнообразными, начиная от открытия молочных кухонь и заканчивая проведением летних оздоровительных мероприятий.

Специальные фонды для снабжения инвалидов Отечественной войны не выделялись, но для их обслуживания открывались специальные столовые и магазины, проводилась политика по их трудоустройству согласно постановлению СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г. [6, 67].

Существенную роль в продовольственном обеспечении городского населения сыграло коллективное и индивидуальное огородничество. Широкое развитие огородничества помогло городскому населению региона в какой-то степени избежать массового голода. Руководство страны и органы власти на местах придавали большое значение развитию индивидуального и коллективного огородничества, о чём СНК СССР и ЦК ВКП (б) принимали соответствующие постановления: «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного

¹ Государственный архив современной документации Астраханской области (далее ГАСД АО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 549. Л. 180-182.

² ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 549. Л. 180-182.

³ ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

⁴ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 2115. Оп. 3. Д. 19. Л. 334; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 686. Л. 66.

огородничества рабочих и служащих в 1944 г.» [4, 188; 7, 723; 15, 162].

Значительную роль в дополнительном обеспечении рабочих промышленных предприятий продовольственными товарами сыграли отделы рабочего снабжения (ОРСы), которые осуществляли торгово-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий. Однако не всегда снабжение рабочих было хорошо организовано. В течение двух месяцев питание рабочих астраханского автобронетанкового завода № 10 сводилось в своей большей части к свежей рыбе при полном отсутствии жиров. Вследствие этого имелся ряд случаев почечных и других заболеваний на почве сильного истощения¹.

В условиях войны заметно возросла роль общественного питания. Столовые, кафе, буфеты стали составной частью жизни и быта советских людей. К услугам общественного питания в Нижнем Поволжье приобщались многие группы населения: члены семей военнослужащих и инвалидов войны, дети, рабочие и др. В последний год войны была открыта сеть коммерческих ресторанов, столовых и магазинов. Об их состоянии и качестве обслуживания посетителей шла речь на VII пленуме Саратовского обкома партии [9, 86].

В военный период намного повысилось значение колхозной торговли как источника удовлетворения потребностей населения и важного фактора улучшения продовольственного положения городов региона. Состояние торговли Нижнего Поволжья иллюстрируют письма, адресованные местным органам власти региона. Так, на адрес Астраханского ГорКО поступило письмо следующего содержания. «...Кроме молока ничего на базаре нет...Цена от 30 до 40 руб. за литр. Табак у нас покупают спичечными коробками - 15 руб. коробка.»² Проверка торговых точек выявляла большие недостатки, завышение цен, обмер и обвес покупателей, продажу товаров «из-под прилавка», несоблюдение норм закладки продуктов в столо-

вых. Астраханским ГорКО 29 ноября 1941 г. было принято постановление «О состоянии торговли на рынках Астрахани и мерах борьбы со спекуляцией»³.

Жизнеобеспечение населения зависело от состояния социально-бытовой сферы. Война усугубила сложное положение здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства. В этих условиях комплекс санитарно-эпидемических мероприятий помог избежать осложнений санитарно-эпидемиологической обстановки.

Местными органами власти Нижнего Поволжья не раз принимались решения об обязательной дезинфекции военных и санитарных поездов, строительстве вошебоек, дезинфекционных камер, санпропускников для эвакуированных и раненых. Органы здравоохранения Нижнего Поволжья развернули профилактическую работу по борьбе с эпидемиями, возникавшими в военный период в регионе. В июле 1941 г. в Сталинградской области не доставало 17 госсанинспекторов, 11 врачей санэпидтанций⁴. В 1941-1942 гг. в Сталинградской области возникли локальные очаги заболеваний сыпным и брюшным тифом, малярией, цингой⁵. Зафиксирована вспышка заболеваний холерой, отмечен рост на 11 % инфекционных заболеваний, на 44 % смертности от инфекций среди жителей из-за ухудшения санитарно-бытового и медицинского обслуживания [8, 451]. Необходимость надежно оградить от эпидемий население страны вызвала к жизни постановление ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» от 2 февраля 1942 г. [13, 148].

В ходе боевых действий на территории Сталинградской области были уничтожены больницы, поликлиники, амбулатории, диспансеры, родильные дома, ясли, санэпидемстанции, молочно-контрольные станции, лаборатории. Острый недостаток лечебных

¹ ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 21

² ГАСД АО. Ф. 6. ОП. 1. Д. 1164. Л. 5-7.

³ ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

⁴ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-13.

⁵ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 7-12.

учреждений ставил перед государством задачи развертывания большого количества эвакуогоспиталей. К августу 1941 г. по стране было сформировано более полутора тысяч эвакуационных госпиталей на 658000 больничных коек [11, 41]. 7 июля 1941 г. ГКО по ходатайству медиков принял решение о создании в Нижнем Поволжье 1600 дополнительных госпиталей для лечения 750 тыс. раненых. Наличие на территории Сталинградской области двух медицинских институтов, 1330 врачей, 10800 больничных коек позволило организовать в эвакуогоспиталях оказание специализированной медицинской помощи [14, 122].

Работники здравоохранения Саратовской области к апрелю 1942 г. добились хорошего медицинского обслуживания больных и раненых в лечебно-профилактических учреждениях и эвакуогоспиталях (2-я Советская больница, госпиталь № 1691 г. Вольска, инфекционная больница им. Энгельса). Многие медицинские работники получили новые квалификации и овладели дополнительными специальностями. Более 2000 медсестер, санинструкторов и сандружинниц подготовил за военный период Вольский горком общества Красного Креста [1, 2].

В годы Великой Отечественной войны произошло крайнее обострение жилищного кризиса. Решение жилищной проблемы в военный период было основано на ряде решений центральных органов власти: постановлении ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства» от 23 мая 1944 г., СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» от 29 мая 1944 г. [2, 200]. Жилищный вопрос обострился в Нижнем Поволжье в связи с прибытием огромного количества эвакуированного и мобилизованного населения. Обеспечение этих категорий населения жильем проводилось с применением чрезвычайных мер. Они охватывали, прежде всего, использование имевшегося наличного

жилого фонда, а также зданий и помещений иного назначения. Вводилась система жесткого нормирования жилой площади. Производилось уплотнение жильцов и плановое перемещение нетрудоспособного городского населения для проживания в сельскую местность. Такие меры, обеспечивая наиболее рациональное с позиции общегосударственных интересов использование наличной жилой площади, по существу, не учитывали вместе с тем интересов конкретного человека.

В военные годы усиленное внимание начинает уделяться и индивидуальному жилищному строительству. Хотя государство постоянно отпускало кредиты индивидуальным застройщикам, однако, как свидетельствуют материалы архивов, выделяемые финансовые средства осваивались далеко не в полном объеме. Практически повсеместно срывались планы индивидуального жилищного строительства. Одновременно не прекращалась работа по улучшению коммунального обслуживания граждан. Большое внимание начинает уделяться к концу войны ремонту имеющегося жилого фонда.

Особое внимание в военный период было уделено таким социальным группам населения, как инвалиды войны, семьи военнослужащих и эвакуированные. Государство работало и осуществило множество мер по их социальной реабилитации, вовлечению в трудовую деятельность, лечебному, жилищно-бытовому и материальному обслуживанию. Отсутствие жилья и имущества в момент прибытия в Нижнее Поволжье ставили эвакуированных в худшие условия по сравнению с местными жителями. Дополнительная помощь в обеспечении продовольствием и товарами первой необходимости, оказываемая эвакуонаселению местными властями, лишь частично компенсировала эту разницу. Согласно постановлению СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» наряду с индивидуальным жилищным строительством, проводимым рабочими и служащими эвакуированных предприятий, было развернуто строительство жилых помеще-

ний упрощенного типа (общежитий, барачных, казарм, полуземлянок) для эвакуированных [5, 50; 12, 97]. Большинство прибывших были размещены, обеспечены необходимым и трудоустроены. Эвакуированному населению оказывалась единовременная денежная помощь. Так, в марте 1943 г. в Новоузенском и Базарнокарабулакском районах Саратовской области эвакуированным выплачено по 2000 руб., в Красавском – 5000 руб.¹

Однако уровень жизни значительной части эвакуантов, в силу объективно сложившихся обстоятельств, оказался ниже, чем у местных жителей. Но минимальные условия жизнеобеспечения были созданы, благодаря чему люди смогли выжить.

В условиях военного времени была осуществлена обширная программа обеспечения жизнедеятельности разных слоев общества. За годы войны матерям и детям были увеличены льготы в области медицинского обслуживания, материального обеспечения, организации отдыха. 8 июня 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства» [10, 4]. Отделами государственной помощи многодетным матерям Саратовской области к весне 1945 г. было выплачено государственного пособия многодетным и одиноким матерям на сумму 3457940 руб., в том числе 1649800 руб. единовременной помощи одиноким матерям. Орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» награждено 697 многодетных матерей, из них десяти многодетным матерям присвоено звание «Мать-героиня»².

Особое внимание приковывало воспитание детей фронтовиков. Для них была развернута сеть дошкольных детских учреждений: детские сады, ясли, площадки. Материально-бытовые условия жизни семей военнослужащих оставались тяжелыми, что иллюстрируют многочисленные жалобы, поступившие

на адрес местных чрезвычайных органов власти Нижнего Поволжья³.

В 1943 г. в Кировском районе г. Саратова 99 семьям военнослужащих предоставлена жилая площадь, 13 семьям сделан капитальный ремонт квартир. Кроме того, семьям фронтовиков оказывалась помощь в приобретении 1451 шт. хлопчатобумажных вещей, 111 пар валенок, 71 детских пальто, 122 пар детской и взрослой обуви. 1249 детей военнослужащих были устроены в детские дошкольные учреждения⁴. За весь военный период семьям фронтовиков в Саратовской области выплачено пособий и пенсий на сумму 27761945 руб.⁵

Таким образом, хотя в годы войны и не удалось построить в необходимом объеме жилье для эвакуированных, организовать труд, соответствующий возможностям инвалидов, допускались недостатки в работе с семьями военнослужащих, в целом главные социальные проблемы населения были решены.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Из сообщения председателя Вольского горкома общества Красного Креста «О подготовке санитарных кадров» // Цемент. 1945. 11 марта.
2. Постановление Государственного Комитета Обороны «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства» от 23 мая 1944 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6-ти т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.). 751 с.
3. Постановление Совнаркома СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июля 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6-ти т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.). 751 с.

³ ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1164. л. 5-7.

⁴ Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 6. Д. 45. Л. 21-22.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 470. Л. 67.

¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1738. Оп. 2. Д. 1078. Л. 137.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 470. Л. 62-63.

4. Постановление Совнаркома СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.» от 19 февраля 1944 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6-ти т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.). 751 с.
  5. Постановление Совнаркома СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13 сентября 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6-ти т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.). 751 с.
  6. Постановление Совнаркома СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6-ти т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.). 751 с.
  7. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» от 7 апреля 1942 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. Т. 2: 1929–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1957. 888 с.
  8. Постановление XI пленума обкома ВКП (б) о задачах Сталинградской областной партийной организации по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 января 1943 г. // Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Ю. Пищулина, Н.А. Горюнова. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2003. 486 с.
- Литература:*
9. Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во СГУ, 1976. 230 с.
  10. Горбунов А. Забота социалистического государства о матерях и детях. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. 28 с.
  11. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Знание, 1985. 304 с.
  12. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1982. 327 с.
  13. Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет... М.: Воениздат, 1990. 428 с.
  14. Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939–1945 гг. М.: Медицина, 1979. 526 с.
  15. Храмков Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Изд-во СГУ, 1973. 251 с.

УДК 433.93

Игнатов К.А.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКВЕ. ИЮНЬ 1941 – МАРТ 1942 г.

K. Ignatov

Moscow State Regional University

FEATURES OF JUNE 1941 – MARCH 1942 RATIONING SYSTEM INTRODUCTION IN MOSCOW

Аннотация. Статья посвящена особенностям введения карточной системы в Москве в период 22 июня 1941 – март 1942 гг. Проведенное исследование позволило выявить, что постепенный переход на карточную систему снабжения имел и определенный отрицательный результат. В период свободной продажи продовольствия было скуплено или расхищено большое количество продуктов питания, которые впоследствии появились на черном рынке. Проблемы с продовольственным обеспечением Москвы возникли не только в связи со сложной ситуацией на фронте, но и из-за низкой квалификации некоторых чиновников, ответственных за снабжение столицы, преступных действий ряда директоров магазинов и активной спекуляции продуктами.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, карточная система, Моссовет, продовольственное нормирование, спекуляция, дифференцирование норм, дефицит, пайки, продовольственная проблема.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of card system introduction in Moscow in the period from June 22, 1941 to March 1942. The conducted research has allowed the author to reveal that gradual transition to a supply rationing system had also certain negative result. In the period of free sale a large amount of food was bought or stolen by black marketers. The food supply problems in Moscow were caused not only by a complicated situation at the front, but also because of low qualification of some officials responsible for the food supply of the capital, criminal activities of a number of shop managing directors and profiteering of products.

Key words: food supply, card system, the Moscow City Council, food rationing, profiteering, differentiation of norms, deficit, ration, food problem.

Особое место в истории Великой Отечественной войны по праву занимает Московская битва. Победа в этом грандиозном сражении была обеспечена не только благодаря военному и полководческому превосходству Красной армии, но и благодаря экономическому потенциалу СССР.

Проблема продовольственного обеспечения населения столицы в условиях осадного положения занимает особое место в жизни населения города. Необходимость внесения существенных изменений в сложившуюся систему снабжения населения диктовалась, прежде всего, значительным сокращением производства в стране основных видов сельскохозяйственных культур. Огромный ущерб сельскому хозяйству нанесли непосредственно военные действия. Уже вскоре после начала войны врагу удалось временно захватить важные сельскохозяйственные районы. На территории, попавшей под оккупацию, до войны проживало до 40% населения страны, две трети которого составляли сельские жители. В этих районах находилось 47% посевных площадей, производилось свыше половины всей продукции земледелия и животноводства. В захваченном врагом регионе осталась часть ма-

териально-технических ресурсов сельского хозяйства. Производственные возможности советской деревни значительно сократились и составляли примерно половину того, что имелось перед войной. Валовые сборы важнейших сельскохозяйственных культур значительно отстали от предвоенного уровня. Так, валовый сбор зерновых культур в 1942 г. составил 29,6 млн.т. вместо 95,6 млн.т. в 1940 г., т. е. сбор в 1942 г. упал до 30,9% по сравнению с 1940 г [8, 260]. Уровень сельскохозяйственного производства снижался до 1943 г. включительно [3, 410].

Опыт в деле коренного переустройства общества, накопленный в мирные годы, широко использовался в процессе становления и совершенствования системы военно-хозяйственного планирования. В новых условиях оно осуществлялось главным образом на основе краткосрочного планирования. Планы годовые и поквартальные получали силу закона после утверждения их СНК СССР и ГКО, а в союзных и автономных республиках — их правительствами.

В Госплане СССР было сконцентрировано общегосударственное планирование производства и распределения всех ресурсов, через него осуществлялось на основе утвержденных ГКО и СНК СССР военно-хозяйственных планов централизованное распределение оборудования, металла, топлива, электроэнергии, продовольствия [8, 103].

Деятельность руководителей Москвы, с одной стороны, облегчалась тем, что они могли в любую минуту обратиться и получить помощь от вышестоящих властных структур (первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков был одновременно секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б)). С другой стороны, их работа осложнялась тем, что, находясь в непосредственной близости к Государственному Комитету обороны и ЦК ВКП(б), они получали массу дополнительных заданий и поручений, беря на себя функции центральных хозяйственных и административных органов [6, 32].

Изменялся принцип распределения продовольствия. Если в мирное время торговая

сеть руководствовалась спросом населения, то в военное время спрос заменялся учетом минимума потребностей и обеспечения в первую очередь тех контингентов граждан, которые выполняли заказы фронта. На смену децентрализации распределения пришла строжайшая централизация с расширением разумной инициативы местных организаций по заготовке продовольственных продуктов. Этим объяснялось, например, снижение фондов муки в Москве до 64,4% в 1941 г. и до 31,2% — в 1942 г.

Война заставила перейти от свободной торговли продовольственными товарами к нормированному, но гарантированному снабжению ими населения.

Нормирование продовольственных товаров было осуществлено в первые месяцы войны. 18 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление о введении карточек на продовольственные товары в Москве и Ленинграде, а также в городах и пригородах Московской и Ленинградской областей. К середине ноября 1941 г. карточная система на все виды основных продовольственных товаров была введена на всей территории СССР. Причем нормирование продуктов производилось постепенно: в июле — сентябре — на хлеб, муку, крупу и хлебобулочные изделия, а с 12 октября — на мясо, рыбу, изделия из них и жиры.

В связи с тем, что практически все население Москвы было вовлечено в производство оборонной продукции, обеспечение его продовольствием имело свою особенность: оно осуществлялось по повышенным нормам. Для дифференцированного подхода к распределению продуктов питания все население столицы было разделено на четыре группы:

- 1) рабочие и приравненные к ним;
- 2) служащие и приравненные к ним;
- 3) иждивенцы;
- 4) дети до 12 лет [5, 28-30].

Рабочие и служащие в зависимости от выполняемой работы, в свою очередь, делились на первую и вторую категории. К первой категории относились рабочие и инже-

нерно-технические работники, занятые на предприятиях оборонной, химической промышленности, цветной и черной металлургии.

Это подтверждает приложение № 2 к приказу Наркомторга СССР № 275 от 16 июля 1941 г. «Нормы снабжения населения г. Москвы и Ленинграда хлебом, крупой, макаронами, сахаром, кондитерскими изделиями, мясом и мясопродуктами, рыбой и рыбопродуктами и жирами» [14, 46], где дневная норма рабочих определялись не более – 800 г, служащих – 600 г, иждивенцев 400 г, детей до 12 лет – 400 г хлеба в день.

Но эти нормы не были постоянными. В зависимости от складывавшихся условий доставки и имеющихся запасов продовольствия они менялись. Например, в период развернувшегося сражения под Москвой, когда доставка продовольствия в столицу сократилась, исполком Моссовета снизил нормы хлеба по рабочим карточкам. Были сокращены нормы отпуска по карточкам и на другие продукты.

В Москве, как ни в каком другом городе, в годы войны существовала широкая дифференциация норм и видов снабжения. Это определялось главным образом многообразием отраслей народного хозяйства и теми задачами, которые стояли перед ними. Этим и объясняется то, что в ней в годы войны было введено 114 различных норм и видов снабжения.

В августе 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили мобилизационные планы на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., разработанные комиссией под председательством Н.А. Вознесенского.

В основе плана снабжения продовольствием лежали следующие требования:

- 1) экономное использование имевшихся ресурсов и резервов и четкий контроль за их учетом и расходованием;
- 2) организация снабжения населения продовольствием таким образом, чтобы ни одна социальная группа не выпала из поля зрения торговых организаций;
- 3) в организации снабжения населения

использовать дифференцированный подход для того, чтобы рабочие и инженерно-технические работники ведущих отраслей промышленности обеспечивались в первую очередь и по повышенным нормам;

- 4) изыскание дополнительных источников продовольственных товаров;

- 5) сохранение стабильности цен на продовольственные товары, чтобы на получаемую зарплату работник мог приобрести установленный минимум продовольственных и промышленных товаров [1, 241].

Эти требования полностью соответствовали подходу к организованному и дифференцированному обеспечению продовольствием населения в военное время. Паяк подлежал делению на категории по легкости или тяжести труда: умственный и конторский труд, физический, особо тяжелый, труд ударных групп рабочих, неработающие.

23 июля 1941 г. исполком Моссовета обсудил план мероприятий по выполнению постановления СНК СССР о введении карточной системы на продовольственные и промышленные товары. В целях своевременной выдачи карточек населению в отделе торговли исполком создал городское бюро, а в исполкомах райсоветов – районные и участковые бюро выдачи продовольственных и промтоварных карточек.

Карточки являлись документами строгой отчетности и выдавались бюро городского банка в соответствии с утверждаемыми исполкомом Моссовета лимитами на каждый месяц. Лимиты составлялись на основании персональных списков по группам и категориям обеспечения исполкомами райсоветов. Например, на декабрь 1941 г. исполком Моссовета утвердил такой лимит на продовольственные карточки: 908 тыс. – рабочим, 351 тыс. – служащим, 830 тыс. – иждивенцам, 366 тыс. – детям до 12 лет, а также лимит на молоко детям до двухлетнего возраста.

Начиная с 1942 г., исполком Моссовета на каждый месяц утверждал не только общий лимит на выдачу карточек, но и контингент лиц, которым предназначались эти карточки. Однако уже в октябре 1941 г. в Москве

отмечаются перебои в снабжении населения хлебом¹.

Моссовет стремился внедрять различные способы для экономного расходования продовольствия. В сентябре исполком своим постановлением ввел лимитные заборные книжки на выдачу продовольственных товаров детским садам, яслям, больницам, хозрасчетным столовым, буфетам и другим организациям, состоявшим на государственном снабжении, а также обязал городское бюро установить контроль за правильным расходованием отпускаемых продуктов. В связи с сокращением городского населения в декабре было принято постановление о временном сокращении продовольственных магазинов [1, 244].

30 октября 1941 г. вышло решение Моссовета о прекращении коммерческой торговли продовольственными и промышленными товарами. Решение обязало Отдел торговли Московского совета прекратить коммерческую торговлю продовольственными и промышленными товарами, используя коммерческие магазины для торговли среди городского населения по карточкам².

В результате недостатка продовольственных продуктов часть населения не получила по ноябрьским карточкам масла, мяса и сахара.

Решением Исполкома Моссовета 8 декабря 1941 г. в Москве была введена нормированная продажа соли и спичек. Норма выдачи на одного человека в месяц: соли – 400 (четыреста) грамм, спичек – 3 (три) коробки³.

В декабре создалось еще более обостренное положение с запасами продовольственных продуктов. Остатки мяса и птицы в Москве на 1 декабря составляли 1112 т (включая 860 т сальной свинины), тогда как в декабре было необходимо по установленным нормам снабжать население через магазины и пункты общественного питания в размере 4271 т мяса. Также были недостаточны запасы кру-

пы и макаронных продуктов: на 1 декабря их совокупный запас составил 2918 т, тогда как по ранее установленным нормам запас должен был составить 5343 тонн.

При потребности для г. Москвы в декабре месяце масла и жиров в размере 1639 т, на 1 декабря в Москве имелось масла и жиров только 201 т. Сахара и кондитерских изделий на 1 декабря в Москве осталось 135 т., тогда как по установленным нормам на декабрь месяц требовалось 2544 т сахара⁴.

У магазинов выстраивались длинные очереди. Однако дефицит объяснялся не только условиями военного времени. Значительная часть хлеба по разным причинам не доходила до прилавков, а оказывалась на рынках по баснословным ценам. Стоимость одной буханки сначала дошла до 200–250, а позднее и до 400 рублей! И это при том, что зарплата квалифицированного рабочего на военном заводе составляла 800 рублей в месяц. Чуть больше – ставку в 1080 рублей – имели профессора. Но ведь существовали и совершенно мизерные оклады. Так, технички и гардеробщицы получали всего 130 рублей. В то же время цена, к примеру, килограмма моркови на базарах в мае 1942 г. достигла почти 80 рублей [2, 234]!

Голод в Москве начал принимать столь масштабные размеры, что вынудил группу москвичей в феврале 1942 г. написать анонимное письмо председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому о голоде в столице, в котором жители Москвы писали о своем тяжелом положении и обвиняли руководство города в намеренном утаивании сложившейся ситуации перед руководством страны⁵.

Руководители в Москве полностью осознавали продовольственную проблему, назревшую в городе, что видно из доклада первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова на пленуме МК и МГК ВКП(б) 6 декабря 1941 г.

¹ Центральный архив города Москвы (далее ЦАГМ). Ф. 150. Оп. 1. Д. 739а. Л. 112, 114.

² ЦАГМ. Ф. 115а. Оп. 1. Д. 735. Л. 29.

³ ЦАГМ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 738. Л. 105.

⁴ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 52. Д. 10. Л. 113–114.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ? Оп. 43а. Д. 3312. Л. 68–70.

С особой остротой был поставлен вопрос о бережном расходовании продуктов и о беспощадной борьбе с мародерами и преступниками, со всеми теми, кто расхищает и безрассудно растрчивает продукты питания.

А.С. Щербаков потребовал ввести в отношении мародеров, жуликов и воров беспощадный террор. Добиться того, чтобы каждый, кто намерен участвовать в расхищении продуктов питания, знал, что в случае, если он попадется, пощады ему не будет и что с такими людьми будут поступать со всей жестокостью военного времени.

В ноябре месяце был выявлен ряд фактов, которые свидетельствовали о том, что в Москве происходит крайне незначительная торговля продовольствием, и, прежде всего, хлебом. Торгующие организации продавали хлеб без карточек, по запискам, по спискам, не задумываясь о последствиях. Сотни тонн хлеба безрассудно распродалась при прямом попустительстве Горторготдела. Обнаружено было отсутствие сколько-нибудь серьезного учета талонов продовольственных карточек или отчетности.

При карточной системе на продукты особенно повысилась роль Городского отдела торговли. Но в работе этого отдела и его руководителя были выявлены серьезные недостатки и недочеты. Горторготдел систематически допускал путаницу при объявлении талонов на выдачу тех или иных продуктов. Нередко вслед за распоряжением об этих выдачах издавались поправки и дополнения, иногда в этот же, а иногда на другой день, которые сводили на нет ранее изданные распоряжения¹.

На пленуме МК и МГК ВКП(б) 6 декабря 1941 г. были вскрыты существенные недостатки в снабжении населения хлебом. Пленум обязал Моссовет и райсоветы усилить контроль за работой торговых организаций.

Руководствуясь решениями пленума, Моссовет принял ряд мер, реализация которых помогла улучшить организацию обеспечения москвичей продовольствием.

Прежде всего была организована проверка расходования хлеба торговыми организациями и приняты меры, направленные на недопущение злоупотреблений. Был усилен контроль за правильным распределением и четким отовариванием карточек, что также помогло значительному сокращению расхода хлеба. Так, если в ноябре расход хлеба для населения составил 1458 т, то в декабре – 1296 т.

Все выше сказанное говорит о том, что, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые властью по контролю за сохранением и распределением продуктов питания в столице, ситуация, связанная со снабжением Москвы в период с октября 1941 г., была близка к критической.

Проблемы с продовольственным обеспечением Москвы возникли не только в связи со сложной ситуацией на фронте, но и из-за низкой квалификации некоторых чиновников, ответственных за снабжение столицы, преступных действий ряда директоров магазинов и активной спекуляции продуктами.

В систему снабжения были положены принципы максимально экономного использования имевшихся продовольственных ресурсов, контроль и жесткий учет их расходований. Основные особенности черты системы снабжения продовольствием – это охват снабжением всех социальных групп населения, не занятых в сельскохозяйственном производстве, дифференцирование норм и условий снабжения для различных категорий населения, увеличение размеров и доли местных децентрализованных ресурсов продовольствия.

По существу спрос населения был заменен системой государственного учета его минимальных потребностей, удовлетворение которых и становилось задачей государственных и хозяйственных органов. Однако в условиях войны и это не удалось осуществить в полной мере. Тем не менее плановый характер советской экономики, концентрация в руках государства основной массы продовольствия позволили обеспечить на протяжении всего периода войны достаточно надежную и ус-

---

¹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 27. Л. 18-32.

тойчивую для экстремальных условий, системе снабжения населения [4, 16].

Вместе с тем стоит отметить, что постепенность в переходе на карточную систему снабжения имела и свой отрицательный результат. В период свободной продажи продовольствия было скуплено или расхищено большое количество продуктов питания, которые впоследствии появились на черном рынке и стали недоступны для подавляющего большинства москвичей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алещенко Н. М. Московский Совет в 1941–1945 гг. М.: Наука, 1980. 160 с.
2. Зефилов М. В., Дегтярев Д.М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009. 416 с.
3. История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. 718 с.
4. Кожурин В.С. Неизвестная война. Деятельность советского государства по обеспечению условий жизни и труда в годы Великой отечественной войны. М., 1990. 287 с.
5. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой отечественной войны. М., 1968. 231 с.
6. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. 744 с.
7. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. 475 с.
8. Советский тыл в первый период Великой отечественной войны. М., 1988. 424 с.

УДК 94(470 1/6) «19»

Колокольчикова Р.С.

Череповецкий государственный университет

**«МЛАДШИЙ БРАТ» VS «ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК»:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СТРОЙКАХ
ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В 1970-е – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.**

R. Kolokolchikova

Cherepovetz State University

**“YOUNGER BROTHER” VS “IDEOLOGICAL OPPONENT”:
EXPERIENCE OF INTERACTION AT BUILDING SITES OF NORTH
RUSSIA INDUSTRIAL CITIES IN 1970S – MID 1980S**

Аннотация. В статье речь идет об общих и специфических чертах взаимодействия советских строителей с гражданами Народной Республики Болгарии и Финляндии на международных новостройках промышленных городов Европейского севера России; показаны мотивы, которыми руководствовались партнеры, заключая международные контракты; выявляется влияние международных новостроек на демографические процессы, градообразование, атмосферу повседневности в районе новостроек, анализируются проявления идеологического противостояния участников международных проектов.

Ключевые слова: промышленный город, интернациональная новостройка, миграция, идеологический противник, политическая бдительность, повседневность.

Abstract: This article deals with the general and specific terms of the interaction between Soviet builders with the citizens of the People's Republic of Bulgaria and Finland at international building sites of industrial cities in the European North of Russia. The author is interested in the motives of partnership in signing international contracts, reveals the impact of international building on demographic and city-making processes and the way of life, as well as ideological confrontation of international partners in the areas under consideration.

Key words: industrial city, international building site, migration, ideological opponent, political vigilance, daily routine.

Индустриальные города – одна из самых многочисленных среди типологических групп городских поселений на Европейском севере России. Начав формироваться в ходе индустриализации в годы первых пятилеток, эта группа поселений получила мощный градостроительный импульс в середине 1960-х – середине 1980-х гг. в связи с реализацией в регионе больших программ промышленного строительства общесоюзного значения. В эти годы крупные народнохозяйственные объекты возводились на территории «старых» промышленных городов (например, в Череповце, Соколе, Сегеже, Мончегорске), позволяя завершить там формирование градообразующей основы, давая, в связи с реконструкцией и расширением градообразующих производств, возможность пережить некоторым промышленным городам «второе рождение». Другие народнохозяйственные объекты, меняя картину городского расселения на территории Европейского севера России, возводились на «чистом месте», вблизи рабочих поселков, позволяя этим поселениям получить статус города (например, Апатиты, Новодвинск, Костомукша, Коржма).

На фоне многочисленных новостроек промышленных городов региона выделялись проекты, ставшие сферой международного сотрудничества. Интернациональной новостройкой

© Колокольчикова Р.С., 2012.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. ГК П 360.

являлось строительство третьей очереди Архангельского целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) и города Новодвинска (до 1977 г. – поселок Первомайский) в соответствии с межправительственным соглашением СССР и Болгарии в период с 1970 по 1975 г. включительно, а также строительство горно-обогатительного комбината (ГОКа) и г. Костомукши на северо-западе Карелии, в неосвоенной местности, в 40 км от советско-финской границы, в соответствии с подписанным советско-финским межправительственным протоколом, в период с 1974 г. до середины 1980-х гг. За все время осуществления советско-болгарского проекта в новостройке в поселке Первомайском приняли участие примерно 8 тыс. граждан НРБ [2, 36]. А на Костомукшском проекте в пиковый период трудилось одновременно около 4 тыс. граждан Финляндии [4, 185].

Сюжет, которому посвящена статья, несмотря на большое внимание исследователей в последние десятилетия XX – начале XXI вв. к истории городов, в том числе и к истории индустриальных городов региона, специально не рассматривался [1; 4; 5; 6; 7].

Целью данной статьи является выявление общих и специфических черт во взаимодействии советских строителей с финскими и болгарскими партнерами на международных стройках региона; изучение влияния интернациональныхстроек на процессы градообразования, на повседневность в районе новостроек.

Необходимость заключения международных контрактов диктовалась, с одной стороны, дефицитом трудовых ресурсов на Европейском севере России, стремлением советского правительства путем покупки рабочей силы продолжить освоение природных богатств региона. В то же время данные соглашения были обусловлены политическими мотивами: контракт с Болгарией укладывался в русло политики углубления экономических связей, интеграции соцстран в рамках СЭВ, а контракт с Финляндией должен был продемонстрировать особые доверительные отношения СССР с капиталистической

Финляндией. С другой стороны, соглашения с СССР давали возможность НРБ и Финляндии использовать сырьевую базу Европейского севера России: Болгария получала надежный источник поставки с Архангельского ЦБК целлюлозы, бумаги, картона, а Финляндия – поставки с Костомукшского ГОКа железорудного концентрата для обеспечения нужд металлургии. Кроме того, интерес Финляндии к Костомукшскому проекту определялся возможностью обеспечить занятость населения в районах Финляндии, примыкавших к территории карельской новостройки, а особенно населения провинции Кайнуу, страдавшей от хронической безработицы и испытывавшей отток населения [2, 6; 3, 97].

Несмотря на то, что сотрудничество СССР осуществлялось с государствами, принадлежавшими к различным общественным системам, и предполагало принципиально иные основы взаимоотношений советской стороны с «младшим братом» – социалистической Болгарией и «идеологическим противником» – капиталистической Финляндией, взаимная заинтересованность СССР, Болгарии и Финляндии в успешном решении поставленных практических задач на советских стройплощадках на первое место во взаимоотношениях СССР с партнерами позволяла делать ставку не на идеологические разногласия и предубеждения, а на общие экономические и политические интересы на новостройках. Данное обстоятельство предопределило формирование в поселках Первомайском и Костомукше схожих тенденций демографического, социокультурного характера, общих черт в повседневности. В одних случаях эта общность и схожесть в районе советско-болгарской и советско-финской новостроек усиливалась, в других – выглядела менее выразительно, что определялось различными возможностями, иными подходами стран-участниц проектов к решению тех или иных проблем.

Международный характер новостроек в поселках Первомайском и Костомукше обеспечил этим населенным пунктам миг-

рационное притяжение. Так, несмотря на относительно высокий естественный прирост населения в поселке Первомайском, в период советско-болгарского сотрудничества на строительстве третьей очереди Архангельского ЦБК население поселка увеличивалось преимущественно за счет механического прироста, формируясь из переселенцев самых разных регионов страны, из сельской местности, малых городов ¹. А в Костомукше, строившейся в неосвоенной местности, на начальном этапе реализации советско-финского проекта за счет миграции формировалось более 90% населения поселка ².

На интернациональные новостройки поселков Первомайского и Костомукши, в отличие от обычных новостроек других промышленных городов региона, не направлялся спецконтингент – заключенные, условно освобожденные и условно осужденные. Основной мотив такой практики был высказан в письме первого секретаря Карельского обкома КПСС И.И. Сенькина и председателя правительства Карелии А.А. Кочетова председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину в сентябре 1978 г.: «Подобная совместная работа <...> («спецконтингента» и иностранцев – Р.К.) может привести к нежелательным контактам» ³. Международная стройка в Костомукше должна была являть собой «витрину» социализма, где проходит «передний край» идеологической борьбы. А интернациональная стройка третьей очереди Архангельского ЦБК – это опыт взаимодействия болгар с трудящимися первой в мире страны победившего социализма, что налагало большую ответственность на советских строителей за те впечатления, которые они произведут на «младшего брата» – болгарских товарищей. Отсутствие «спецконтингента» на международных новостройках стало причиной благополучной криминогенной

обстановки на территории строящихся городов, которая выгодно контрастировала с состоянием преступности на территории других промышленных городов региона.

Международные новостройки обеспечили поселкам высокие темпы роста численности населения, которые существенно опережали среднеобластные, среднереспубликанские показатели, а также показатели роста численности населения в других, в том числе промышленных городах региона, но не имевших на своей территории интернациональныхстроек. Например, население г. Новодвинска в период между переписями (1970-1979 гг.) увеличилось на 139,1%, тогда как, например, в г. Архангельске – на 112,4%, а в целом по Архангельской области – на 4,7%⁴.

Время осуществления советско-болгарского и советско-финского проектов – это период осуществления больших градостроительных программ в районах новостроек, наиболее высоких темпов жилищного строительства, интенсивного строительства объектов соцкультбыта, когда в основном сформировалась пространственная среда Новодвинска и Костомукши. Так, в Первомайском в 1971 г. при плане 24 819 кв. м жилой площади было сдано 35 515 кв. м., а в 1975 г. план жилищного строительства здесь был перевыполнен на 15 тыс. кв. м ⁵.

Люди, приезжавшие на международные новостройки с разных концов СССР, иностранные граждане вносили своеобразие в атмосферу повседневной жизни населения строящихся городов. На стройплощадках, улицах, повсюду звучала разноязычная речь, присутствовала особая атмосфера приподнятости, оптимистического настроения. Она определялась многими факторами: молодостью, активностью большинства строителей, их готовностью преодолевать трудности; почти нереальной в других условиях возможностью знакомства и общения с иностранцами, сотрудничества с ними, а также высокими

¹ Государственный архив Архангельской области (далее: ГААО). Ф. 1892. Оп. 22. Д. 8790. Л. 3; Д. 10423. Л. 48; Оп. 24. Д. 1473. Л. 40; Д. 2298. Л. 73.

² Костомукшский муниципальный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11а. Л. 9.

³ РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 7107. Л. 435-437.

⁴ ГААО. Ф. 1892. Оп. 24. Д. 5703. Л. 2, 3.

⁵ Архивный отдел администрации г. Новодвинска. Ф. 47. Оп. 1. Д. 317. Л. 45; ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1094. Л. 10.

темпами строительства как градообразующих предприятий, так и собственно градо-строительства, когда строители каждый день видели результаты своего труда, преобразовывая северный край.

Несмотря на то, что властные структуры стремились ограничить общение советских рабочих и специалистов с болгарскими и особенно финскими коллегами рамками сотрудничества на стройплощадках и официальными мероприятиями, однако неизбежное неформальное общение советских граждан с иностранцами в труде и в быту давало возможность познакомиться с иным образом жизни, соприкоснуться с другой культурой, иными ценностями, что разрушало стереотипы, формировавшиеся советской пропагандой, такие, как, например, наиболее расхожий пропагандистский штамп о капиталистической эксплуатации человека труда, в частности, в капиталистической Финляндии. На международной стройке появлялась возможность некоторого критического взгляда, например, на строительную практику в СССР, на цели развития советского общества и пути их достижения. Случалось, что неформальное общение советских граждан с иностранцами перерастало в личную дружбу, а взаимная привязанность юношей и девушек в интернациональные семьи. Например, в мае 1973 г. в составе болгарских строителей трудилось 510 семей, из них 136 семей – смешанные, брак в этих семьях был зарегистрирован в СССР¹. Регистрировались и советско-финские браки. Например, в 1983-84 гг. в Костомукше было зарегистрировано 8 браков с иностранцами [3, 136].

Характерной чертой повседневной жизни строителей на интернациональных новостройках региона являлась насыщенная и разнообразная культурная жизнь. Как международные проекты строительство Костомукшского ГОКа и третьей очереди Архангельского ЦБК были отнесены к «особым объектам», и их культурное обслуживание находилось под контролем соответственно

Карельского и Архангельского обкомов партии. Лучшие исполнители, творческие коллективы республики, области (театральные, филармонические) выступали перед строителями. Широкое распространение получило «культурное шефство». В качестве шефов выступали профессиональные творческие коллективы: театральные, филармонические; музеи изобразительных искусств столичных городов; творческие союзы писателей, художников; профессиональные киностудии; редакции литературных журналов, издательств и т. п.

Общие черты в повседневных практиках участников интернациональных новостроек, в демографических процессах на территории городов-новостроек и в самой их атмосфере определялись, прежде всего, общностью экономических интересов на стройплощадках стран-участников, отчасти идеологическими мотивами, а также тем, что эти новостройки были именно международными проектами. Специфические же черты новостроек в Костомукше и в поселке Первомайском диктовались, в первую очередь, отсутствием, как это было при реализации советско-болгарского проекта, или наличием, как это было при выполнении советско-финского проекта, идеологических противоречий между СССР и партнером, принципиальными отличиями общественно-политических систем, представленных на северных новостройках. Социалистическая и капиталистическая системы предлагали собственные, присущие только им общественные ценности, принципы организации труда и быта. В отличие от финских партнеров, которые заблаговременно, уже на организационно-подготовительном этапе строительства Костомукши в избытке подготовили рабочих и специалистов по требуемым специальностям, способных качественно и в срок выполнять необходимые работы, советская и болгарская стороны в полной мере этого не сделали, многие советские и болгарские рабочие использовались не по специальности. Профессиональная подготовка особенно болгарских рабочих не отвечала в первые месяцы строительства

---

¹ ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 821. Л. 51.

предъявляемым требованиям, многие, прибывшие из НРБ на строительство третьей очереди Архангельского ЦБК, не имели строительных специальностей, требуемой квалификации, что приводило к невыполнению норм выработки и браку¹. Для оказания помощи «младшему брату» в быстрейшем приобретении профессиональных навыков в болгарские бригады из числа передовых рабочих треста № 4 стали назначаться инструкторы, часть рабочих НРБ была распределена по бригадам советских строителей, практиковалось курсовое обучение болгар строительным специальностям в учебном пункте треста № 4 «Главрхангельскстроя»².

В отличие от финских строителей, которые работали в Костомукше вахтовым методом и имели возможность на выходные дни ездить домой к семье, болгары в поселке Первомайском жили постоянно в течение всего срока контракта, который заключался, как правило, на один год, часто в отрыве от семьи и близких, в условиях ненадежной телефонной связи. Несмотря на то, что администрация и общественные организации треста № 4 стремились помочь болгарским рабочим и специалистам преодолеть проблемы и трудности, быстрее адаптироваться к суровым условиям северной новостройки, выделяя им лучшие благоустроенные общежития, квартиры, организуя в столовых и кафе, обслуживающих болгар, приготовление блюд болгарской национальной кухни и т. п., проблемы и разочарования, трудности, неизбежные на новом месте вдали от родины, по крайней мере, первое время, вызывали у многих работников из НРБ стрессовые ситуации. Нередко стресс снимался при помощи крепких спиртных напитков, следствием чего являлись случаи нарушения трудовой дисциплины, прогулы. Анализ трудовой дисциплины советских и болгарских рабочих за период 1971-75 гг. показал, что по количеству прогулов, потерь рабочего времени из-за прогулов, рабочие НРБ не уступали советс-

ким, а иногда опережали их³. При этом производительность труда советских рабочих была выше, чем у болгар, а среднемесячная зарплата ниже: политические соображения брали верх над экономическими, при начислении зарплаты «младшему брату» делалось снисхождение⁴.

В Костомукше, где соприкасались противоборствовавшие общественные системы, тем более в период очередного витка холодной войны и в приграничной зоне, советская пропагандистская машина должна была всеми доступными средствами доказывать преимущества социализма, советского образа жизни. Если на территорию поселка Первомайского в период осуществления советско-болгарского проекта допускалась нерегулируемая миграция, то в районе Костомукшской новостройки нерегулируемая миграция исключалась. К трудовым ресурсам, направляемым на строительство ГОКа и Костомукши, предъявлялись требования на уровне критериев, которым должны были соответствовать советские граждане, выезжающие за границу в турпоездку или на работу. Со всеми советскими гражданами, прибывающими на Костомукшскую новостройку, работники КГБ КАССР проводили беседы о правилах проживания в пограничной зоне, поведении с иностранцами, о необходимости повышать политическую бдительность [4, 125-126; 158-161].

Под усиленным идеологическим контролем находился репертуар советских исполнителей, творческих коллективов, выступавших перед финскими строителями, репертуар субтитрированных на финский язык советских кинофильмов. Главным здесь было не столько художественное достоинство произведения, сколько идеологическое содержание. Так, с апреля по декабрь 1981 г. к показу финнам было рекомендовано шесть субтитрированных советских фильмов, три из которых с характерными названиями «Ленин в Октябре», «Рассказы о Ленине»,

¹ ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 821. Л. 53, 55; Д. 121. Л. 29.

² ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 821. Л. 53, 79-80.

³ ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1094. Л. 30.

⁴ ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 821. Л. 14, 54; Д. 816. Л. 1-2; Д. 1094. Л. 30.

«26 бакинских комиссаров»¹. Об атмосфере недоверия, идеологического противостояния в районе Костомукшской новостройки свидетельствует выступление депутата поселкового Совета Костомукши Бикбаева Т.Р. на сессии депутатов в июне 1978 г.: «Территория нашего поселкового Совета является пограничным районом. Население поселка ежедневно встречается с финскими гражданами <...>, вступает в контакты с финнами в период совместных работ. Факты говорят о том, что среди финских рабочих имеют место случаи, когда на нашу территорию они завозят фотографии, газеты и журналы с антисоветскими высказываниями <...>, произведениями <...> отщепенцев с клеветой на Советский Союз. Отдельные финские граждане ведут среди советских граждан антисоветскую пропаганду, вплоть до склонения к измене Родине. Таких рьяных поборников капитализма мы лишаем права въезда на нашу территорию, отбираем пропуска, а через погранкомиссариатский аппарат требуем недопущения впредь подобных фактов»².

Однако практика повседневной жизни в районе Костомукши делала напрасными усилия советских идеологических работников: контрасты в условиях труда и быта советских и финских трудящихся сводили усилия идеологических работников по контрпропаганде к нулю. Председатель ЦК профсоюзов рабочих строительства и промстройматериалов И.А. Ланшин в ноябре 1978 г. констатировал: «В ходе ознакомления со строительством объектов Костомукшского ГОКа отмечена резкая разница в уровне бытового обслуживания советских и иностранных специалистов. Все финские рабочие и служащие в количестве 3,5 тыс. человек обеспечены жильем, современным комплексом санитарно-бытового, коммунального и медицинского обслуживания. В их распоряжении имеется спортивный зал на 800 мест, библиотека, помещение для кружковой работы, хорошо налажено питание и торговля. Для наших,

работающих на комбинате в количестве более 2 тыс. человек, имеются небольшие продовольственный и промтоварный магазины, медпункт (без врача), столовая на 60 мест, баня на 25 мест, средняя школа. В поселке нет клуба, поликлиники, детского сада, пекарни, парикмахерской, гостиницы. Для получения необходимых элементарных услуг и медицинской помощи надо ехать за 250 км. Регулярное автобусное сообщение с районным центром пос. Калевала и ст. Ледзеро отсутствует...» [4, 156].

И все же, несмотря на трудности и проблемы, существовавшие в районе интернациональных новостроек, повышенное внимание к международным проектам правительства и первых лиц государств-участниц проектов, соединение опыта советских и иностранных строителей, монтажников, их слаженная работа, взаимопомощь и трудовое соперничество, применение наиболее совершенных индустриальных методов строительства, позволили придать новостройкам необходимый размах, обеспечить хорошие темпы строительства, качество работ. В условиях характерного для СССР изучаемого периода долгостроя, международные новостройки в Карелии и Архангельской области стали исключением. Первый пусковой комплекс третьей очереди Архангельского ЦБК был сдан с опережением плановых заданий³. Учитывая, что строительство первой очереди Костомукшского ГОКа осуществлялось опережающими темпами, Совет Министров СССР в июне 1980 г. принял решение о приближении сроков сдачи в эксплуатацию последующих очередей комбината. В итоге все три очереди ГОКа были построены на один год раньше, чем это планировалось с начала строительства комбината⁴. Советско-болгарский и советско-финский проекты не являлись для СССР проектами коммерческими, однако опыт, приобретенный в ходе советско-болгарского, советско-финского сотрудничества, заложил основы для дальнейшего развития многогранных партнерских отно-

¹ Архив Костомукшского ГОКа. Д. 333. Л. 34.

² Костомукшский муниципальный архив. Д. 1-1. Л. 97.

³ ГААО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1094. Л. 10.

⁴ РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 13206. Л. 181-182.

шений Архангельского ЦБК с Болгарией, Костомукшского ГОКа – с Финляндией, а также другими зарубежными странами, способствовал лучшей восприимчивости населения Новодвинска и Костомукши к новациям последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеева Е.Ю. Город как социокультурное образование. Н. Новгород, 2004. 212 с.
2. В рабочем родстве. О совместном труде советских и болгарских строителей третьей очереди Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. Архангельск, 1976. 130 с.
3. Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. История Костомукши. Петрозаводск, 1997. 222 с.
4. История Костомукши. Документы и материалы. Петрозаводск, 1994. 367 с.
5. Колокольчикова Р.С. Череповец как феномен индустриального города (сер.1960-х – сер.1980-х гг.). Череповец, 2009. 275 с.
6. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003. 286 с.
7. Феномен индустриального города в контексте истории. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 6-8 октября 2011. Череповец. Череповец, 2011. 195 с.

УДК 94(470)

Малкова И.Г.

Южно-Уральский государственный университет (филиал в г. Миассе)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ УРАЛА

I. Malkova

The Miass Branch of South Ural State University

CULTURAL SPACE TRANSFORMATION OF THE URAL CITIES

Аннотация. На основе разноплановых источников анализируются общие закономерности и региональные особенности развития культурного пространства городов Урала в 1990–2000-е гг. В русской культурной традиции музей и театр занимают особое место, являясь духовной, нравственной, художественной основой общества. Доказательством особого положения учреждений культуры является то, что здания театра и музея выступают топографическим центром города. В статье особое внимание уделено развитию музеев, театров и организованной деятельности горожан по преобразованию пространства городов, дается подробная характеристика социокультурного развития промышленно развитых областей Урала.

Ключевые слова: культурное пространство города; музей; театр; промышленно развитые области Урала.

Abstract. Based on diverse sources the paper analyzes the general patterns and regional peculiarities of cultural space development of the Ural cities in 1990 – 2000-s. Museum and theater occupy a special place as spiritual, moral, artistic and even topographic center of the Russian city. The article focuses on the development of museums, theaters and citizens' organized activities to transform city's recreational zones giving a detailed characteristic of social and cultural development of the industrialized regions of the Urals

Key words: city's cultural space; museum; theater; industrialized regions of the Urals.

Анализ организованной деятельности людей в преобразовании того или иного места, его пространства – одно из актуальных направлений изучения культуры. Выявление общих

© Малкова И.Г., 2012.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-11-66004 а/У РГНФ.

закономерностей и региональных особенностей культурного пространства городов Урала в широких хронологических рамках позволят восполнить научные знания по данной проблеме, осмыслить современное состояние городской среды и перспективы ее развития как один из важнейших факторов устойчивого социокультурного прогресса в регионе. Актуальность исследования определяется также практическим использованием опыта городов Урала по выработке стратегии их развития в современных условиях.

С точки зрения социальных наук, городское культурное пространство – сфера функционирования городской культуры как сложной самоорганизующейся подсистемы механизма городского устройства, основная функция которой состоит в воспроизводстве и обновлении городского образа жизни. Городское культурное пространство характеризуется рядом количественных и качественных показателей. К количественным показателям относятся: величина городского населения, размеры и возраст города, число учреждений культуры (учебные заведения, библиотеки, информационные центры, театры, музеи, кинотеатры, дворцы культуры и т. д.); к качественным: статус города (районный центр, областной центр, столица), развитость социальной инфраструктуры, разнообразие социального состава городского населения. Основываясь на комплексном анализе названных показателей, можно судить о таких характеристиках городского культурного пространства, как степень его разнообразия/однообразия, интегрированности/дезинтегрированности, динамичности/статичности.

Культурное пространство города в узком смысле слова – это вполне реальное физическое пространство, на котором располагаются конкретные учреждения культуры – библиотеки, музеи, театры и т. д.

Целью данной работы явилось выявление тенденций, общих закономерностей и региональных особенностей развития музеев и театров в городах Урала в историко-культурном пространстве постсоветской России в 1990–2000-е гг.

В рамках рассматриваемого периода на Урале, как и по всей России, проходят не только радикальные социально-экономические, но и культурные преобразования. Переход к рыночной экономике, гражданскому обществу, демократии, многопартийности сопровождался глубокими изменениями в сфере культуры. Трансформации подверглись финансово-экономические, правовые, административно-управленческие условия функционирования институтов культуры. Все это позволяет выделить рассматриваемый период в особый период в истории России.

Территориальные рамки исследования – Пермская, Свердловская и Челябинская области. Это наиболее развитые районы Урала не только в промышленном, но и в социокультурном отношении.

В русской культурной традиции музей и театр занимают особое место как духовный, нравственный, художественный и даже топографический центр города. Город без музея и театра воспринимается как бы социально неполноценным.

К 1960 г. только треть уральских городов имела музеи. Например, в Свердловской области из 39 городов «музейными» были только 10. «Театральными» городов было и того меньше. Из 87 городов промышленных областей Урала театры имели всего 15 городов [3].

Такое положение не удовлетворяло жителей городов. В 1960–1970-е гг. по инициативе общественности, «снизу», идет интенсивное создание музеев в школах, учебных заведениях, на предприятиях, и каждый город стремится стать «музейным». Но в эти же годы проводилась жесткая политика центральных органов власти, ограничивавших создание новых сетевых единиц учреждений культуры, увеличение музейной сети происходило в основном за счет возникновения новых филиалов. Так, в Пермской области количество музеев за 15 лет (с 1970 по 1985 гг.) увеличилось на 4 единицы, при этом областной краеведческий музей имел 9 филиалов¹. В Челябинской области количество

---

¹ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.Р-484. Оп.1.

государственных музеев с 1960 по 1980 гг. увеличилось на 3 единицы [10, 214]. Но на общественных началах были открыты музеи почти во всех городах Челябинской области, кроме Усть-Катава, Карталов и Юрюзани, где музеи появились в 1990-е гг.

Несмотря на инициативу горожан, сформировавшаяся к 1980-м гг. официальная музейная сеть уральских городов не отвечала реальным потребностям населения и не соответствовала тому богатейшему историко-культурному наследию, которым обладает Урал. В Пермской области отсутствовали учреждения музейного типа в населенных пунктах, имеющих статус «исторических» (г. Очер, г. Оханск, г. Чермоз), в крупнейших промышленных центрах (г. Лысьва, г. Кизел, г. Горнозаводск). Крайне слабое развитие получили специализированные профильные музеи. В городах, как правило, отсутствовали литературные, искусствоведческие, естественнонаучные музеи. В 1980-е гг. обеспеченность музеями населения Урала составляла 67% к уровню РСФСР [4, 32].

Новым этапом в развитии музейной сети, когда ее расширение было обусловлено многими факторами, в числе которых – появление больших политических возможностей у региональных и местных органов власти в деле учреждения любой организации культуры, по праву можно считать 1990-е гг. Следует отметить распространенную в то время практику перевода многих ранее существовавших общественных и ведомственных организаций музейного типа в статус муниципальных учреждений культуры. Практически все подобные музеи имели уже сформированные собрания и определенный опыт работы с населением территорий [3, 92].

За период с 1991 по 2005 гг. музейная сеть Урала выросла более чем в 3 раза и включала в себя 230 музеев, в том числе и филиалы. Лидирующее положение в этом отношении занимала Свердловская область, количество музейных учреждений которой составило почти половину от этой цифры – 108 организаций [6], на Челябинскую область приходи-

лось порядка 71¹, а на Пермскую – 51². Свердловская область вошла в число тех регионов нашей страны, которые обладают наибольшим количеством открытых музеев, включенных в государственную сеть, и на сегодняшний день по числу музейных институций она занимает третье место. Но, несмотря на наличие на Урале достаточно разветвленной сети музеев, налицо их сравнительно небольшой ассортимент и явная диспропорция по типам, что выразилось, главным образом, в преобладании комплексных музеев (историко-краеведческих, историко-архитектурных, этнографических). Лишь небольшая часть учреждений музейного типа приходится на художественные, литературные, естественнонаучные, археологические и научно-технические учреждения.

В новых исторических и социальных условиях существовавшие ранее традиционные виды деятельности музеев показали свои слабые стороны, прежде всего – морально устаревшие музейные экспозиции и изжившие себя методы работы с населением.

С 1990-х гг. музеи Урала начинают использовать в своей практике интерактивные способы работы с посетителем разных возрастных категорий, организуют различные праздники, театрализованные представления, мастер-классы, конкурсы, фестивали, акции и прочее. Например, на базе Объединенного музея писателей Урала (г. Екатеринбург) создан и действует Камерный театр. Архитектурно-этнографический музей «Хохловка» (Пермский край, с. Хохловка) проводит такие театрализованные представления, как «Проводы Масленицы» и «Праздник Ивана Купала». Нытвенский краеведческий музей организовал театр исторических миниатюр, а Пермский краеведческий музей (с 2007 г. – Пермский краевой музей) устраивал различные новогодние мероприятия [2, 106].

В постсоветский период наряду с традиционными формами работы с населением

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 1589. Оп.1. Д. 3099. Л. 10.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 927. Оп.1. Д. 2654. Л. 25.

в музейные учреждения на смену просветительской приходит культурно-образовательная деятельность. В связи с этим начался процесс интенсивного развития музейной педагогики и создания в ряде музеев Урала специальных структурных подразделений, ориентированных на поиск и внедрение инновационных форм общения со зрителем на музейном материале, разработку и реализацию музейно-педагогических программ, а также на стремление наладить определенную систему сотрудничества со всеми структурами образования. Таким образом, музей становится важным социальным элементом в культурной жизни города и соучастником процесса становления личности ребенка. Наличие в деятельности музея педагогической составляющей создает благоприятные условия для активного развития творческих способностей и формирования индивидуальности молодого посетителя.

Реализация музейно-образовательных программ имела место во многих уральских музеях, в том числе и в Пермской государственной художественной галерее, где на протяжении нескольких лет успешно осуществлялся проект «Детский сад–школа–галерея» [5, 54], а реализация программы «Здравствуй, музей!» оказала воздействие на организацию образовательного процесса в дошкольных и общеобразовательных учреждениях. Культурно-образовательные программы активно использовались в Челябинской областной картинной галерее (Челябинский областной Музей искусств), Челябинском областном краеведческом музее, Копейском краеведческом музее, Уфалейском краеведческом музее, в музеях Верхнеуральска, Варны, Нязепетровска, Сатки, Златоуста и других городов¹. Центры музейной педагогики и музейные классы были созданы в Свердловском областном краеведческом музее, Музее истории Екатеринбурга, Екатеринбургском музее изобразительных искусств и некоторых других музеях.

Ярким примером плодотворного сотрудничества музея и школы является проект

Пермского областного краеведческого музея «Детский поэтический театр», существующий с 2003 г. [7, 113]. Распространенной практикой в области культурно-образовательной деятельности также стала организация краеведческих лагерей для школьников, как, например, в Ордынском и Чердынском музеях (проект «Возвращение к истокам»)². Начиная с 1990-х гг. в учреждениях культуры Урала проводятся социально значимые проекты, ориентированные на взрослых и детей с ограниченными возможностями. Таковы, например, программы Краснокамского краеведческого музея – «Открытый музей для открытого мира» и «Увидеть мир на ощупь», рассчитанные на посетителей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и с ослабленным зрением [7, 105]. Ярким примером новаций в музейной сфере также является проект «Ночь музеев» – часть европейской акции «Долгая ночь в музее».

Любой городской музей способен глубоко и полно охарактеризовать отношение горожан к своему городу. Когда в городе появился музей, в каком здании он находится, что представлено в его залах – этих сведений может быть достаточно, чтобы оценить развитость/неразвитость культурного пространства города.

Театральная модель, по которой театры работали практически до 1990-го г., представляла собой жестко централизованную систему. Театральная жизнь в любом областном городе представляла собой в сжатом виде модель, выстроенную в столичных городах. «Высшим» во внутренней театрально-иерархической структуре был театр оперы и балета. Второе место в иерархической таблице занимал драматический театр. Непременной и необходимой структурой в системе государственных театров были театры для детей и театры кукол.

Эта жесткая модель была представлена во всех промышленных областях Урала. В каждом областном центре был театр оперы и балета, драматический и театр для детей. На-

¹ ОГАЧО. Ф. 1589. Оп.1. Д. 3175. Л.12.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 927. Оп.1. Д. 2654. Л. 25.

именьшим разнообразием театров отличалась Челябинская область, где данная модель присутствовала в минимальном виде.

В послевоенные годы были установлены нормативы обеспеченности городов учреждениями культуры. Так, например, город с населением 150 тысяч человек и более должен был иметь кукольный театр; от 200 тысяч человек – кукольный театр и театр юных зрителей; от 250 тысяч человек – кукольный, ТЮЗ и драматический театр; от 500 тысяч человек – кукольный, ТЮЗ, драматический и музыкальный театры [8, 202].

Фактически в городах Урала эти нормативы не были реализованы официальной властью. В послевоенный период население городов Урала увеличилось в разы, но количество театров оставалось практически неизменным. В Свердловске (Екатеринбурге) за целых полстолетия (1930–1980-е гг.) при бурном росте города не открылся ни один новый театр¹.

Исследования по изучению потребностей и пожеланий трудящихся Среднего и Южного Урала в сфере культуры, проведенные под руководством Л.Н. Когана в 1966–1972 гг., показали, что для уральцев именно театр является одним из главных учреждений культуры города. В прогнозе отмечались следующие тенденции развития театра: необходимость создания театров в выросших за последнее время городах, с тем расчетом, чтобы каждый город с населением 80 тыс. и более имел бы свой театр; рост доли музыкальных театров (опера, балет, оперетта); необходимость резкого развития сети передвижных театров для обслуживания городов и районов, не имеющих своего театра [1].

Прогноз 1970-х гг. в отношении перспектив театра в равной мере и подтвердился и не подтвердился. В рамках инерционных, эволюционных изменений в обществе и культуре (на что он и был рассчитан) прогноз оказался предвестником того «театрального бума», который возник в конце 1980-х гг. По-

добно тому, как «оттепель» ассоциируется с популярностью поэзии, начало перестройки может соотноситься с бумом интереса к театру в условиях падения цензуры. Однако переход к рынку и коммерциализация культуры сказались на развитии театра сложно и противоречиво.

Пик посещаемости театров приходится на середину 1980-х гг., когда на каждую тысячу населения было зафиксировано свыше 440 посещений. В 1990-е гг. падение средних показателей посещения уральского театра шло примерно теми же темпами, что и на общероссийском уровне.

Начиная с 1990-х гг. регионализация культурной политики, расширение прав региональных и муниципальных органов власти привели, несмотря на все экономические трудности, к дальнейшему развитию сети государственных театров практически всех жанров. Наблюдается процесс развития театральной сети «снизу», по инициативе местных органов власти. Театры возникают, как некие творческие организмы, вписанные в местную локальную социокультурную среду. При выборе учреждений культуры, требующих первоочередной материальной поддержки со стороны местных органов власти, половина опрошенных челябинцев назвали театры, т. е. в сознании большинства горожан именно театр в конце 1990-х гг. ассоциировался с храмом культуры, который нужно сохранить несмотря ни на что [4, 129].

Дотационное и многозатратное театральное хозяйство оказалось менее всего приспособленным к условиям рынка; недостаток бюджетных средств и ухудшение материального положения театров привели к значительному уменьшению числа новых постановок и практическому прекращению гастрольной деятельности. Падение посещаемости и числа постановок происходило на фоне роста количества самих театров, что является особенностью процесса диверсификации в этой отрасли культуры.

Возросло жанровое многообразие театров. Например, в Челябинске появились камерный театр, театр современного танца. Расши-

---

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 111. Д. 613. Л. 115.

рились формы подчиненности театров: это и театры федеральной формы собственности, и муниципальные: городские, районные, и даже появился один частный кукольный.

Число театров в Челябинской области увеличилось с 5 (1950 г.) до 12 (2000 г.). Новые театры открылись в Челябинске и Магнитогорске, но театральных городов в Челябинской области не стало больше [10, 214].

По официальным данным Министерства культуры РФ за 2000 г. [9], в промышленно развитых областях Урала существовал 31 театр (на 102 города).

В генеральных планах многих городов Урала в 1960-е гг. было заложено строительство театра. Несмотря на общее увеличение количества театров в 1990–2000-е гг., театральных городов кардинально, как уже отмечалось, не стало больше. Театр остался не реализованной мечтой уральского города.

В 1960–1970-е гг. культурное пространство городов Урала включало небольшое число обязательных учреждений культуры: в каждом городе были хотя бы одна городская библиотека для взрослых и детей и несколько клубных учреждений. Но для самих горожан такой «набор» культурных учреждений являлся явно недостаточным. По инициативе горожан, «снизу», идет интенсивное создание музеев, и практически каждый город промышленно развитых областей Урала к 2010 г. становится «музейным». Стать «театральными», несмотря на общее увеличение количества театров, города Урала не смогли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вишневецкий Ю.Р. Прогноз Л.Н. Когана о развитии учреждений культуры до 2000 года и современность // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 51. С. 60-73.
2. Информационно-аналитический сборник / Департамент культуры и искусства администрации Пермской области. Пермь, 1999. 198 с.
3. Малкова И.Г. Культура городов Урала (вторая половина XX века): учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. 139 с.
4. Малкова И.Г. Преодоление стереотипов (социокультурное развитие промышленно развитых областей Урала в 1980–1990-е гг.) (монография) // Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 177 с.
5. Мартынов И.Н. Художественный музей и задачи построения региональной модели взаимодействия культуры и образования // Человек в мире культуры. Материалы республиканской научно-практ. конф. 27–28 мая 1997 г. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1997. С. 53-56.
6. Музеи Свердловской области: Справочник. Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2006. 198 с.
7. Музей в культурном пространстве XXI века: формирование культурно-исторического наследия имиджа регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2008. 234 с.
8. Сорочкин Б. Тридцатые годы: укрощение театра // Театр между прошлым и будущим. М., ГИТИС, 1989. С. 202-213.
9. Театры Российской Федерации в цифрах за 2000 год. М.: Минкультуры РФ, 2001. 110 с.
10. Челябинской области – 70: Стат. сб. / Челябинскстат. Челябинск, 2004. 575 с.

УДК 009

Минаков С.В.

*Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма («АПРИКТ») (г. Москва)*

**ПРАВОСЛАВНЫЕ РОССИЯНЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. И КУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ ГРАЖДАН
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

S. Minakov

Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism, Moscow

**ORTHODOX RUSSIANS IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT: HISTORICAL CHANGES OF THE SECOND HALF
OF THE 20TH CENTURY AND MODERN RUSSIA CITIZENS' CULTURAL
ATTITUDES (BY EXAMPLE OF THE PERM REGION)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме зависимости социально-экономического развития от культурных установок граждан. В связи с этим рассматриваются некоторые характерные черты миропонимания россиян, которые во многом стали следствием исторических перемен второй половины XX в. В частности, анализируется влияние православия на представления о социокультурном развитии России. Свои теоретические позиции автор конкретизирует на примере Пермского края, анализируя результаты материалов, проведенного им опроса жителей всего региона.

Ключевые слова: история современной России, модернизация, культурные факторы развития, православие, культура современной России, православная церковь и государство.

Abstract. The article deals with the problem of dependence of socio-economic development on the citizens' cultural attitudes. The author considers some characteristics of Russian ideologies which were largely formed due to historical changes in the second half of the 20th century. In particular, the impact of orthodoxy on the cultural development of Russia is analysed. The author's theory is supported by the Perm region resident survey data.

Key words: modern Russian history, modernization, cultural development, orthodoxy, the culture of modern Russia, the Orthodox Church and the State.

В настоящее время в общественном сознании россиян заметен рост авторитета православной религии. Её влияние на духовно-нравственный облик человека оценивается положительно [6]. Утверждается представление, что православная церковь может и должна внести свою лепту в формирование нравственно здорового российского общества. При этом имеется в виду использование её как высокоэффективного, уникального, но, конечно, не единственного средства, а наряду с образованием, экономикой, социальными рычагами [7].

В связи с поиском форм и средств сотрудничества в деле нравственного воспитания актуальным является исследование деятельности церкви по формированию духовно-нравственных основ личности, изучение опыта сотрудничества церкви и государства в этой сфере [2]. Требуется осмысление методов, эффективных в условиях современной России, стабилизирующейся как социально-экономическая система, ориентированная на модернизацию [1].

С этой целью было проведено исследование влияния церкви на общество, в задачи которого входило выявление того, каким именно внутренним духовным состояниям и потреб-

ностям современного человека отвечает православие [5], какие ценностные установки оно формирует, каким образом они соотносятся с задачами экономического развития.

Исследование проводилось в Пермском крае; была составлена анкета, в которую включались вопросы относительно степени духовной грамотности людей, религиозной активности (воцерковленности), активности в делах милосердия и вообще исполнения заповедей Божьих, а также отношения к таким базовым ценностям как Отечество, образование (светское и духовное), культура, труд, семья.

В связи с тем, что Пермский край – русскоязычный регион (85,2 % населения – русские) и православие исповедует большая часть населения (73,3 %), исследование по определению степени религиозной активности (духовно-нравственного уровня) и отношения к традиционным ценностям проводилось среди православного населения Пермского края.

Так как городское население в Пермском крае преобладает над сельским (в Пермском крае проживает всего 2708419 чел.; из них городское население составляет 2021673 чел., сельское – 686746 чел.), то анкетирование проводилось среди городского населения¹. В качестве исследуемых, были взяты города с населением свыше 30 тыс. чел.²

Всего было опрошено 3400 человек: в г. Перми имеется семь районов (Дзержинский, Индустриальный, Кировский, Ленинский, Мотовилихинский, Орджоникидзевский, Свердловский), в каждом районе было опро-

шено по 200 человек – всего 1400, и в остальных 10 городах также было опрошено по 200 человек – всего 2000.

Для статистической достоверности в каждом городе выборка производилась в соответствии с генеральной совокупностью данного города. Городское население было поделено на три группы: 1-я, до 16 лет (группа моложе трудоспособного возраста); 2-я, от 16 до пенсионного возраста: 54 года – у женщин, 59 лет – у мужчин (группа трудоспособного возраста); 3-я, пенсионного возраста (старше трудоспособного)³. Генеральная совокупность всего края: 1-я группа – 16,9% (575/555 опрошенных), 2-я группа – 63,3 % (2152/2167 чел.), 3-я группа – 19,8% (673/678 опрошенных) (через дробь указана погрешность перевода в проценты и наоборот).

Анкетирование проводилось в 1-й группе среди старшеклассников, во 2-й группе – среди рабочих и служащих трудовых коллективов, в 3-й группе среди пенсионеров (в том числе работающих)⁴.

³ По данным Росстата в Перми 1-я группа составляет 15 % (210-ть опрошенных), 2-я – 64,3 % (900 опрошенных), 3-я – 20,7 % (290 опрошенных). В Березниках: 1-я группа – 16,1% (32 опрошенных), 2-я – 63,6 % (127 опрошенных), 3-я – 20,3% (41 опрошенных). В Кунгуре: 1-я группа – 16,4% (33 опрошенных), 2-я – 63,6 % (127 опрошенных), 3-я – 20% (40 опрошенных). В Соликамске: 1-я группа 16,9% (34 опрошенных), 2-я – 65,2% (130 опрошенных), 3-я – 17,9% (36 опрошенных). В Добрянке (данные по району): 1-я группа – 17,2% (34 чел.), 2-я – 63,9% (128 чел.), 3-я 18,9 % (38 чел.). В Краснокамске (данные по району): 1-я группа 17% (34 чел.), 2-я 62,2% (124 чел.), 3-я 20,8% (42 чел.). В Лысьве (данные по району): 1-я группа 17,4% (34 чел.), 2-я 60,8% (122 чел.), 3-я 21,8% (44 чел.). В Чайковском (данные по району): 1-я группа 17,4% (35 чел.), 2-я 64,4% (129 чел.), 3-я 18,2% (36 чел.). В Чернушке (данные по району): 1-я группа 20,1 % (40 чел.), 2-я 63,3% (127 чел.), 3-я 16,6% (33 чел.). В Чусовом (данные по району): 1-я группа 16,4% (33 опрошенных), 2-я 61,8% (123 чел.), 3-я 21,8% (44 чел.). В Кудымкаре: 1-я группа 17,8% (36 чел.), 2-я – 64,9% (130 опрошенных), 3-я 17,3% (34 чел.).

⁴ При оценке анкетирования результаты его в районах г. Перми были сложены вместе, т. к. население города мобильно, проживая в одном районе, может посещать и духовно окормляться в храме другого района, поэтому район проживания в данном случае не имеет значения (т. е. нельзя сказать, например, что в данном районе города население менее благочестивое,

¹ Здесь и далее вся статистика приводится по данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. См.: Статистический ежегодник: Муниципальные образования Пермского края, социально-экономические показатели, Пермь 2008 г.

² Таких набралось 11: Пермь (985,8 тыс. чел.), Березники (164,9), Соликамск (96,2; с районом – 113918), Чайковский (82,6; с районом – 108654), Лысьва (68,1; с районом – 82303), Кунгур (68,1; с районом – 114585), Краснокамск (52,6; с районом – 70467), Чусовой (48,9; с районом – 72700), Чернушка (36,3; с районом – 52248), Добрянка (35,7; с районом – 61433), Кудымкар (30,8; с районом – 58405).

Результаты анализа этого материала сравнивались и практически всегда подтверждались данными Федеральной службы статистических исследований (Росстатом). При анализе привлекались данные о рождаемости, смертности, преступности, трудовой занятости населения, сведения о количестве браков, разводов, культурных учреждений, среднего размера заработной платы в городах края и др. Использовались также данные Пермского епархиального управления о количестве храмов и духовно-просветительских методических центров, воскресных школ при храмах. По результатам проведенного исследования был отмечен низкий уровень духовного образования. Уровень религиозной активности был ниже среднего, а духовно-нравственный уровень – средний и ниже среднего. Отмечен высокий уровень патриотических настроений, интерес к культуре – выше среднего уровня. Выявлен большой интерес к светскому образованию и средний и ниже среднего к духовному образованию. Только 38,6% считают для себя необходимым получение духовного образования. 58% респондентов полагают, что духовное образование необходимо получать в школе, а также в школе и при храме. Ценность трудолюбия у респондентов выборочной совокупности оказался выше среднего в целом. Однако 51% опрошенных в своей профессиональной деятельности не думают о пользе для ближнего (т. е. рассматривают свою работу как средство приобретения материальных благ для себя и своей семьи), что подтверждают низкие показатели по благотворительной деятельности. Отчасти это понятно, так как средний материальный уровень жизни респондентов довольно низкий. Было установлено, что отношение респондентов к семье (уровень семейных ценностей у опрошенных) – ниже среднего.

Одним из итогов исследования, важным для рассмотрения вопроса о чертах ментальности современных православных россиян, влиянии церкви на духовно-нравственное

потому что храмов здесь меньше).

состояние общества было обнаружено зависимость между уровнем духовно-нравственного благополучия по городам региона и числом жителей на каждый храм в исследуемых городах.

По данным Росстата об уровне преступности в городах Пермского края видно, что самая низкая преступность в Кунгуре, где больше всего храмов, затем идет Чернушка, Чайковский (также лидер по количеству храмов на количество жителей), Кудымкар и Добрянка. Выше остальных преступность в Лысьве, Березниках, Перми, Чусовом, Краснокамске, что соответствует низкому уровню обеспеченности храмами населения. Несоответствие обеспеченности храмами уровню преступности в Чусовом, свидетельствует, возможно, о низком влиянии духовенства Чусового на местное население.

По данным исследования, в группу лидеров по показателям духовно-нравственного благополучия чаще попадали Кунгур, Чернушка, Добрянка, Чайковский, в группу аутсайдеров: Лысьва, Чусовой, Краснокамск, Березники. Причиной попадания Лысьвы в группу аутсайдеров является, возможно, самая низкая заработная плата (11 место) в регионе из изучаемых городов (однако Кунгур по зарплате занимает 9 место из 11-ти, но 1-е место по уровню духовно-нравственного благополучия).

В Лысьве после Перми зарегистрировано самое большое число случаев наркобизнеса (96 случаев), затем идут Березники (79) и Чусовой (72). В Лысьве, Березниках и Чусовом тяжелейшее положение в регионе по наркозависимости среди местных жителей. По уровню безработицы Лысьва и Краснокамск на 2-ом месте. В Лысьве также высокий уровень безработицы (однако по заявленной предприятиями потребности в работниках Лысьва стоит на 5-м месте, т. е. рабочие места есть, но люди работать не идут). О неблагоприятной ситуации в этих городах так же свидетельствуют показатели смертности. На 1000 человек первое место по смертности занимает Чусовой, 2-е место – Лысьва, 3-е место делят Краснокамск и Кудымкар. По

естественному приросту последние места занимают: 11-е – Чусовой (-6,5% потерял жителей Чусовой в 2008 г.), 10-е – Лысьва (-5,6%), 9-е – Краснокамск (-4,5%) [8].

Последним был прямой вопрос, требовавший осознанной оценки роли религии: Какую роль играет религия в современном обществе? К нему прилагались варианты ответов: 1 – большую созидательную, 2 – небольшую, но конструктивную, 3 – небольшую, но разрушительную, 4 – большую разрушительную, 5 – затрудняюсь с ответом. Ответы распределились следующим образом: 1) 32% – большую созидательную, 2) 49% – небольшую, но конструктивную, 5) 19% – затрудняюсь с ответом.

Представляется, что результаты исследования склоняют к выводу о том, что, всё-таки религия играет большую созидательную роль. Она влияет, прежде всего, на душу человека, но также и на его материальное бытие (собственно, сохраняет его бытие в принципе), а вот влияние Церкви на народ недостаточное. Неблагополучная духовно-нравственная ситуация (в таких, например, городах, как Лысьва, Чусовой и Краснокамск) приводит к вымиранию населения в этих городах. Можно предположить, что положительные показатели духовно-нравственного состояния (например, Кунгур, Чернушка и Добрянка) является результатом лучшей обеспеченности местного населения храмами, а также большой работы, которая проводится местным духовенством и активными мирянами с населением. В этих городах созданы духовно-просветительские центры по работе со всеми категориями граждан.

Духовно-нравственный уровень жителей Пермского края можно оценить как средний, а по отдельным показателям – как ниже среднего (соответственно зарегистрирована низкая степень воцерковленности респондентов). Причиной этого является и тот факт, что на сегодня 38% пермского духовенства вообще не имеют духовного образования [4], а подавляющая часть верующих – это “неофиты”, обратившиеся к вере в Бога в последние годы [7].

Вместе с тем исследование показало, что наблюдается постепенное увеличение доли убежденных верующих в структуре религиозного населения Пермского края. С 1993 по 2003 гг. она выросла более чем в три раза и к настоящему времени составляет около 30%. Данная тенденция говорит о возрастании религиозной стабильности в регионе. В крае имеется достаточно высокий уровень доверия населения к церкви. Он составляет 62,9% и значительно превышает уровень доверия к радио и телевидению, к прессе, правоохранительным органам, профсоюзам и другим общественным и государственным структурам [7].

Материальная обеспеченность верующих несколько хуже среднего. Среди верующих сохраняется высокий уровень одиноких, семейно неустроенных граждан, лиц с тяжелыми жилищными условиями, больше пенсионеров, инвалидов, домохозяек, временно не работающих граждан и других малообеспеченных групп населения. В итоге почти три четверти состава религиозного населения на сегодня живут от зарплаты до зарплаты, часто занимают в долг на самое необходимое. Уже покупка одежды составляет для них трудности. Соответственно, 27,5% религиозных респондентов определяют материальное положение своей семьи как плохое и очень плохое. В религиозной вере они находят психологическую поддержку [6]. Но независимо от своей конфессиональной принадлежности, верующие проявляют большее терпение перед лицом тяжких материальных и психологических трудностей [5].

Вопреки объективным трудностям жизни, религиозная практика позволяет верующим сохранять оптимистичный жизненный настрой. Две трети религиозных граждан заявляют на сегодня, что испытывают нормальное, ровное и даже хорошее настроение. Оценивая свое жизненное положение, 87,8% среди верующих заявляют, что “все не так плохо, и жить можно”. Или же “жить трудно, но можно терпеть”. 61,9% этих лиц с уверенностью и надеждой смотрят в “завтрашний день”. Эти данные свидетельствуют, что взгляд на жизнь у верующих более оптимис-

тичный, чем у нерелигиозных граждан. 47,0% верующих считают, что страна развивается в правильном направлении, две трети (66,9%, что выше уровня нерелигиозных граждан) поддерживает курс на продолжение экономических реформ в стране.

На обыденном уровне церковь стала одним из компонентов в структуре повседневности современных россиян, серьезно воздействуя на их мировоззрение. Статистически подтверждается, что люди рассматривают православие как «нравственную и духовную основу общества» [3, 3]. Это предполагает понимание церкви как важного социокультурного института, интегрирующего общество на основе духовно-нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 300 с.
2. Вертинский А.В. Факторы духовности современного светского образования // Доклад на Феофановских чтениях. Пермь, 2006. С. 25-37.
3. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 22-23 января. ИТАР-ТАСС 28.01.2011. Радонеж, 2011. № 2 (220). С. 3.
4. Доклад епископа Пермского и Соликамского Иринарха // Проблемы и перспективы развития духовного (пастырского) образования в Пермской епархии. Август, 2009 г.
5. Минаков С.В. Избери жизнь. Исследование духовно-нравственного состояния жителей Пермского края в условиях современного кризиса. Пермь, Светоч №1 (14), 2010. 60 с.
6. Писманник М.Г. Верующие России сегодня // Религия в изменяющейся России. Материалы Российской научно-практической конференции. 2002. Т. 2. Пермь, 2002. С. 58-67.
7. Писманник М.Г. К анализу религиозности в Пермском крае // Материалы Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения. Будущее России: стратегии развития», 14-15 дек. Пермь, 2005. С. 72-90.
8. Статистический ежегодник: Муниципальные образования Пермского края, социально-экономические показатели. Пермь, 2008. 350 с.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ XVIII ВЕКА

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

CULTURAL HERITAGE CONSERVATION IN THE 18TH CENTURY STATE POLICY CONTEXT

Аннотация. Автор показывает, что в XVIII в. культурное наследие стало использоваться как инструмент «сочинения истории» Российского государства. Основными направлениями деятельности государства в этой сфере в XVIII в. были следующие: учет архивных дел, исторических документов и рукописей, сбор и учет особенно ценных артефактов, контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую ценность. Однако система государственной правовой охраны культурного наследия России была сформирована позднее.

Ключевые слова: культурное наследие, государственная власть, государственная политика, политическая реформа церковно-государственных отношений, имущественное управление, правовая охрана.

Abstract. The author proves that in the 18th century cultural heritage began to be used as an instrument of making up the Russian state history. The main steps of the state in this direction were accounting of archival records, historical documents and manuscripts; collecting and recording valuable artifacts; controlling the restoration processes. However the system of state legal protection of cultural heritage was formed afterwards.

Key words: cultural heritage, state power, state policy, political reform of state-church relationships, property management, legal protection.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич издал указ «О подаче государю описных дел и счетных списков», предписывавший создать описи до 1 января 1681 г. под угрозой «опалы от великого государя» [13]. В некотором смысле, этот нормативный акт является предвестником реформ Петра I, нацеленных на построение «регулярного государства», немыслимого без порядка в сфере административного делопроизводства.

Вместе с тем политическая компонента в практике охраны исторического и культурного наследия впервые отчетливо прослеживается только в Указе Сената от 20 декабря 1720 г. В соответствии с ним во всех монастырях страны должны были быть проведены инвентари-

зационные действия с целью изъятия древних грамот, «куриозных писем», рукописных и печатных книг, имевших историческое значение [18], о чем подробнее речь пойдет далее. Именно с 1720 г. в России последовательно осуществлялись учет и изъятие государством хранившихся в храмах и монастырях исторических ценностей, прежде всего древних летописей и других рукописных документов. И эту практику важно рассматривать не как спорадическое нормотворчество, а как деятельность, осуществлявшуюся в связи с задачей «устроения» новой российской государственности. В свете этого обстоятельства открывается, что установление государством контроля над частью имущества Церкви осуществлялось, помимо прочего, с целью его дальнейшего использования в построении идеологии абсолютной монархии европейского образца. Для этого требовалось – впервые в политической истории России – изучить и идеологически оформить государственную историю¹.

Показательно в этом отношении, что внимание субъекта государственной власти было обращено, в первую очередь, на хранящиеся в монастырях и церквях исторически значимые документы. По Указу Сената от 20 декабря 1720 г. монашеству и духовенству необходимо было «во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, смотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также книги исторические и печатные» [18]. Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось их собрать и прислать в Сенат [18]. 16 февраля 1722 г. также последовал именной указ, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод» [15].

Политические действия по оформлению государственной истории имели вектор направленности не только в прошлое, но и в бу-

дущее. Эта задача не была кодифицирована, но осуществлялась в Петровское время вполне последовательно: преемники государственного курса должны были унаследовать упорядоченную и идеологически весомую историю, а также государственные архивы, находящиеся в «добром» состоянии. Поэтому большое внимание уделялось административному делопроизводству и архивному делу. 21 января 1726 г. Сенат издал указ «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве в добром охранении и порядке». Архивариусам предписывалось столбцы переписать в тетради, а оригиналы «более никому из Государственного архива не иметь, а содержать их для справок в сохранном месте» [19].

Инициатива государства по установлению учета и контроля над церковными книгами, документами и иными ценностями может и должна рассматриваться в контексте всей государственной политики Петра I. Одним из ее приоритетных направлений было также «преобразование строя» церковной жизни, в результате которого институт церкви занял особое, заранее определенное государем место в политической системе новой России.

Достижение этой цели было связано с решением нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо было «освободить духовенство от крайнего увлечения экономической стороною и обратить его к прямым, духовным делам; во-вторых, восстановить церковную дисциплину, в-третьих, поднять церковное просвещение» [8, 23]. В контексте решения этих проблем осуществлялись и практические управленческие действия по установлению государственного контроля над частью церковных ценностей. В каждом из этих действий прослеживается прямая связь с общими направлениями реформирования церковно-государственных отношений. Рассмотрим эти направления реформирования.

Освобождение духовенства от крайнего увлечения экономической стороною и обращение его к прямым, духовным делам.

Указы Петра I и Сената, в которых предписывалось осуществить учет и изъять часть

---

¹ Впоследствии каждая смена политического режима в России сопровождалась такой «инвентаризацией истории» с целью ее идеологического «переоформления».

церковных ценностей, были нацелены, в первую очередь, на установление государственного контроля над частью церковного имущества. Современники реформ отмечали, что «преобразования начались со стороны имущественной, экономической, а затем охватили всю церковную жизнь» [8, 25].

Государственная имущественная политика носила исключительно прагматичный характер, поскольку в первые годы царствования Петра I государство отчаянно нуждалось в деньгах для ведения войн и осуществления намеченных преобразований. Документы и современники свидетельствуют: «Чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных, и с раскольников» [8, 26]. У монастырей и архиерейских домов, кроме земельных вотчин, «взяты были разные уголья, рыбные ловли, звериные промыслы, мельницы, кабацкие и таможенные сборы, свободные запасы хлеба, денег, меди, старые деньги, серебряная посуда, свечные деньги, привесы с икон, церковные здания» [12, 272]. Установление контроля над частью особенно ценного церковного имущества осуществлялось, прежде всего, с целью пополнения доходов казны: государству необходимо было «взять от церковного имущества в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» [8, 48].

Вместе с тем откровенные и многочисленные злоупотребления в сфере внутреннего управления церковным имуществом создавали веские основания для вмешательства государства в эту сферу. Памятный в истории Петровского времени «прибыльщик» Курбатов, имевший специальное поручение «изыскивать прибыли» для государевой казны, писал Петру о том, что «покойному патриарху трудно было за всем смотреть, что в духовном управлении большие беспорядки, что по части распоряжения церковными имуществами «во всем очень слабо и несправно и поступающие большие доходы

«погибают в прихоти владельцев», что единственная в Москве духовная школа в полном расстройстве» [8, 36]. Таким образом, под предлогом того, что «монастырское достояние, достигшее в течение веков огромной ценности, уплывало без надлежащей пользы для церкви» [1, 21], государством последовательно устанавливался контроль над частью церковного имущества, которое в дальнейшем использовалось как ресурс проведения государственной внутренней и внешней политики.

Поводом для вмешательства в имущественное управление служило и то, что институт церкви публично проявлял неспособность охранять свои реликвии. Храмовые здания ветшали, не ремонтировались, церкви уничтожались или стихийно перестраивались. Фрески и иконы «записывались», подвергаясь тем самым безжалостному уничтожению. Ссылаясь на недопустимость такого положения вещей, 11 мая 1722 г. Петр I издал Указ, в котором содержалось строгое написание духовенству и предписывалось «городские древние каменные храмы починять, а новые воздвигать исключительно по рассмотрению Синода» [17].

Существовали и свидетельства о святотатстве, фактах посягательства на церковные реликвии, не получивших должного отпора со стороны церковных властей. Так, в 1720 г. в Москве один плотник-изувер ударил дубиной в образ Богоматери [9, 108]. В 1708 г. в Москве явился вор, пытавшийся «обругать святой образ», стоявший на Каменном мосту. В 1738 г. из Архангельского Собора Московского Кремля были украдены оклады и драгоценные камни с икон [11, 20]. Церковь не могла уберечь свои реликвии ни от расхищения, ни от воровства, что было использовано как повод для государственного вмешательства.

Восстановление церковной дисциплины.

Формы массовых нарушений церковной дисциплины не исчерпывались пьянством и мздоимством. С. Соловьев пишет: «Встречались среди архиереев и такие лица, которые давали основание осуждать их за мздоимс-

тво и неправду, позволяли себе зашибить своеручно на молебне человека до крови, употребляли в отношении к провинившимся битье обнаженных плетью, сажание на цепь с оставлением без пищи и тому подобные приемы «градской казни» [10, 737].

Духовенство было замечено в нелояльности царской власти, даже в посягательствах на равный государю авторитет. Среди архиереев попадались такие, «которые ревновали о вельми жестокой славе», «давая предлог упоминать о стремлении их к чести, «равной царской» [8, 55]. Кроме того, все протесты против Петровских реформ, самые ожесточенные, «когда Петра изображали антихристом, а его время – последними днями перед кончиною мира, возникали на почве церковной жизни, и если не всегда исходили от лиц духовной иерархии, то развивались, несомненно, при их значительной поддержке» [8, 56].

Митрополит Стефан (местоблюститель патриаршего трона) несколько раз открыто противопоставлял интересы церкви интересам и задачам государства, пытаясь саботировать некоторые решения монарха. Когда в 1718 г. вышло распоряжение набрать из детей церковников 500 человек, по возможности грамотных, в адмиралтейские плотники и Стефану «отписано было для ведома, чтобы по всей Псковской губернии до окончания этого набора не посвящал никого в духовный чин» [8, 46], Стефан написал на извещении: «Буди указ великого государя не переменным о том, чтобы из церковников избирать в плотники, а что не посвящать в попы, идеже самая нужда требует, сему делу несть должно быти» [2, 49].

Таким образом, «восстановление церковной дисциплины» должно было пониматься в самом широком смысле – как восстановление отношений власти-подчинения между государством и церковью (представителями государственной власти, с одной стороны, и духовенством – с другой). Установление властной вертикали в имущественных отношениях было нацелено на решение и этой задачи.

Поднятие на должную высоту церковного просвещения.

Невежество духовенства носило подчас вопиющий характер. «В пастыри народа попадали сельские невежды, которые и скота пасти не умели», а «монастырское ученье, оказавшее в древней Руси неоценимые услуги просвещению, <...> теперь в монастырях едва ли не отошли в область воспоминаний» [8, 54]. Соответственно, изъятие церковных книг следует связывать и с реформированием системы государственного образования.

Определение места и новой роли института православной церкви в новой – имперской – системе российской государственной власти и государственного управления в Петровский период было оформлено созданием Святейшего правительствующего Синода – духовной коллегии.

Однако еще ранее государством проводилась мощная экспансия в сферы, которые несколько веков были под управлением церкви. Решая задачи исторического масштаба, государство в прямом смысле «вторглось» на территорию монастырей и церквей с целью нахождения предметов древности. Исполнители государственной воли были наделены значительными полномочиями. Для исполнения указа от 16 февраля 1722 г. из Синода в монастыри посылались нарочные, которые должны были проинспектировать монастырские архивы и библиотеки, выявить древние рукописи, церковные и гражданские летописи, степенные книги, хронографы, «забрать таковые» и направить их для переписи в Синод.

Когда была осознана опасность, что предметы, имеющие имущественную, историческую или художественную ценность, могут быть утеряны, в соответствии с Указом Петра I от 20 апреля 1722 г., были назначены первые государственные экспертные советы – «знающие люди». Они должны были осматривать старинные вещи и «выявлять все старое и курьезное» для последующей транспортировки ценностей в Сенат [16]. Обер-прокурору Баскакову, князьям Одоевскому и Плещееву Указом от 12 февраля 1722 г. [14]

было предписано проверить даже патриаршую ризницу «в каком состоянии все находится» и «буде чего иные налицо не явятся, того спрашивать на тех людях, у кого было на руках». В результате работы экспертов в числе привесов к иконам было обнаружена монета, относившаяся к эпохе Киевской Руси.

Что касается духовенства, монашества и института Церкви в целом, от них требовалось не столько содействие, сколько сопротивление государственной политике. Государь и его идейные сподвижники полностью отдавали себе отчет о том, что имела реальная опасность саботажа монаршей воли со стороны церковных властей. Недоверие царя к иерархам косвенно подтверждается текстом Указа Петра I, в котором духовенству предписывалось не просто содействовать нарочным, посланным выявлять древние рукописи, но и исполнять Указ «без всякой утайки» [15]. Действительно, существует довольно много документальных свидетельств о чинимых государственным комиссиям препятствиях. В этом отношении, Петр «на каждом шагу имел бесчисленное множество случаев убеждаться в том, что оппозиция против его действий в сфере церковной может быть и гораздо более сильной, и гораздо более опасной» [3, 3], чем ожидалось [8, 46].

Ответом на сопротивление государственной воле стало ужесточение мер и введение санкций за их саботаж. Указ Синода от 26 мая 1725 г. предписывал представить в Синод ведомости о привесах, снятых с икон, а также о старинных «замечательных вещах». Кроме того, Указ запрещал управителям монастырей снимать оклады с икон, для нарушителей предусматривал штрафные санкции [22].

Наследники Петровского императорского трона проводили преемственную Петру политику. Уже в XVIII в. стали оформляться научные подходы к охране культурных ценностей. Одно из первых проявлений интереса научной общественности к памятникам старины относится к 1759 г. Им стало издание определения Академии наук о сборе исторических и географических сведений для «Атласа Российского». Эта деятельность,

осуществлявшаяся по инициативе М.В. Ломоносова, графа К.Г. Разумовского и Я. Штелина, подразумевала необходимость сотрудничества Академии со Св. Синодом. Синод должен был собрать сведения о монастырских и церковных зданиях и сооружениях и предоставить Академии «копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» [23]. Последняя формулировка целей работы – «сочинение Российской истории» – представляется нам исключительно важной для понимания целей и задач всей последующей государственной политики в сфере охраны культурного наследия.

Помимо учета архивных дел, исторических документов, рукописей, во второй половине XVIII в. государством стал контролироваться сбор «куриозных» и особенно ценных предметов. Интересно, что в категорию «важного курьеза достойных» были включены изделия, изготовленные собственноручно Петром I (крест и паникадило, находившиеся в Петропавловском Соборе), поэтому в 1733 г. императрица распорядилась описать эти предметы и предупредить духовенство о необходимости «иметь их в крайнем бережении», «чтоб никакого повреждения учинено не было». Монаршая воля была продублирована Распоряжением Св. Синода на этот счет [7]. Наше внимание обращает на себя то обстоятельство, что фактически впервые в истории России вполне отчетливо, хотя и не вполне осознанно со стороны субъекта волеизъявления, культурное наследие рассматривалось как один из инструментов оформления образа монарха, всей системы императорской власти и тех лиц, в которых она непосредственно воплощена.

В XVIII в. начал осуществляться государственный контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Однако обращает на себя внимание избирательное отношение государственной власти к объектам культурного наследия. Особой – высочайшей – опеки были удостоены, в первую очередь, храмы и

ризницы Московского Кремля. В 1743 г. императрицей Елизаветой была также проявлена «адресная забота» о Золотых воротах Киева: она приказывала не ломать, а напротив, отремонтировать памятник [4, 14-16]. Не вызывает сомнений, что не столько художественная ценность Кремлевских соборов и их внутреннего убранства, сколько историко-символическое значение Кремля и Киева в «написании истории» Российского государства является главной причиной «особого» отношения к ним государственной власти. В этом отношении показательно, что в отношении храмовых построек провинциальных городов 30 апреля 1759 г. был издан Сенатский Указ «О дозволении разбирать ветхие крепости и употребить кирпич на починку казенных церквей и богаделен» [21].

Таким образом, в XVIII в. были заложены основы государственной политики охраны культурного наследия. Были очерчены ее основные цели и задачи: культурное наследие выступало в ней как один из инструментов «сочинения Российской истории» и государствовроения. Основными направлениями деятельности государства в этой сфере в XVIII в. были следующие: учет архивных дел, исторических документов, рукописей, сбор «куриозных» и особенно ценных предметов, контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Вместе с тем нельзя не признать, что в XVIII в. еще «не существовало системы государственной правовой охраны культурного наследия России, <...> не существовало нормативных правовых актов, определяющих правила содержания исторических редкостей» [5, 65].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868. 45 с.
2. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб: Летний сад; Коло, 2001. 799 с.
3. Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.
4. Комарова И.И. Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М., 1989.
5. Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана культурного наследия России во второй половине XX века. М.: Закон и право. 2001. С. 65.
6. Определение Синода «О порядке хранения в ризницах редких церковных вещей» от 28 октября 1775 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее ПСПиР) (1773-1784). Т. 2. 1915. № 810.
7. Определение Св. Синода «Об описании креста и паникадила, собственноручной работы Петра I, поставленных в Петропавловском соборе, а также прочих вещей, которые будут пожалованы в этот собор императрицей, и об отдаче их под особое хранение соборному протопопу с братией» от 11 июля 1733 г. // ПСПиР. Т.8 (1733-1734), 1898. №2276.
8. Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721-1725 гг.) // История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. 435 с.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1884. Т. XXXIV.
10. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. 768 с.
11. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII- начала XX вв.: Сборник документов / В.С. Дедюхина, С.П. Масленицына, Л.В. Шестопалова, Л.И. Лифшиц, Н.А. Потапова. М., 1997. 480 с.
12. Терновский Ф. Митрополит Стефан Яворский. (Биографический очерк) / Труды Киевской духовной академии. Киев, 1864. Т. I.
13. Указ именной, объявленный разным приказам памятьми «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) I. Т. 2. № 842.
14. Указ именной, объявленный князем Меншиковым Сенату «Об отдаче Соборных церковных уставов и ризниц из Патриаршего дома в Синод и об отдаче серебряных вещей на денежные дворы весом» от 12 февраля 1722 г. // ПСЗ I. Т. 6. № 3907.
15. Указ именной, объявленный из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Мос-

- кву в Синод» от 16 февраля 1722 г. // ПСЗ I. Т. 6. № 3908.
16. Указ Петра I «О посылке в монастыри знающих людей для разбора на иконах привесов, с тем чтобы находящиеся в числе их хорошие камни, монеты и другие старые вещи были представлены в Св. Синод» от 20 апреля 1722 г. // ПСПиР. Т. 2 (1722). № 582.
17. Указ Петра I «О разрешении починять и вновь строить каменные церкви с дозволения Св. Синода» от 11 мая 1722 г. // ПСПиР. Т. 2. (1722). 1872. № 662.
18. Указ Сената вследствие именного «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г. // ПСЗ I. № 6. №3693.
19. Указ Сената «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве и о переписке столбцов Вотчинной коллегии в тетради» от 21 января 1726 г. // ПСЗ I. Т. 7. № 4823.
20. Указ Сената «О исправлении в городах каменных зданий без отлагательства, коль скоро замечена будет ветхость» от 24 июня 1745 г. // ПСЗ I. Т. 12. № 9180.
21. Указ Сената «О дозволении разбирать ветхие крепости и употреблять кирпич на починку каменных церквей и богаделен» от 30 апреля 1759 г. // ПСЗ I. Т. 15. № 10949.
22. Указ Св. Синода «О предоставлении ведомостей о привесах, снятых со святых икон, и о старинных замечательных вещах, доставленных из епархии, монастырей и церквей, и о воспрещении впредь снимать со святых икон и прочее церковное имущество» от 26 мая 1725 г. // ПСПиР. Т. 5. (1824). №1555.
23. Указ Синода «О присылке планов в Синод на монастырские и церковные здания» от 19 июля 1759 г. // ПСЗ I. Т. 15. № 10975.

УДК 37. 035

Летуновский П.В.

Смоленский институт бизнеса и предпринимательства

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЁЖИ К ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

P. Letunovsky

Smolensk Institute of Business and Enterprise

PROBLEMS OF YOUTH TRAINING FOR PATRIOTIC DUTY IN SMOLENSK REGION: HISTORICAL PERSPECTIVE AND THE PRESENT

Аннотация. В статье, на основе исторического политического опыта, раскрывают имевшие место тенденции развития и противоречия в военно-патриотическом воспитании молодежи, её подготовке к защите Отечества в Смоленской области России. Анализируются характер военно-патриотического воспитания призывной и допризывной молодежи, пропаганда военно-технических знаний, качество подготовки граждан по основам военной службы. На основе архивных материалов рассматривается система физической подготовки и спорта молодежи в целях подготовки её к военной службе.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, призывная и допризывная молодежь, оборонно-массовая работа, защита Отечества, военные комиссариаты, Вооружённые силы России, поисковое движение, военная служба.

Abstract. Based on the historical political experience the author reveals the tendencies and contradictions of young people's military patriotic training development in the Smolensk region. The nature of conscripts and pre-conscripts' military patriotic training is analyzed as well as the propaganda of military-technical knowledge, the quality of citizens' training in the fundamentals of military service. Using archive materials the author examines the system of young people's physical and sports training to get them ready for military service.

Key words: military-patriotic training, conscripts and pre-conscripts, mass-defence activity, defence of the Motherland, recruiting centres, Armed Forces of Russia, searching movement, military service.

Мировой опыт защиты суверенных государств свидетельствует о том, что укрепление армии и флота, высокое патриотическое сознание населения всегда являлось важнейшим фактором в отражении агрессии. Поэтому степень психологической устойчивости призывной и допризывной молодежи, его моральной и физической готовности к перенесению тягот воинской службы является неотъемлемой частью и необходимым условием боеспособности Вооружённых сил. Вместе с тем общеизвестно, что степень готовности наших юношей служить в армии, защищать Родину в современных условиях имеет сложную и в основном негативную тенденцию. Так, в Концепции федеральной системы подготовки граждан РФ к военной службе на период до 2020 года, утверждённой правительством России в феврале 2010 г., определяются базовые положения этой системы и отмечается, что сложившаяся в настоящее время ситуация в сфере подготовки граждан к военной службе характеризуется значительным рядом негативных факторов.

Отметим лишь некоторые из них, это:

- отсутствие как таковой федеральной системы подготовки граждан к военной службе, охватывающей все категории граждан начиная с дошкольного возраста;
- отсутствие органа, обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов

© Летуновский П.В., 2012.

исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и общественных организаций в системе подготовки граждан к военной службе;

- снижение показателей состояния здоровья и физического развития большей части граждан, подлежащих призыву на военную службу;

- недостаточное развитие военно-прикладных видов спорта и т. д.

По данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, из 13,62 миллиона детей, обучающихся в школах, только 21,4 процента абсолютно здоровы, 21 процент имеют хронические заболевания. Общая заболеваемость подростков в возрасте до 14 лет также возросла за последние 5 лет на 9,3 процента, а юношей и девушек в возрасте 15 - 17 лет – на 11,6 процента. Особой проблемой является выявление лиц с психическими заболеваниями и психическими расстройствами, а также лиц, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью. За последние 5 лет число впервые выявленных больных алкоголизмом юношей в возрасте 15-17 лет увеличилось на 28 процентов, а наркоманией – на 22 процента. Общий показатель годности к военной службе молодых граждан, прибывших на призывные комиссии, ежегодно снижается. В концепции определены и ряд направлений по восстановлению отдельных элементов системы подготовки граждан к военной службе [4].

Шаги к новому могут быть достаточно уверенными и взвешенными, если они опираются на опыт прошлого. В самые критические периоды истории наше Отечество спасали мощные запасы духовной силы российского народа. Именно это спланивало российское общество, создавало ту обстановку социального согласия, которая позволяла стране выходить обновленной и оздоровленной из тяжчайших испытаний. Президент страны Д.А. Медведев ещё в 2008 г., в послании Федеральному собранию России отмечал: «... наш народ духовно и нравственно богат. Нам есть чем гордиться, есть что любить. Есть что отстаивать и что защищать...» [3].

Особое место в нашей истории принадлежало и принадлежит воспитанию у граждан страны готовности с оружием в руках отстаивать ее территориальную целостность и независимость. Это закрепившаяся веками норма была характерна для советского и постсоветского периодов существования державы. Многонациональное советское и российское общество направляло в ряды Вооруженных сил своих лучших представителей, которые достойно защищали интересы Отечества, сохраняли его суверенитет, создавали и преумножали боевые традиции армии и флота.

Приобретенный нашей страной исторический опыт, накопленный в отдельных регионах России, свидетельствует о том, что постоянная забота о подготовке граждан к защите Отечества не только оказывала влияние на обороноспособность, но и являлась неременным условием обеспечения безопасности страны в целом. В этой связи заслуживает внимание опыт этой работы в Смоленской области Российской Федерации.

В современных условиях в Смоленской области действуют два центра по патриотическому воспитанию подростков и молодежи: Смоленское областное государственное учреждение культуры «Центр-музей имени адмирала Нахимова», на базе которого проводятся встречи ветеранов и молодежи, «дни призывников», торжественные проводы на службу в ряды Вооруженных сил, и Смоленское областное учреждение Центр героико-патриотического воспитания и социальной помощи молодежи «Долг», которое является координационным центром поисковой работы на Смоленщине, опорным центром Министерства образования и науки Российской Федерации по патриотическому воспитанию молодежи, проживающей не только в Смоленской области, но и в других регионах России. В Смоленской области активно работают отряды поискового движения, созданные на базе патриотических центров. Их количество неуклонно растёт, и на сегодня они уже составляют 34 поисковых объединения, действующих в 23 районах области. Только в про-

шлом году ими было проведено 17 поисковых экспедиций, в ходе которых подняты и перезахоронены с воинскими почестями останки 1761 бойца, погибших в годы войны [2, 5].

Военная служба была и остается основой сохранения национального суверенитета нашего государства, независимо от политического строя, сложившегося в стране. Современной России нужны мощные Вооруженные силы, способные стать несущей опорой в системе обеспечения национальной безопасности. Следовательно, подготовка молодежи, способной встать на защиту Отечества, является важнейшей задачей как государственных структур, так и всей общественной жизни. Российская армия сегодня находится в состоянии качественных преобразований. В этой связи, надо полагать, критический анализ деятельности государственных структур и общественных организаций в советский период развития государства, отдельных его регионов по подготовке молодежи к защите Отечества должен помочь осмыслению и переосмыслению накопленного опыта и его творческого применения в современных реалиях.

Проведённые автором исследования в Смоленской области России показывают, что, несмотря на элементы известной демократизации политической жизни общества в 80-е гг. XX в., продолжали сохраняться многочисленные деформации. Усилилась роль партийно-административной демократии. Однако, нельзя не видеть, с одной стороны, труд миллионов людей, создавших оборонительный комплекс государства, с другой стороны, – серьёзный назревающий кризис политической системы. При всех перипетиях того периода система подготовки молодежи к защите Отечества имела устойчивый характер. Весомый вклад в эту работу вносили клубы призывной молодежи, университеты призывников, факультеты будущих воинов, которые организовывались при городских и районных военных комиссариатах на базе домов офицеров, домов культуры и заводских клубов¹. Занятия в них были важным

элементом патриотического воспитания, они позволяли, используя встречи с участниками важнейших исторических событий, показывать юношам, как на практике претворялись в жизнь идеи защиты Отечества. Это их готовило к выполнению требований присяги и воинских уставов. Здесь закладывались основы гражданственности, формировался характер будущего воина. Непосредственное руководство повседневной деятельностью клубов и университетов будущего воина осуществляли общественные Советы, в состав которых входили представители государственных органов, молодёжные активисты предприятий, ветераны войны и труда. Контроль и статистическую отчетность по деятельности клубов и университетов будущего воина, а также методическую помощь им осуществляли научно-методические советы, создаваемые под непосредственным руководством военных комиссариатов при областных организациях общества «Знание». В рай(гор)военкоматах создавались комитеты или группы содействия из офицеров запаса, которые на общественных началах проводили работу среди призывников. В составе этих комитетов были выделены секции по подготовке молодежи к воинской службе. Члены секций оказывали действенную помощь военкоматам в изучении морально-деловых качеств призывного контингента, в патриотическом воспитании молодежи призывного возраста, в развитии оборонно-массовой и оборонно-спортивной работы. В Смоленской области России широко использовалась в эти годы такая форма работы, как слеты призывников, превращавшихся в своеобразный смотр достижений, которыми юноши встречали призыв на действительную военную службу. В подготовке и проведении таких слетов принимали активное участие молодёжные организации. В Смоленске в подобных слетах в 1984 г. приняло участие 3870 юношей допризывного и призывного возраста². Особое внимание уделялось формированию у юношей интереса к овладению профессией офицера, осознанно-

---

¹ Центр документации новейшей истории Смоленской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 14. Оп. 106. Д. 83.

Л. 82, 87, 126.

² ЦДНИСО. Ф. 14. Оп. 106. Д. 85. Л. 93, 105.

го стремления к поступлению в военно-учебные заведения.

Заслуживает внимания в современных условиях опыт подготовки к военной службе в 80-е гг. XX в. допризывной и призывной молодежи командования Смоленского высшего зенитно-ракетного инженерного училища (ныне Военная академия войсковой ПВО Вооружённых сил России). Курсанты этого училища шефствовали над 9 средними школами г. Смоленска, 4 городскими профтехучилищами, школой-интернатом № 7, а также проводили работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи на авиационном заводе, в совхозе им. Мичурина Смоленского района, автоагрегатном заводе, трикотажной фабрике¹. Во всех подшефных школах были созданы и работали специальные секции и кружки по военно-прикладным видам спорта. Под руководством курсантов учащиеся практически отрабатывали некоторые разделы строевой подготовки, изучали общевоинские уставы и организацию службы войск. В школах с их помощью оформлялись уголки боевой славы, регулярно проводились разнообразные мероприятия, развивающие у молодежи любовь к Вооруженным силам, воинской службе, стремление стать офицером. Получала широкое распространение практика индивидуального шефства курсантов над учащимися, позволяющая глубже вникать во внутренний мир призывника, будущего воина.

Важное место в деятельности государственных органов и общественных организаций отводилось воспитанию молодежи на боевых и трудовых традициях народа, Вооруженных сил. С этой целью были разработаны положения о патриотических клубах, которыми предусматривалось учреждение Знамени клуба, девиза, нагрудного знака и жетонов победителей. К 1985 г. в Смоленской области было создано и работало 54 таких клуба².

Заметную роль играли в этой работе организации общества «Знание». При правлении этих организаций в рассматриваемый

период создавались научно-методические советы по пропаганде военных знаний, которые в тесном контакте с внештатными отделами пропаганды обкомов ДОСААФ и другими организациями направляли и проводили работу по подготовке молодежи в этой области. Научно-методические советы обобщали на своих заседаниях опыт пропаганды военных знаний, проводили аттестацию лекторских кадров, обсуждали тексты лекций и т. д. В целом, они выступали организаторами пропаганды военных и военно-технических знаний. К примеру, научно-методический совет Смоленской областной организации общества «Знание» формировался таким образом, что в его работе участвовали представители различных общественных организаций. Он состоял из 23 человек и объединял в своих рядах руководителей государственных органов, ветеранов войны и труда, работников облвоенкомата, обкома ДОСААФ, областного отдела народного образования, комитета по физической культуре и спорту, других активистов патриотической пропаганды³. Важное место в системе подготовки к военной службе отводилось физической закалке детей и юношей. Она осуществлялась в школах, военно-патриотических объединениях, подростковых клубах, организациях оборонного общества, при этом использовались плановые занятия, оборонно-спортивные и туристические игры «Зарница», «Орленок», оборонно-спортивные, оздоровительные лагеря, подготовка и сдача нормативов по комплексу ГТО, военно-техническим и военно-прикладным видам спорта⁴.

В ходе физических занятий и спортивно-массовых состязаний у будущих воинов одновременно с физической закалкой формировалась и психологическая устойчивость к преодолению трудностей армейской службы. Анализ показывает, что физическая подготовка допризывной и призывной молодежи в 80-е годы XX в. в Смоленской области тесно увязывалась с проведением работы по развитию массовости физической культуры

---

¹ ЦДНИСО. Ф. 14. Оп. 106. Д. 85. Л. 78, 110.

² ЦДНИСО. Ф. 14. Оп. 106. Д. 93. Л. 5, 6.

³ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 205. Д. 38. Л. 5.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 205. Д. 38. Л. 5.

и спорта. Было построено за 1981–1985 гг. 22 типовых спортивных зала, в том числе 17 – в сельской местности¹. Постоянно увеличивалось число средних и восьмилетних школ, имеющих необходимые условия для занятий физкультурой. Отдел народного образования Смоленской области совместно с областным комитетом по физической культуре и спорту и ДСО «Урожай» с целью улучшения спортивной базы школ ежегодно проводили смотр-конкурс «Каждой школе – спортивную площадку». За эти годы в областном смотре приняли участие 390 общеобразовательных школ². В строительстве, ремонте и благоустройстве школьных баз оказывали помощь и сами учащиеся, с их помощью было построено 7 комплексных спортивных площадок с нестандартным оборудованием, 17 баскетбольных, 12 волейбольных, 7 гандбольных, 9 футбольных полей, 18 стрелковых тиров, 42 гимнастических городка, 44 полосы препятствий ГТО, 3 малых плавательных бассейна, при школах №№ 26, 10, 28 – малые спортивные залы для занятий по физкультуре для начальных классов и групп продленного дня³.

Несмотря на то, что экономика переживала кризисные явления, серьёзное внимание уделялось материальной базе для занятий физкультурой и спортом в данном регионе. Так, количество комплексных спортивных площадок со 139 в 1983 гг. возросло до 190 в 1985 г., число волейбольных и баскетбольных площадок увеличилось с 400 до 500. Всего за 80-е годы XX в. в области было построено более 250 спортплощадок и создано 52 спорткомплекса.⁴ Это способствовало повышению массовости занятий физкультурой. В соревнованиях по многоборью ГТО на приз газеты «Комсомольская правда» в 1985 г. принимало участие 150 тыс. юношей и девушек, 7694 из них выполнили спортивные разряды⁵.

В 1983 г. в Смоленской области функционировало 16 ДЮСШ, в которых занимались

спортом 7836 учащихся. В 1985 г. их число за счет открытия новых филиалов в сельской местности увеличилось до 33, до 8293 увеличилось и число занимающихся в них. С 1983 по 1985 гг. с 90% до 97,5% вырос охват занятиями физкультурой и спортом учащихся школ. При этом, если в 1983 г. 53700 учащихся сдали нормативы комплекса ГТО, то в 1985 г. их число увеличилось до 55590⁶.

С целью усиления работы по массовому привлечению молодежи к регулярным занятиям физкультурой и спортом в регионе была разработана комплексная программа «Здоровье». Она предполагала расширение охвата подростков сдачей нормативов комплекса ГТО. Планировалось повышение роли культурно-спортивных комплексов. Важное значение для осуществления программы имело решение о бесплатном предоставлении для занятий и соревнований стадионов, плавательных бассейнов, спортзалов школам, а высшим учебным заведениям обеспечивалась 50% скидка. Специальное решение по развитию спортивных сооружений в Смоленской области определяло задачу создания на базе спортивных сооружений оборонно-спортивных оздоровительных лагерей, клубов и секций, групп по подготовке ребят и сдаче комплекса ГТО⁷.

Анализ работы государственных органов и общественных организаций по подготовке молодежи к защите Отечества в Смоленской области России показывает, что в основе этой деятельности на региональном и федеральном уровнях в современных условиях, должна лежать не партийная а государственно-патриотическая идеология, которая должна опираться на научные, духовно-нравственные основы, с учетом особенностей менталитета, экономических, культурных и других факторов, которые существуют в отдельно взятых регионах нашего государства, имеющих богатую трудовую и военную историю. В октябре 2010 г. была принята новая Государственная программа: «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации

¹ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 81. Л. 127, 128.

² ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 81. Л. 127, 128.

³ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 82. Л. 15, 17, 18.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 83. Л. 24.

⁵ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 83. Л. 32, 35

⁶ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 113. Д. 83. Л. 115, 116.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 14. Оп. 106. Д. 93. Л. 12, 13.

на 2011–2015 годы» [1], определяющая основные направления этой деятельности в современных условиях. Накоплен богатый опыт исторической работы в регионах России, который требует серьезного анализа.

Зарождаясь из любви к своей «малой Родине», патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству. Патриотическое воспитание в системе подготовки молодёжи к защите Отечества должно быть конкретным, направленным на реальные объекты воспитания. Деятельная сторона этого процесса является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для Отечества и государства дела и поступки. В современных условиях это направление определилось как систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и общественных организаций по формированию у молодых граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Эта деятельность предполагает формирование у граждан общественно значимых ориентаций, гармоничного сочетания личных и общественных интересов, преодоление чуждых обществу процессов и явлений, разрушающих его устои и потенциал созидания. Анализ этой деятельности позволяет утверждать, что технология процесса воспитания защитников Отечества должна быть направлена на создание дальнейших условий национального возрождения России как великой державы.

В XXI в. мир столкнулся с новым противником – международным терроризмом. Ему объявлена война, в которой участвуют все цивилизованные страны. После глобальных трансформаций, сопровождавших Россию с начала 90-х гг. XX столетия, она оказалась в совершенно новой архитектуре международных отношений, которые характеризуются значительными сложностями и проблемами.

По своей сути, сложившийся миропорядок принципиально мало чем отличается от того, с которым приходилось сталкиваться России на протяжении своей многовековой истории. Все та же настороженность в отношении нашей страны, то же стремление любой ценой уменьшить ее роль и влияние на протекание мировых процессов, вытолкнуть Россию на периферию мирового развития и использовать лишь в качестве инструмента при разрешении споров между другими государствами, претендующими на статус великодержавности. Государство должно исходить из того, что основные направления воспитания подрастающего поколения по защите Отечества должны определяться собственными национальными интересами и ценностями. Система подготовки молодёжи к защите Родины не может оставаться в неизменном виде. Ее развитие обусловлено как достижениями первоочередных задач всей системы воспитания в целом, так и изменениями, происходящими в экономической, политической, социальной и других сферах российского общества. Ответственность за функционирование этой системы лежит на государстве как на самом высокоорганизованном и оснащенном субъекте патриотического воспитания, что не снимает моральной ответственности за ее функционирование с образовательных структур, общественных организаций и с каждого гражданина России в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы» Постановление Правительства РФ № 795 от 5 октября 2010 года. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/gov/results> (дата обращения 1.11.2011).
2. Интервью губернатора Смоленской области Антуфьева С.В. «Время и мы» // Ориентир. 2007. 7 августа. С. 5.
3. Медведев Д.А. Послание Президента России Федеральному собранию 5 ноября 2008 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения 1.11.2011).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2010 г. N 134-р. // Российская газета. Фед. вып. № 5109. 2010. 12 февраля.

УДК 32.109.51

Розина В.А.

Московский государственный областной университет

СМИ КАК КАТАЛИЗАТОР КОНСЬЮМЕРИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

V. Rozina

Moscow State Regional University

MASS MEDIA AS A CATALYZING FACTOR FOR POLITICAL CONSUMERISM

Аннотация. Статья посвящена коммуникационному аспекту одной из наиболее актуальных тенденций российской политики. Автор изучает роль СМИ в консьюмеризации политического процесса, т. е. появлении в нем рыночных моделей поведения. Исследование показывает, что из общественного посредника пресса превращается в важного игрока на политическом рынке. В настоящее время для нее характерен маркетинговый подход к подаче информации. Прогностический анализ деятельности СМИ позволяет предполагать усиление этого тренда.

Ключевые слова: СМИ, бренды, политический маркетинг, гражданское общество, консьюмеризация, потребители.

Abstract. The article is devoted to the communication aspect of one of the most topical tendencies of the Russian policy. The author studies the role of mass media in political consumerism, i.e. occurrence of market behaviour models in political life. The research shows that modern press transforms from public intermediary into one of the most active players in political market by using marketing approach to information supply. The prognostic analysis of the media activity allows the author to forecast the strengthening of this trend.

Key words: mass media, brands, political marketing, civil society, consumerism, consumers.

Крылатое выражение «экономика определяет политику» получает новое звучание в современном политическом процессе. Отношения между управляющими и управляемыми все больше приобретают характер обмена, а не диалога или представительства. Это говорит о включении в политическую сферу экономических моделей поведения.

Тенденция настолько очевидна, что для ее характеристики исследователи-политологи используют экономические термины. В научных статьях все чаще идет речь о *консьюмеризации* политического процесса. Понятие, само название которого происходит от английского *consumer* (покупатель), ранее использовалось только в экономических дисциплинах.

В политической системе координат этот термин приобретает свои значения. Во-первых – потребительское поведение, мотивированное политически. Т. е. ситуация, когда граждане пытаются влиять на политиков, организуя массовые кампании покупки или бойкота товаров. Во-вторых, политическое поведение, мотивированное потребительски. Здесь речь идет об отношении публики к политике как к сфере, в которой производятся товары и услуги. Причем в России очевидное доминирование в политическом поведении консьюмеризма во втором значении сочетается со слабыми проявлениями его в значении первом, отмечает один из ведущих исследователей явления С.Н. Пшизова [9, 103].

Гражданское общество все больше превращается в общество политического потребления, констатируют специалисты. Причины этой эволюции лежат в возрастающей индивидуализации и, как следствие, деидеологизированности масс. Частные интересы преобладают над общеклассовыми, граждане перестают нуждаться в общих представителях в системе государственного управления – и в итоге составляют своеобразный «рынок голосов». Законо-

мерна и обратная зависимость – политические силы начинают рассматривать электорат как целевую аудиторию для определенных политических продуктов. В характеристиках политического процесса появляются маркетинговые термины – целевая аудитория, медиапланирование, бренд, реклама и т. д. Более того, выделяется отдельное направление – политический маркетинг.

Из-за относительной новизны понятия исследователи обозначают его по-разному и сходятся только в одном – политмаркетинг служит задаче эффективной реализации политического «товара». Подобный подход, с одной стороны, упрощает диалог власти с электоратом, а с другой – усиливает разделение общества на «поставщиков» и «покупателей», противопоставляя эти категории. «Профессионалы от политики стараются всеми имеющимися и принятыми в этом игровом пространстве средствами внушить как можно большему числу людей свою точку зрения...», – уверен французский социолог П. Шампань [11, 23]. В отличие от экономистов, рассматривающих рынок как взаимозависимую систему, маркетологи от политики скорее склонны видеть в нем систему иерархическую, с главенствующей ролью одной из сторон. «Современный политический маркетинг власти подразумевает технологическое использование опыта коммерческого маркетинга в борьбе за власть», – пишет исследователь Б.Л. Борисов [2, 208]. Усиление маркетинговой компоненты выводит на политический рынок еще одного участника – СМИ. Традиционный общественный коммуникатор становится основной площадкой для применения маркетинговых технологий. Все это позволяет говорить о катализирующей роли СМИ в консьюмеризации современного политического процесса.

Активное влияние СМИ на закрепление текущей модели «политического рынка» связано с постепенным изменением роли прессы. Из независимого информационного посредника она превращается в важного актора политического процесса. И эта тенденция будет только нарастать, отмечают ученые.

Как констатирует уральский политолог Н.Р. Балынская [1, 3], медийный и политический процессы имеют единую природу – информационную, что вызывает конвергенцию политики и прессы. Коллега Р.Н. Балынской В.А. Евдокимов (Екатеринбург) [3, 3] констатирует решающую роль СМИ в развитии политических конфликтов. Воздействие СМИ на эскалацию социального конфликта может иметь как конструктивный (выражение интересов общества, информирование, снижение напряженности), так и деструктивный характер (прямое управление, манипулирование), отмечает он [3, 10]. Точнее всего характеристики новой системы отразил Б.Л. Борисов [2, 256], отметив, что есть три классические составляющие политического процесса: коммуникатор-заказчик – политическая элита, реципиент-потребитель – общество, специалисты политической рекламы, которые конструируют модели соотношения нравственных и рациональных мотиваций в политическом обществе.

В итоге этих преобразований пресса получает часть властных функций. Это подчеркивает широко используемый термин «четвертая власть», фактически ставший синонимом понятию СМИ. Термин «власть» подразумевает «над кем-то». В данном случае в подчиненном положении оказывается зрительская и читательская аудитории. Подчинение это со стороны выглядит достаточно условно – напротив, в условиях жесткой конкуренции СМИ вступают в борьбу между собой за читательский интерес. Однако методы этой борьбы сводятся к подаче информации в максимально адаптированном для понимания варианте. Упрощение приводит к тому, что потребитель-читатель постепенно становится своеобразным заложником популистского подхода. Как отмечается в отраслевом докладе Роспечати за 2011 г. [10, 58], в настоящее время бюджеты и читательская аудитория распределены среди четырех групп периодики: рекламные и рекламно-информационные издания, информационные издания общего интереса, b-b-пресса, развлекательная пресса. При этом доля реклам-

ных и рекламно-информационных изданий в общем количестве СМИ отдельно взятого регионального центра, как правило, превышает 50%. В итоге меняется и производство политической информации. Новости вытесняются комментариями, а вместо освещения сложных аспектов политических программ кандидатов издатели предпочитают публиковать сообщения о личных предпочтениях политиков. Вследствие этого выборы в зеркале СМИ зачастую выглядят как соревнование харизматических личностей, а не как борьба различных политических концепций.

В качестве примера можно рассмотреть несколько популярных общественно-политических сайтов Уральского федерального округа. Информационное агентство URA.ru регулярно обновляет на портале сведения о деятельности политиков региона. Доля соответствующей информации на заглавной странице – не менее 40%, однако большая часть заметок подается в намеренно развлекательном ключе. Это видно даже из заголовков: «Хотите знать, о чем говорил Мишарин в самом сердце медиа-холдинга Чернецкого?» [8]. На сайте Nakanune.ru для политической аналитики выделена специальная рубрика, однако журналисты стараются избегать академического подхода. Это иллюстрируют заголовки материалов: «Михаил Делягин: Господин Кудрин – это нынешняя реинкарнация Гайдара» [5], «Куйвашев проверил: в регионах с энтузиазмом восприняли Евразийский союз» [4]. Экспертный информационный канал Uralpolit.ru выделяет отдельную рубрику «Политика и власть». Но подбор сообщений напоминает скорее хроники, чем экспертную оценку: «Наталья Комарова празднует день рождения» [6]. На портале Uralpress.ru политическая рубрика находится на 5 месте, а сами сообщения напоминают отчеты: «В Челябинской области 111 избирательных участков оснастят электронными приборами» [7].

Политика представляется одной из граней светской жизни, а популярность общественных деятелей и партий напрямую зависит от их «индекса цитируемости» в СМИ. Аналогия

с торговыми брендами напрашивается сама собой. Стремясь продать как можно больше информации, СМИ косвенно выставляют на рынок читательских продаж политических субъектов. Читательская и зрительская аудитория легко принимает новый информационный товар ... и постепенно привыкает к нему. И, как и в случае с обычной рекламой, рынок постепенно перенасыщается.

В итоге СМИ приходится прибегать к методам «искусственной стимуляции» медиапространства. Ключевой из них – видеолизация: наиболее важная для читателя информация подается в виде подборки фото-хроники, видео или телерепортажа. Зрительная информация воспринимается легче текстовой. Например, постоянная трансляция нейтральных сюжетов об одной из партий создает ощущение того, что эта политическая сила де-факто обладает реальной властью. Применяется видеолизация и в «черном пиаре». Большая часть громких скандалов последних лет была связана с обнародованием «записей скрытой камеры».

Еще один прием – манипулятивное использование электоральной статистики. Эффективность работы политиков, их популярность, шансы на победу выражаются в оценках или процентах. Политические рейтинги становятся новым типом новости, фактически указывая избирателям на лидирующее положение той или иной партии или кандидата. Этот подход автоматически ставит читателей в положение потребителей, проверяющих качество политического «товара» по шкале «лучше-хуже». Есть и прием по созданию потребительских стереотипов. «Раскручивая» политику как торговую марку, политтехнологи создают у электората цепочку устойчивых стереотипов. Например, при упоминании фамилии Чубайса возникает набор ассоциаций типа «приватизация», «правый», «РАО ЕЭС».

Консюмеризм политического поведения – масштабная тенденция, набирающая обороты под влиянием целого ряда социокультурных и экономических факторов. Ее развитие зависит не только от СМИ, но и их

влияние на этом этапе ощутимо. Сохранится ли оно в сравнительной перспективе – сказать сложно, но прогноз скорее положителен. Основанием для подобных выводов служат актуальные тренды на рынке СМИ, отмеченные в отраслевом докладе Роспечати за 2011 г. [10, 83].

Современные издатели стремятся максимально расширить медийное поле. Популярная стратегия «360 градусов», т. е. распространение информации по нескольким источникам (газеты, радио, Интернет) расширяет целевую аудиторию и для рынка политической рекламы – и этим стимулирует его развитие.

Сохраняется и стабильность каналов распространения информации, что закрепляет традиции применения медийных технологий политмаркетинга. Из-за преобладающего положения общенациональной прессы над региональной возможность появления новых, а тем более «местных» изданий сильно снижена. Стимулирующее, хотя и одностороннее воздействие на политический рынок оказывает и зависимость ряда региональных изданий от местных властей, выступающих в качестве одного из учредителей; администрация становится заказчиком информации – и оказывает финансовую помощь тем СМИ, которые служат средством управления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балынская Н.Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе в современной России: Автореф. ... дис. док. полит. наук. Екатеринбург, 2009. 34 с.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. М.: ФАИР-пресс, 2001. 624 с.
3. Евдокимов В.А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: Автореф. ... дис. док. полит. наук. Екатеринбург, 2007. 33 с.
4. Куйвашев проверил: в регионах с энтузиазмом восприняли Евразийский союз [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nakanune.ru/articles/15896> (дата обращения 25.10.2011)
5. Михаил Делягин: Господин Кудрин – это нынешняя реинкарнация Гайдара [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nakanune.ru/articles/15892> (дата обращения 26.10.2011)
6. Наталья Комарова – губернатор ХМАО. [Электронный ресурс] // URL: http://fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_255931.html (дата обращения 23.10.2011)
7. Поволоцкая И. В Челябинской области 111 избирательных участков оснастят электронными приборами [Электронный ресурс] // URL: <http://uralpress.ru/news/2011/10/20/v-chelyabinskoy-oblasti-111-izbiratelnyh-uchastkov-osnastyat-elektronnymi> (дата обращения 23.10.2011)
8. Пушкарев И. Хотите знать, о чем говорил Мишарин в самом сердце медиа-холдинга Чернецкого? Пожалуйста, специально для вас! [Электронный ресурс] // URL: <http://ura.ru/content/svrd/21-10-2011/news/1052135827.html> (дата обращения 23.10.2011).
9. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2009. № 1. С. 100-117.
10. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад ФА по печати и массовым коммуникациям [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fapmc.ru/magnoliaPublic/rospechat/activities/reports/2011/item3.html> (дата обращения 1.09.2011).
11. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997. 335 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маслов Д.В.

Московский государственный областной университет

Рецензия на кн.:

**КОВАЛЕНКО С.Г. «20 ЛЕТ СОВЕТСКИХ РЕФОРМ:
БЫЛА ЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ?»
ВЛАДИВОСТОК: ДАЛЬНАУКА, 2010. 228 с.**

Монография кандидата исторических наук С.Г. Коваленко (Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН) представляет научный интерес в силу ряда причин. Первая из них связана с тем, что история реформирования советского общества и государства по-прежнему находится в центре исследовательского интереса. Преобразования 1950-70-х гг., ставшие объектом изучения в рецензируемом издании, не являются исключением.

Вторая причина связана с тем, что большая часть имеющейся литературы отражает взгляд на реформы глазами столичного исследователя. Возросший в последние годы интерес к региональной истории находит свое выражение в рассматриваемой монографии и позволяет расширить наше представление о ходе реформ в пределах такого специфического региона, как Дальний Восток. География исследования охватывает современные Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Сахалинскую и Камчатскую области. Автор исключает из своего исследования Магаданскую область как отличающуюся определенной спецификой.

Актуальность темы и в том, что и в настоящее время Российская Федерация нуждается в серьезной модернизации. Следовательно, осмысление неоднозначного опыта советской модернизации становится практической потребностью.

Охватить все аспекты реформирования в рамках небольшой монографии нереально, и автор вполне обоснованно избирает в качестве предмета исследования преобразование управленческих структур региональной экономики и его социальные последствия. Специалиста, не имеющего возможности регулярно работать в дальневосточных архивах, несомненно, привлечет источниковая база монографии. Помимо документов ряда центральных архивов (ГА РФ, РГАЭ, РГАНИ, РГАСПИ), в монографии широко привлекаются материалы региональных архивов (госархивы Приморского, Амурского, Хабаровского краев), в основном неизвестные даже специалистам. Учитывая, что книга издана весьма скромным тиражом (300 экз.), есть смысл подробнее остановиться на ее содержании.

Содержание первой главы монографии хронологически, на первый взгляд, не вписывается в заявленные автором «20 лет советских реформ». Такой подход объясняется стремлением автора показать, что уже в 1945-1957 гг. власть предпринимает попытки усовершенствовать механизм управления экономикой в условиях перехода к мирной жизни. Для Дальнего Востока эта задача имела особое значение, т.к. за годы войны выпуск оборонной продукции вырос в 5 раз (с. 32). При этом не прекращалось строительство новых объектов, имеющих и гражданскую направ-

ленность. Особую роль в выполнении поставленных задач, по мнению автора, сыграло широкое использование принудительного труда заключенных. Однако приведенные С.Г. Коваленко цифры взяты из добывающей промышленности, где, по понятным причинам, применение такого труда было более распространенным явлением, чем в других отраслях экономики.

В предвоенные годы народное хозяйство региона ощутило приток капиталовложений. Однако после войны ресурсы направлялись в основном в непосредственно пострадавшие от нее регионы, к каковым Дальний Восток не причислялся. Поэтому в условиях нехватки ресурсов особое значение придавалось мерам организационного характера. Так, разделение ряда наркоматов на наркоматы западных и восточных районов СССР, по мнению автора, «нарушило сложившуюся кооперацию отраслей и предприятий» (с. 42).

Предпринятая после смерти И.В. Сталина реорганизация министерств в сторону их укрупнения свидетельствовала об «отсутствии у правительства продуманной программы» (с. 44). Вместе с тем, как подчеркивает автор, подобное начинание было положительно воспринято номенклатурой региона как курс на частичную либерализацию внутренней политики.

Автор полагает, что к середине 1950-х гг. советская экономическая система (здесь автор предпочитает привычный термин «административно-командная система», критиковавшийся в последние годы) демонстрировала устойчивость и результативность, но содержала признаки неблагополучия. Так, на Сахалине даже в период выборов в Верховный Совет СССР не всегда удавалось погасить задолженность по зарплате. Снижались темпы роста производительности труда и т.д. (с. 45-46). Ощущалась потребность в сокращении управленческого аппарата. По Дальнему Востоку автор насчитывает около 80 тыс. человек – управленцев разного уровня, что составляло всего 3,5% от занятого в регионе населения 2 млн 800 тыс. человек

(автор почему-то ошибается на порядок, называя цифру 35%).

Анализируя социальные последствия денежной реформы 1947 г. для населения региона, автор находит эти последствия более тяжелыми, чем для центра страны в связи с тем, что рост цен на Дальнем Востоке лишь частично компенсировался льготами (с. 54).

Автор выявила стремление дальневосточной хозяйственной элиты устранить недостатки отраслевой системы управления в условиях удаленности региона. В официальных документах региона не раз подчеркивалась необходимость приближения управленческих функций к производству. Таким образом, идея совнархозов находила на местах понимание (с. 58-59). Именно одобрение управленцев регионального уровня сыграло, по мнению автора, решающую роль в дискуссиях по данной реформе.

Вторая глава монографии посвящена реформам второй половины 1950 – начала 60-х гг. Особое место в ней занимают проблемы, связанные с созданием совнархозов. Анализ руководящего состава дальневосточных СНХ приводит автора к выводу о достаточно высоком профессиональном уровне председателей новых органов. Практически все руководители ранее занимали ведущие позиции в министерствах, имели, как правило, высшее техническое образование (с. 78).

Как показано в монографии, переход к территориальному принципу управления на Дальнем Востоке проходил в непростых условиях. Плановые показатели повышались, а времени на их достижение (тем более с учетом параллельно проводимой реорганизации) явно не хватало. Между центральными и региональными органами управления экономикой всё чаще возникали разногласия по вопросу контроля за ресурсами. В тех случаях, когда запросы региональной номенклатуры не затрагивали интересов центральных органов и касались местной промышленности, такие пожелания нередко удовлетворялись.

Неэффективно осваивались капиталовложения, нормой становился долгострой. Так, на протяжении двадцати лет строили судо-

верфь в Петропавловске-на-Камчатке, рыбный порт в Находке. Заметим попутно, что в отличие от сегодняшних дней, когда «освоение средств» становится нередко целью хозяйствования, в те годы наблюдалось отставание объема вложенных средств от плановых показателей.

Выход из ситуации власть находила в дальнейших реорганизациях и в корректировке уже утвержденных планов. Поощрялось рационализаторство. Однако, как отмечает автор, дальневосточная экономика с учетом ее более низкого уровня развития, чем в центре страны, была менее восприимчива к инновациям (с. 90).

Нередкими стали нарушения планово-финансовой дисциплины. Причем речь не идет о банальном разворовывании государственных средств в целях личного обогащения. Немалая часть ресурсов направлялась на социальные цели, в т.ч. и повышение зарплаты работникам.

В 1962 г. было проведено укрупнение совнархозов, на Дальнем Востоке из пяти их осталось всего два. Однако объединению подверглись либо СНХ, отличающиеся региональной специализацией (Амурский и Хабаровский), либо при сходной специализации удаленные друг от друга территориально (Приморский и Сахалинский), что нарушало основной принцип новой модели управления – приближение его к производству (с.112-113).

Не обходит вниманием автор монографии и аграрные вопросы. Заявляя не подтверждаемый аргументами тезис о «стабильно кризисном состоянии» сельского хозяйства (с. 117), С.Г. Коваленко рассматривает последствия освоения целины для региона. Московские руководители не учли специфики дальневосточного сельского хозяйства, неоправданно много внимания уделяя мелиорации заболоченных земель и увеличению площадей под кукурузу, которую Д.С. Полянский считал основной кормовой культурой для Дальнего Востока. Автор монографии делает вывод о провале целинной эпопеи в изучаемом регионе.

Проведенное в те же годы разделение партийных организаций на промышленные и сельские также получило отражение в монографии. Несмотря на внешнее одобрение этой акции на местах, автор отмечает, что на самом деле многие местные руководители считали подобную реорганизацию нецелесообразной. Так, первый секретарь Приморского крайкома В.Е. Чернышев назвал заслугой партийных органов края тот факт, что северные районы не разделились на промышленные и сельские и был сохранен единый горком КПСС во Владивостоке (с. 129). Районы в дальневосточном регионе занимали большую территорию, поэтому многие промышленные структуры перешли в подчинение сельским парткомам, а отдельные совхозы (в Кавалеровском районе Приморского края) находились в ведении промышленных парткомов. Экономические последствия разделения также оказались в основном отрицательными: снижалась рентабельность, росла себестоимость (с. 130-131). Общий вывод автора по второй главе: возможности административных реорганизаций были исчерпаны, шанс оставался в переходе к экономическим методам хозяйствования, что и стало основой реформы 1965 года.

Реализации последней в дальневосточном регионе посвящена глава третья монографии. Автор констатирует, что к середине 1960-х гг. на Дальнем Востоке не было предприятий, работавших в новых условиях, поэтому за основу решили взять опыт москвичей (с. 155). Переход на новые условия работы начался в регионе позднее, чем в целом по стране. В промышленности Приморья этот процесс стартовал лишь с конца 1967 г. Уже на ранних стадиях реформы в регионе выявились ее изъяны, характерные для советской экономики в целом. Так, данные по Находкинскому морскому рыбному порту свидетельствуют, что в период с 1965 по 1969 гг. рост заработной платы опережал рост производительности труда в 4 раза (в предшествующие годы лишь в 1,5 раза) (с. 160). Воссозданные центральные министерства были заинтересованы оказывать поддержку лишь крупным

предприятиям. На Дальнем Востоке таковые имелись в основном в рыбной отрасли, лесной промышленности и цветной металлургии, основная же масса предприятий относилась к мелким и средним. Положительный экономический эффект наблюдался поэтому лишь на крупных предприятиях. Но и здесь не всё шло гладко. Неудовлетворительно шло строительство новых предприятий цветной металлургии, особенно объектов оловодобывающей промышленности (с. 170). Технологическое обновление промышленности региона в 1968-69 гг. затрагивало лишь три из десяти укрупненных отраслей: лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную промышленность, цветную металлургию, машиностроение и металлообработку (с. 173).

Столь же неоднозначными явились и социальные последствия экономической реформы. Попытки преодолеть неравенство в оплате труда, в т.ч. путем внедрения щекинского метода, позволили только на судах Дальневосточного морского пароходства высвободить к 1975 г. 730 чел., что дало экономический эффект около 750 тыс. руб. В официальных документах по региону неизменно подчеркивалась трудоустроенность всех высвобожденных. При этом надо иметь в виду, что социальная напряженность ослаблялась оттоком населения в центральные регионы (с. 177).

Выделяя пятилетку 1965-70-х гг. как самую успешную за послевоенное время, автор неоправданно связывает этот успех с экспортом природных ресурсов (нефть, газ) и лишь потом уже «половинчатыми результатами реформы» (с. 180). С этим трудно согласиться, учитывая, что значимость сырьевого экспорта для советской экономики повысилась лишь после 1973 г. Да и автор приводит показатели роста экспорта (не уточняется, какого именно?), относящиеся уже к 1970-м гг. Полагая, что к 1970 г. реформа фактически прекратилась, С.Г. Коваленко отмечает

небольшое ее влияние на повышение эффективности промышленного производства Дальнего Востока.

Анализируя положение в сельском хозяйстве региона, автор подчеркивает позитивное значение для села таких мер, как повышение среднемесячной оплаты труда работников колхозов и совхозов (последние на Дальнем Востоке преобладали). Но заработная плата превращалась в «форму социального вспомоществования и не способствовала повышению эффективности труда» (с. 184). Главным способом роста урожайности оставалось увеличение посевных площадей путем мелиорации. Другой путь состоял в создании специализированных хозяйств. Благодаря этому удалось превратить птицеводство в одну из немногих в регионе рентабельных отраслей. Тем не менее с каждым годом росла себестоимость производства и снижалась производительность труда.

Подводя итоги исследования, автор справедливо отмечает противоречивый характер реформ на Дальнем Востоке (как и в стране в целом). Определенные их позитивные социальные результаты упирались в неспособность власти адаптировать существующую систему управления к требованиям времени. С.Г. Коваленко не дает однозначного ответа на вынесенный в заголовок вопрос «Была ли модернизация на Дальнем Востоке?», но из содержания ее монографии следует весьма пессимистический настрой в отношении способности системы к обновлению. Практический же урок проведенного исследования заключается в том, что в России невозможно проводить реформы без учета региональной специфики.

Данная работа, естественно, не закрывает вопрос о возможности реформировать советскую систему. Но приводимый автором фактический и статистический материал обогащает наше представление об истоках последней реформы СССР, закончившейся его крахом.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.155.14 ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ МГОУ В 2011 г.

Диссертационный совет Д 212.155.14 создан при Московском государственном областном университете приказом Рособнадзора от 18.07.2008 г. № 1484-1139. Совету разрешено принимать к защите диссертации по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии (политические науки).

В 2011 г. состоялось 18 заседаний диссертационного совета. Все заседания совета проводились в строгом соответствии с «Положением о порядке присуждения ученых степеней». Защиты диссертаций проходили в обстановке высокой требовательности к соискателям, носили характер научных дискуссий. Оппонентами приглашались ведущие специалисты в соответствующих отраслях политологического знания.

В течение отчетного периода были рассмотрены 2 диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии: диссертация Судоргина Олега Анатольевича «Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика»; диссертация Коняхина Геннадия Владимировича «Государственная жилищная политика в СССР и постсоветской России: политологический анализ».

Также в течение 2011 г. были рассмотрены 14 диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии: диссертация Пещерова Владимира Георгиевича «Государственная политика интеграции российского образования в общеевропейскую систему образования»; диссертация Удалой Татьяны Владимировны «Роль гражданского общества в формировании современной диаспоральной политики Российской Федерации»; диссертация Давыдовой-Мартыновой Еле-

ны Игоревны «Проблемы влияния ресурсов сети Интернет на политическую активность молодежи в современной России»; диссертация Модяновой Татьяны Викторовны «Государственная кадровая политика в сфере образования в России в конце XX-начале XXI веков: политологический анализ»; диссертация Тарасикова Романа Сергеевича «Политическое участие российских офицеров в трансформации государственных и общественных институтов»; диссертация Танайлова Сергея Валерьевича «Энергетическая политика России как фактор обеспечения национальной безопасности»; диссертация Прасолова Валерия Ивановича «Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России»; диссертация Свиридова Владимира Петровича «Политическая роль интеллигенции в условиях трансформации российского общества»; диссертация Тихоновой Виктории Владимировны «Политическое «пралидерство» и популизм в современной России»; диссертация Минаева Олега Сергеевича «Политическая компонента энергетической безопасности России»; диссертация Максимова Александра Юрьевича «Государственная политика охраны авторского права в России в конце XX-начале XXI вв.: политологический анализ»; диссертация Егорова Игоря Степановича «Вхождение постсоветских республик в НАТО и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации»; диссертация Махмудовой Саиды Абдулахатовны «Становление и развитие парламентаризма в Казахстане, Киргизии, Узбекистане: конец XX – начало XXI вв.»; диссертация Щедровой Ольги Андреевны «Социальная политика региона в условиях трансформации российского общества (на примере г. Москвы)».

Тематика диссертаций соответствует номенклатуре специальности 23.00.02, в частности таким пунктам паспорта специальнос-

ти, как «типы политических организаций», «формы артикуляции интересов» (диссертация В.А. Прасолова); «государственная политика и управление», «виды государственной политики», «эволюция политической системы и государственной политики Российской Федерации в постсоветский период» (диссертации О.А. Судоргина, Г.В. Коняхина, В.Г. Пещерова, Т.В. Удалой, Т.В. Модяновой, С.В. Танайлова, А.Ю. Максимова, О.А. Щедровой); «политическая система, ее структура», «модели политических систем: сравнительный анализ» (диссертация С.А. Махмудовой); «специфика и основные черты политического процесса в постсоветской России» (диссертации И.С. Егорова и О.С. Минаева); «политическое лидерство как институт политической власти», «качества политического лидерства и имидж политика», «элиты и лидерство в современной России» (диссертация В.В. Тихоновой); «политическая модернизация, ее взаимосвязь с модернизационными прорывами в других сферах общественной жизни». «Противоречия и перспективы модерниза-

ционных процессов в современной России» (диссертации В.П. Свиридова и Р.С. Тарасикова); «Интернет и политика» (диссертация Е.И. Давыдовой-Мартыновой).

Практическое значение диссертаций состоит в том, что полученные исследователями результаты могут быть использованы при выработке конкретных мер решения проблем, возникающих в соответствующих отраслях государственного управления; при корректировке некоторых видов государственной политики (в частности жилищной, информационной, диаспоральной, образовательной и кадровой политики, политики по обеспечению национальной безопасности страны, в области охраны авторского права и др.); в деле совершенствования российского законодательства, а также при разработке курсов и спецкурсов по общей и прикладной политологии, предназначенных студентам, аспирантам и государственным служащим.

**Ученый секретарь Совета
Абрамов А.В.**

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; ученый секретарь Диссертационного совета по политическим наукам при Московского государственного областного университета; e-mail: abram-off@mail.ru

Багдасарян Сусанна Джамиловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сочинского государственного университета; e-mail: BSD73@mail.ru

Балдин Павел Павлович – аспирант кафедры истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: fipipmgou@gmail.com

Зайцев Александр Владимирович – аспирант кафедры истории стран ближнего зарубежья Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: saitzev_av@mail.ru

Зозуля Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории права и государства, профессор юридического факультета Московского государственного открытого университета; e-mail: ozozulya@mail.ru

Иванов Павел Александрович – адъюнкт кафедры французского языка Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва); e-mail: Ivanof.pavel@gmail.com

Игнатов Кирилл Андреевич – соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, учитель истории СОШ № 1011 (г. Москва); e-mail: kirill-fire@mail.ru

Колокольчикова Римма Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Череповецкого государственного университета; e-mail: retinovka@mail.ru

Красноженова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета; e-mail: eleena@inbox.ru

Кричевский Борис Вадимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; e-mail: publish@bookhouse.ru

Летуновский Пётр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Смоленского института бизнеса и предпринимательства; e-mail: petr00001@yandex.ru

Малкова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Южно-Уральского государственного университета (филиал в г. Миассе); e-mail: malkovaig@mail.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; зав. кафедрой гуманитарного общественного цикла Сергиево-Посадского филиала Московского государственного индустриального университета; e-mail: dmaslov@divonet.ru

Минаков Сергей Викторович – аспирант кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва); e-mail: nmsimmin@mail.ru

Никитина Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Московского института экономических преобразований; e-mail: nikitanna75@gmail.com

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: nikolaeva 3145@yandex.ru

Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт); e-mail: p_k_t_v@mail.ru

Печаткин Тимур Сергеевич – соискатель кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: timpechatkin@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Московский институт электронной техники); e-mail: vl-bit@yandex.ru

Розина Валентина Александровна – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: neutour@yandex.ru

Семененко Александр Андреевич – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, заместитель директора Воронежского колледжа «Номос»; e-mail: 31071976@bk.ru

Шарабарина Софья Геннадьевна – аспирант кафедры отечественной истории Костромского государственного технологического университета; e-mail: sonya9991@yandex.ru

Шаринов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва), заведующий сектором научно-популярных изданий Главного архивного управления города Москвы, Член Союза писателей России; e-mail: alexshariff@mail.ru